

ДИСКУССИЯ ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА

По докладу М. С. Годеса

Издание второе

**URSS
МОСКВА**

Дискуссия об азиатском способе производства: По докладу
М. С. Годеса. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. —
 184 с. (Размышляя о марксизме.)

Настоящее издание представляет собой стенограмму дискуссии, происходившей в Ленинграде в феврале 1931 г. и организованной Обществом марксистов-востоковедов и Ленинградским восточным институтом им. А. С. Енукидзе.

В описанной Марксом системе развития общества, проходящего последовательные общественно-экономические формации, нашлось место и так называемому «азиатскому способу производства», существовавшему в странах Древнего Востока. При этом способе государство, выступая в том числе в качестве земельного собственника, противостоит непосредственным производителям, находящимся в зависимости от него. Маркс выделил четыре способа производства — азиатский, античный (рабовладельческий), феодальный и буржуазный — и соответствующие им формации. Но позже, в трудах последователей Маркса, в качестве первой общественной формации указывалась рабовладельческая. Для окончательного прояснения вопроса о том, существовал ли азиатский способ производства как особая эпоха исторического развития общества, была организована дискуссия, материалы которой представлены в данной книге.

Издание предназначено историкам, политологам, социологам, философам, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами истории древних государств и общественного развития.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
 117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 9.
 Формат 60×90/16. Печ. л. 11,5. Зак. № 1770.
 Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».
 117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-00334-6

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008

6145 ID 77141

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

М. Годес

ИТОГИ ДИСКУССИИ ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА

1. ИСТОКИ ДИСКУССИИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Основание дискуссии об азиатском способе производства, как и дискуссии об общественных формациях в целом, положили споры о характере китайской революции, развернувшиеся во всей широте в период 1926 — 1927 гг. Уже тогдашние споры могли бы служить яркой иллюстрацией мысли т. Сталина об отставании нашей теории от практики, о том, что теория за практикой не поспевает. Коммунистический интернационал дал четкий ответ на вопрос о характере социально-экономического уклада современного Китая, но мы, марксисты, не можем похвастать тем, что в данном случае наша теоретическая работа предупредила революционную практику. Совсем наоборот.

Установка партии и Коминтерна в вопросе о характере китайской революции оспаривалась с двух точек зрения, причем обе одинаково вели к отрицанию феодализма в Китае. Радек, который много сделал для открытия феодализма в древней истории Китая, как троцкист отрицал наличие серьезных феодальных пережитков в современном Китае, социально-экономический уклад которого по его мнению характеризовался господством торгового капитализма. Сам Радек уже в 1930 г., оценивая ошибочность своей позиции в период 1926—1927 гг., выразился так:

Моя ошибка в оценке движущих сил революции, совершенная в период нашей дискуссии 1926 — 1927 гг., состояла в том, что мне недостаточно ясно было, что само сращение помещичьей кабалы с кабалой торгового капитализма возможно только на основе не ликвидированных остатков феодализма и что поэтому тяжесть, лежащая на крестьянских массах, носила в моих глазах более современный капиталистический характер.¹

Оставляя в стороне недостаточную четкость этой формулировки т. Радека, все же ясно, что Радек правильно видит основную свою ошибку в недооценке пережитков феодализма в современном Китае.

Но наскоки на партийную оценку характера экономического уклада современного Китая и китайской революции, как антифеодальной, шли не только по линии замены феодализма так называемым торговым капитализмом. На XV съезде партии в прениях по отчету нашей делегации в Коминтерне выступил Ломинадзе, посвятивший свою речь китайской революции:

¹ «Проблемы Китая», 1930 г., № 3, стр. 11.

Уважаемые читатели! По техническим причинам в настоящем издании пагинация книги приводится со страницы 5.

Я считаю, — говорил он, — что феодализм тот тип общественных отношений, который имеется в китайской деревне, можно называть лишь весьма условно и с той оговоркой, что он очень мало походит на европейское средневековье. Пережитки этого своеобразного китайского феодализма, который лучше было называть, как называл Маркс, азиатским способом производства, и являются причиной, порождавшей острейшую классовую борьбу в китайской деревне.¹

На первый взгляд это высказывание могло показаться невинной терминологической поправкой, между тем тот же Ломинадзе в связи с оценкой характера Кантонской коммуны дал троцкистскую установку, определив задачи революции, как задачи социалистической революции. Оказывается, что отрицание феодализма в Китае или смазывание его всегда приводило к политическим ошибкам и ошибкам именно троцкистского порядка. Между прочим, оценка общественных отношений в китайской деревне, как отношений азиатского способа производства, была дана и в первоначальном проекте аграрной программы китайской коммунистической партии, проекте, впоследствии дезавуированном VI съездом партии. Любопытно, что задолго до Ломинадзе и до Радека поход против феодализма в Китае был принят Канторовичем на страницах журнала «Новый Восток»:

Прежде всего нужно совершенно отменить весьма распространенное, но совершенно ошибочное представление, будто в Китае существует или недавно существовал феодализм. Более того, в Китае нет и наследия феодализма.²

Дискуссия о китайской революции сразу поставила перед нами ряд теоретических проблем. Она потребовала уточнения наших представлений о феодализме и торговом капитализме, она потребовала ответа на вопрос о том, перешел ли Китай, как и Восток в целом, через особую общественную формацию, не встречающуюся в истории европейских народов, или же в истории Китая, как и Востока, мы встречаемся с своеобразным развитием тех же форм, что и в истории Европы.

Начавшись с вопроса об азиатском способе производства, дискуссия переросла в спор об общественных формациях, но, выросши из политики, дискуссия на всем своем протяжении не теряла своего политического значения, и сегодня, поставив вопрос об ее итогах, мы отдаем себе полный отчет в том, что и здесь мы заняты не голыми академическими спорами. Учитывая политическое значение нашей дискуссии, мы в то же время понимаем, что от правильного решения наших методологических споров зависят и успехи и самая возможность нашей работы в области конкретных исследований. Тем, кто будет нас упрекать в увлечении методологическими спорами, мы ответим словами Ленина:

Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений, — самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь.³

¹ Стенографический отчет XV съезда ВКП(б), стр. 662.

² «Новый Восток», № 15, стр. 82.

³ Ленин, Лекция о государстве. Новые статьи и письма, стр. 94.

Правильное представление о формациях является по Ленину первым условием марксистского изучения истории.

Каждый из этих крупных периодов человеческой истории — рабовладельческий, крепостнический и капиталистический — обнимает десятки и сотни столетий и представляет массу политических форм, разнообразных политических учений, мнений, революций, — и разобраться во всей этой чрезвычайной пестроте и громадном разнообразии, особенно связанном с учениями политическими, философскими и пр. буржуазных ученых и политиков, — можно в том только случае, если будете твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства, и с этой точки зрения разбираться во всех общественных вопросах как экономических, политических, духовных, религиозных и т. д.¹

Я напомнил, товарищи, эту мысль Ленина потому, что в ходе нашей дискуссии об общественных формациях раздавались голоса о том, что историки должны заниматься только конкретной историей, что нельзя тратить время на методологические споры. Само собой понятно, что назначение историка состоит в занятиях конкретной историей, но тем больше внимания мы сейчас уделяем общим вопросам, ибо без ясного понимания марксистско-ленинского учения об обществе и об историческом процессе в целом всякая работа в области исторического исследования будет совершенно бесплодной. А наша работа по изучению Востока только еще начинается, и необходимость четко договориться о методологических вопросах особенно настоятельна.

Первую часть доклада я посвящаю критике работ, вышедших из под пера сторонников теории азиатского способа производства. Их концепции восточного общества я противопоставляю марксово учение об обществе и общественных формациях; во второй части я остановлюсь на вопросе о взглядах классиков марксизма на азиатский способ производства; и, наконец, в третьей — на вопросе о том, чем заменить концепцию азиатского способа производства.

Должен только оговориться, что в части, посвященной изложению взглядов Маркса и Энгельса, я не собираюсь приводить всех цитат, которые имеют отношение к вопросу. Во-первых, в докладе, прочитанном мною в начале 1929 г. и многим из вас известном, я довольно подробно на этом останавливался; во-вторых, эти места из Маркса и Энгельса в итоге дискуссии стали достаточно общеизвестными; в-третьих, у меня есть тайная надежда, что в нашей дискуссии этим делом займутся мои оппоненты. Затем, товарищи, я должен сделать одно предупреждение и о третьей части. Ставя вопрос о том, чем заменить концепцию азиатского способа производства, я, естественно, не могу оперировать материалом, убедительным для всех стран и эпох. В упомянутом уже докладе я пытался на некоторых примерах эволюции земельной собственности на Востоке, в Индии и Китае, в первую очередь показать, что оснований для рассмотрения социальных отношений на Востоке эпохи европейского внедрения, как отношений своеобразно феодальных, у нас достаточно. Сегодня же я хочу сосредоточить ваше внимание исключительно на методологической стороне вопроса.

Называя свой доклад «Итогами дискуссии», я отнюдь не хочу ограничивать рамок нашей собственной дискуссии подытоживанием преж-

¹ Там же, стр. 98 — 99.

них споров, а надеюсь, что поскольку здесь собрались товарищи, занимающиеся конкретными исследованиями в самых разнообразных областях истории и экономики Востока, нам удастся сделать и некоторый шаг вперед.

Свой доклад я прошу рассматривать как вводное слово к тому обмену мнений, который должен за ним последовать.

2. КАК ШКОЛА МАДЬЯРА ПРИМЕНЯЕТ УЧЕНИЕ МАРКСА О ФОРМАЦИЯХ

Итак, мы начнем со школы т. Мадьяра. Если не все писавшие о Востоке и принявшие концепцию азиатского способа производства вышли из школы Мадьяра, то все они обнаруживают естественное тяготение к этому наиболее плодотворному и, надо сказать прямо, наиболее подкованному защитнику этой теории. Характерной особенностью всей этой школы является некритическое использование отдельных замечаний Маркса об азиатском способе производства и о Востоке часто вне связи с контекстом и, во всяком случае, вне связи с общим учением Маркса о формациях. Мне кажется, что дискуссия об азиатском способе производства и высказывания сторонников этой теории лишний раз подтвердили, что цитаты из Маркса еще не составляют марксистского учения, что не всякий, кто цитирует Маркса, правильно применяет его метод, как не всякий повторяющий «отче наш», попадает в царство небесное.

Основной вопрос, который встал перед нами в начале дискуссии, может быть сформулирован так: какой способ производства застало европейское внедрение в Китае и в Индии. Ведь в зависимости от решения этого вопроса решался и другой сугубо актуальный для нас спор о современном социально-экономическом укладе этих стран, т. е. вопрос о характере колониальных революций. Как решал этот вопрос т. Мадьяр?

Считал ли Маркс, что в Китае до вторжения империализма существовал азиатский способ производства, господствовали отношения, характерные для восточного общества? Или же по Марксу следует, что речь идет о старо-азиатском обществе, о строе, существовавшем в Вавилоне, Ассирии, Персии и т. д.? На наш взгляд, нет никакого сомнения в том, что, по мнению Маркса, в Индии существовал именно этот строй, и английское владычество разложило, преодолело именно этот способ производства в Индии. Нет никакого сомнения в том, что, по мнению Маркса, в Китае колониальная политика разрушила именно экономическую основу азиатского производства. Нет никакого сомнения в том, что такие гиганты марксистской мысли, как Ленин и Плеханов, не только признали существование азиатского способа производства, но, как мы увидим ниже, развивали марксово учение о нем.¹

Оставим пока на совести т. Мадьяра утверждение о том, что Ленин развивал учение об азиатском способе производства. Здесь нас занимает вопрос, как Мадьяр и его сторонники увязывают высказывания Маркса об азиатском способе производства с основными положениями марксова учения об обществе. Первая неясность получается тогда, когда Мадьяр признает, что основным препятствием, которое приходится преодолевать революции в Китае и в Индии, является феодализм. Европейское внедрение застало по Мадьяру в Китае и в Индии

азиатский способ производства, современная же революция направлена против феодализма. Откуда вырос последний, какие силы вызвали его — этот вопрос остается совершенно без ответа. Последовательность, самая простая последовательность, требовала бы от Мадьяра сказать «б» там, где он говорит «а», сказать то, что говорили Ломинадзе и др., что основной враг на Востоке не феодализм, а азиатский способ производства. Но особенно поучительно проследить, как Мадьяр отвечает на основной для марксиста вопрос, когда он (марксист) говорит о специфической общественной формации, вопрос о том, что лежит в основе этой специфичности.

Похождения Мадьяра за поисками ключа к восточному небу и поучительны и забавны. Во введении к книге «Экономика сельского хозяйства в Китае» Мадьяр находит этот ключ в искусственном орошении, но через некоторое время, в предисловии к книге товарищей Кокина и Папаяна, он на первое место выдвигает вопрос об общине, как основном факторе, раскрывающем тайну восточного общества:

Маркс и Энгельс в своих первых работах приводили следующие характерные черты восточного общества:

- 1) Отсутствие частной собственности на землю;
- 2) Необходимость искусственного орошения и соответственно этому необходимость организации общественных работ в большом масштабе;
- 3) Деревенская община;
- 4) Деспотия, как форма государства.

Эти признаки сами по себе еще не раскрывают способа высасывания прибавочного продукта из непосредственных производителей, но они дают ключ к раскрытию этой самой глубокой тайны азиатского способа производства. Эти признаки дают ключ к раскрытию классовых отношений восточного общества. Для того чтобы найти этот ключ, мы должны исходить из общины, ибо из нее и на ней, как базисе, возникло и развивалось восточное общество.¹

Таким образом, в итоге всех рассуждений оказывается, что не искусственное орошение — ключ к восточному небу и даже не община, — последняя скорее ключик от шкатулки, в которой запрятан настоящий ключ, которым и будет открыт вход на седьмое азиатское небо. Последуем туда:

Азиатский способ производства не только не существовал в своем чистом виде, но при известных исторических социальных условиях он мог возникнуть и сложиться и там, где условия земледельческого производства отличались от характерных для Востока предпосылок. Но при всех условиях в его основе лежала национализация земли.²

Таким образом, настоящий-то ключ заключается по Мадьяру в национализации земли или же в государственной собственности на землю.

Окончательная формулировка сущности азиатского способа производства дана Мадьяром в его предисловии к книге Кокина и Папаяна:

Итак, основное классовое деление восточного общества происходит между основными крестьянскими массами, объединенными в общинах, и между выделившимися из общин бывшими слугами общины, конституировавшими себя, как господствующий класс (жрецы в Египте, литераты в древнем Китае). Форма государства — деспотия. Частная собственность на землю отсутствует. Верховным собственником земли и воды — этих основных условий производства — является

¹ М. Кокин и Г. Папаян, Цзин-Тянь. Аграрный строй древнего Китая. Предисловие Мадьяра. Л. 1930, стр. XLVIII — XLIX. (Курсив мой. — М. Г.)

² Мадьяр, «Экономика», стр. 13.

¹ Мадьяр, Экономика сельского хозяйства в Китае. Гиз, 1928, стр. 6 — 7.

государство. Основной экономической формой эксплуатации является налог, который совпадает с рентой. Господствующий класс эксплуатирует общины, взимая прибавочный продукт в виде налога-ренты. Экономическая форма высасывания прибавочного продукта в виде налога, который совпадает с рентой, несомненноближает этот способ эксплуатации с феодальным. Отсутствие феодальной собственности и класса феодалов все же создает принципиальное различие между Востоком и феодальным обществом.¹

Рассуждения о внешнем сходстве между феодализмом и азиатским способом производства можно найти и в работе Кокина и Папаяна, но и там усиленно подчеркивается, что это сходство чисто внешнего свойства, что специфику азиатского способа производства составляет рента-налог, как особый способ высасывания прибавочного продукта из непосредственных производителей.

Подробно останавливаться на мыслях Кокина и Папаяна по вопросу о сущности азиатского способа производства не имеет смысла, так как все их рассуждения на этот счет являются повторным и в то же время ухудшенным изданием Мадьяра. И у них мы встретимся с тем же отсутствием монизма, что и у главы школы, и обнаружим ряд ошибок, которые они повторяют вслед за учителем. Напомнить стоит пожалуй лишь одно место из рассуждения наших авторов:

Прибавочный продукт взыскивается как потому, что господствующий класс выполняет общественные функции, так и потому, что класс этот захватил в свои руки «первое условие земледелия на Востоке» — оросительную систему.²

Если бы наши авторы умели или во всяком случае хотели увязать концы с концами, они должны были подумать, как согласовать их утверждения на стр. 75, что различие между феодальным и азиатским обществом не в том, что в первом «власть зиждется на обладании землей, в азиатском обществе власть эта основана на обладании источниками орошения», — с только что цитированной мыслью об основах взыскания прибавочного продукта на Востоке. В самом деле, если прибавочный продукт взыскивается потому, что господствующий класс выполняет общественные функции, то ведь эта функция выражается именно в наблюдении за искусственным орошением; если он взыскивается потому, что господствующий класс захватил в свои руки оросительную систему, то это снова та же вода. Получается кругом вода. Можно ли удивляться после этого, что теория, построенная на воде, оказалась с самого начала подмоченной?!

Прежде чем перейти к рассмотрению определений Мадьяра и его школы с точки зрения учения Маркса об общественных формациях мне хотелось бы привести еще два высказывания по существу затронутого здесь вопроса. Одно из них принадлежит т. Ломакину и по своей основной тенденции примыкает к школе Мадьяра:

Специфические черты общественно-экономического уклада азиатских государств состоят в общенародной собственности на землю, в отсутствии частной и феодальной собственности, до которой, по выражению Энгельса, восточные народы еще не дошли; мелкий производитель является владельцем, но не собственником земли; прибавочный продукт в виде налога поступает в распоряжение государства в лице иерархии чиновников.³

¹ Кокин и Папаян, Предисловие, стр. LIII. (Курсив мой. — М. Г.)

² Там же, стр. 76.

³ «Историк-марксист», № 16, стр. 123. Стенограмма прений по докладу Дубровского.

Здесь, как видите, Ломакин проявил оригинальную мысль. Общественной собственности на землю мы у Мадьяра как будто не находим. Но именно Ломакин может служить прекрасным предостережением Мадьяру о том, куда растет и куда ведет его школа. Вдумайтесь, товарищи, в это положение: на Востоке общественность общенародная, но тем не менее прибавочный продукт поступает в распоряжение государства в лице иерархии чиновников. На каком, мы можем спросить, основании взимает государство этот прибавочный продукт? Единственно, вероятно, потому, что оно выполняло общественно-полезную функцию. Надклассовый или общеклассовый характер этого государства выступает с полной отчетливостью. После этого буржуазные пошлости, которые проповедывал за несколько лет до Мадьяра и Ломакина Канторович, нас удивить не смогут. В упомянутой уже мной статье он утверждал, что «социально-экономический уклад Китая базируется на фискальных, а не на земельных или торгово-капиталистических отношениях».

Или вариация той же мысли:

В отличие от феодализма, построенного на земельных отношениях, господство бюрократии в Китае организует общество на публично-правовых началах.

Социальная равнина крестьянско-чиновничьего Китая Витфогеля принадлежит к этой же серии высказываний.

3. ОСНОВНОЕ В МАРКСИСТСКОМ УЧЕНИИ ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМАЦИЯХ.

Попытаемся противопоставить всем этим теоретическим конструкциям марксово учение об общественных формациях. Какой критерий клал Маркс в основу различия одной общественной формации от другой? Этот вопрос может быть освещен следующим замечанием Маркса:

При барщинном труде труд крепостного крестьянина на самого себя и принудительный труд его на помещика различаются между собой самым осязательным образом в пространстве и времени. При рабском труде даже та часть рабочего дня, в течение которой раб возмещает лишь стоимость своих собственных средств существования, в течение которой он фактически работает лишь на самого себя, представляется трудом на хозяина. Весь его труд представляется неоплаченным трудом. Наоборот, при системе наемного труда даже прибавочный или неоплаченный труд кажется оплаченным. Там отношение собственности скрывает работу раба на себя самого, здесь денежное отношение скрывает даровую работу наемного рабочего.¹

Маркс отличает одну общественную форму от другой прежде всего по различию форм высасывания прибавочного продукта от непосредственного производителя. Все решающие замечания Маркса всегда подчеркивают именно эту сторону.

Известная мысль Маркса из второго тома «Капитала» несколько не противоречит этому положению. В самом деле:

Каковы бы ни были общественные формы производства, рабочие и средства производства всегда остаются его факторами. Но, находясь в состоянии отделения один от других, и те и другие являются его факторами лишь в возможности. Для того чтобы вообще производить, они должны соединиться. Тот особый характер и способ, каким осуществляется это соединение, различает отдельные экономические эпохи социальной структуры.²

¹ Маркс, Капитал, изд. 1928 г., т. I, стр. 421.

² Там же, изд. 1923 г., т. II, стр. 12 — 13.

Но мы хорошо знаем, что только в коммунистическом обществе рабочая сила и средства труда соединены свободно, гармонично. В классовой же обществу между рабочей силой — непосредственным производителем — и средствами труда существует антагонизм в виде той или иной формы собственности. Соединение в таком случае может выступать в противоречивой форме, и этот способ соединения всегда неразрывно связан с ему присущим способом высасывания прибавочного продукта. Классическое определение сущности общественной формации дано Марксом в главе о ренте, но и в первом томе «Капитала» он всегда подчеркивает именно эту сторону.

Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации, например, общество рабства от общества наемного труда.¹

Наконец, обратимся к знаменитому месту из главы о ренте, которое по справедливости может считаться самым важным высказыванием Маркса об общественных формациях, но которому как-то в нашей исторической литературе не везет. Не везет не потому, чтобы его совершенно не цитировали. Его цитирует и Дубровский и Мадьяр и, если не ошибаюсь, Кокин с Папаяном, но лишь для того, чтобы иллюстрировать или свое непонимание этого глубокого замечания, или же нежелание серьезно воспользоваться им как методологическим направляющим. Вот оно:

Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства, и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом основана вся структура экономического общества, вырастающего из самых отношений производства, и вместе с тем его специфическая экономическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя, а следовательно и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче — всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий, — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д., — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств.²

Мне кажется, что стоит только сопоставить все то, что выдвигают в качестве цементирующих специфическую общественную формацию сторонники концепции азиатского способа производства с только что приведенной мыслью Маркса, чтобы убедиться в том, что в качестве этих факторов мы найдем у них все что угодно, только не то, что Маркс считал самой глубокой тайной, сокровенной основой всего общественного строя, т. е. способ высасывания прибавочного труда из непосредственных производителей. Мадьяр, как кот около горячей каши, ходит вокруг да около этого основного вопроса и все же определяет специфику азиатского способа производства второстепенными, во всяком случае производными факторами, и тем самым совершает роковое

отступление от марксистской методологии. У Мадьяра, в отличие от его сторонников достаточно начитанного в марксизме, заговорила совесть, когда он дал свою законченную формулировку азиатского способа производства. Говоря о налоге-ренте, как специфической форме изъятия прибавочного продукта на Востоке, он не мог не вспомнить, что Маркс всегда подчеркивал, что при совпадении ренты и налога «не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты». Если рента принимает форму налога, то лишь потому, что земельная собственность принимает на Востоке концентрированную форму. «Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе».¹

Самым существенным для нас в этом замечании Маркса является то, что и земельную ренту и ренту-налог он принципиально не различает, ибо та и другая основаны на земельной собственности. Только ничего не понявшие в марксизме люди могли на этом построить основу специфического способа производства. Стоит ли добавлять, что попытки вывести эту ренту-налог из собственности государства на источники орошения точно так же происходят от непонимания марксизма. Экономически трудно различить собственность на землю и воду.

Мадьяр, вспомнив приведенные замечания Маркса, вынужден был согласиться на сближение между феодализмом и азиатским способом производства и все же настаивает на принципиальном различии двух этих формаций. После этого мы вправе требовать как от Мадьяра, так и от всех мадьярят (смех) ясного ответа на вопрос о том, признают ли они критерий Маркса в определении общественных формаций, или же цитируют Маркса лишь для приличия. Товарищей Кокина, Папаяна и др. сторонников теории азиатского способа производства мы должны просить ясно высказать здесь свою точку зрения по основному для нас вопросу. На собственном горьком опыте эти товарищи могли убедиться, что непонимание основных положений марксизма и ленинизма в вопросе о сущности общественных формаций приводит к извращениям марксизма во всех решающих областях науки об обществе и историческом процессе. И если эти товарищи до сих пор этого еще не поняли, то я готов взять на себя неблагодарный труд помочь им в этом. Я хочу показать на основе их собственных работ и в первую очередь на работе наших ленинградских товарищей Кокина и Папаяна, как неправильное понимание учения Маркса о формациях привело их к извращению марксовой теории классов и классовобразования, во-первых; марксо-ленинского учения о государстве, во-вторых, и к извращению наших представлений о движущих силах истории, как и историческом процессе в целом, — в-третьих. Короче, я попытаюсь показать, что во всех этих вопросах школа Мадьяра гораздо ближе стоит к механистическим концепциям Богданова, чем к Марксу и Ленину.

4. КЛАССЫ, ГОСУДАРСТВО И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА ВОСТОКЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ ШКОЛЫ МАДЬЯРА

Начнем с вопроса о классах. Как определяет Мадьяр классовую структуру азиатского способа производства?

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 167.

² Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 267.

¹ Маркс, Там же, стр. 267.

Мусульманское восточное общество имеет военную и религиозную бюрократию, купца и ростовщика, как господствующие классы. В Индии англичане говорят о «получателях ренты» (это — англичане говорят) прямо замечательно! М. Г.). В Китае империализм застал сочетание помещика, купца, ростовщика, чиновника, как господствующий класс.¹

Раньше мы приводили мнение Мадьяра о том, что иностранное внедрение застало в Китае азиатский способ производства. Сейчас мы можем познакомиться с классовой расшифровкой этого способа производства. Получается каша а ля Мадьяр из помещика, купца, ростовщика и чиновника. Попробуйте после этого обвинить Мадьяра в нечеткости его формулировок! У достойных учеников Мадьяра Кокина и Папаяна вы можете найти формулировочки того же типа. При разложении азиатского способа производства наступает по Кокину и Папаяну «господство купца, ростовщика, чиновника, землевладельца». Получается не класс, а прямо четырехголовая гидра.

Иногда, — глубокомысленно замечают Кокин и Папаян, — довольно часто — налицо сочетание купца и землевладельца, купца-ростовщика — землевладельца, чиновника — купца, чиновника — ростовщика и т. д. А внизу угнетенное крестьянство...²

Такое «марксистское» определение классовой структуры восточного общества мне удивительно напоминает анализ классовой структуры Китая, произведенный одним левым гоминдановцем:

В прошлое время наш народ делился на четыре группы: ученые, крестьяне, рабочие и купцы, но после введения всеобщего образования класс ученых, как таковой, не может уже существовать, и при анализе нашей классовой организации мы не можем применять такое понятие. В настоящее время существующие классы — крестьяне, рабочие, купцы, студенты и учителя. Кроме того класс китайцев, живущих за границей.

Не менее интересный анализ дает этот автор при рассмотрении деления китайского общества на угнетателей и угнетенных:

Класс притеснителей — местные сатрапы, продажные помещики, компрадоры, чиновники — политиканы, милитаристы, империалисты; притесненные классы — крестьяне, рабочие, мелкая буржуазия, большая часть интеллигенции, женщины и китайцы, живущие за границей.³

По глубине этот анализ может быть поставлен рядом с характеристикой классовой структуры Китая, которую дают нам Кокин и Папаян.

Справедливость требует отметить, что как у т. Мадьяра, так и его учеников преобладает такая характеристика классов, свойственных азиатскому способу производства, которая господствующий класс видит в бюрократии, но и в этом отношении они также повторяют то, что задолго до них высказывал и не претендующий даже на звание марксиста Канторович:

На фоне этой относительной социальной однородности мы имеем только одну группу населения, которая в течение всех последних веков может притязать на руководящую социальную роль — и этой группой является бюрократия.⁴

Откуда выросло это своеобразное классовое образование? Как решать этот вопрос «азиатская» школа, удобно будет рассмотреть в связи с

¹ Мадьяр, Экономика, стр. 15.

² Кокин и Папаян, стр. 96.

³ Гань-Най-гуань, Теория и практика сунятсенизма, изд. УТК, 1928 г., стр. 28.

⁴ «Новый Восток», № 15, стр. 82.

их взглядом на происхождение и социальную природу государства на Востоке. Мы уже встретились с тем взглядом наших историков, согласно которому государство на Востоке выполняло в первую очередь общественно-полезную функцию. Развернутую картину происхождения государства в странах с азиатским способом производства дает сам глава школы в предисловии к труду своих наиболее последовательных adeптов — Кокина и Папаяна. Вместе с тем он дает и ответ на вопрос о классовом образовании на Востоке:

Мы видим, таким образом, как необходимость искусственного орошения выделяет из общины группу лиц, которые, выполняя общественные функции, как слуги общины, снабжаются известными полномочиями, и как эти слуги общины превращаются в господ общины, как они конструируют себя по отношению к общине, как господствующий класс. Политическая власть из служанки превращается в госпожу. Тем самым бывшие слуги общины, ставшие господами общины, станут и эксплуататорами общины.¹

Приняв это за чистую марксистскую монету, Кокин и Папаян и сами положили эту теорию в основу своего анализа происхождения государства на Востоке.

В азиатском обществе господствующий класс и аппарат власти совпадают.

Централизованный характер государства и самый факт возникновения больших государств выводится из оросительной системы и ее масштаба.

Экономическим базисом такого объединения отдельных групп была оросительная система. С развитием техники прорытия оросительных каналов масштаб союзов увеличивается и создаются значительные группы, связанные общей оросительной артерией. Дальнейший процесс приводит к созданию единой системы орошения — единого государства.²

Технический, а не социальный момент лежит, таким образом, в основе создания государственных объединений. Деспотический характер государства объясняется то зависимостью земледелия от искусственного орошения, то существованием общин. В целом процесс образования классов и государства рисуется нашими «азиатчиками» таким образом, что сперва группа лиц, организующих орошение и заведующих им, конструирует себя в государство-класс, захватив при помощи того же государства в свои руки первое условие земледелия — орошение. Классовое господство идет от политического. Любопытно, что и в этой области Канторович предупредил, а может быть и оплодотворил наших авторов:

Мы не можем даже назвать тот самостоятельный класс или ту группу, которую следовало считать действительно классовым хозяином как самой страны, так и ее бюрократической головки. Поскольку вообще можно говорить о зависимости, существующей между бюрократией и определенными классовыми группами, которые нормально должны были возглавлять общественную организацию, эта зависимость в Китае носит скорее обратный характер: от власти политической к власти экономической.³

Худо то, что в своих извращающих марксизм построениях все упомянутые здесь авторы пытаются опереться на... Энгельса.

Своего рода философию происхождения государства на Востоке вы найдете в «Анти-Дюринге», где Энгельс прослеживает процесс выделения правящей бюро-

¹ Кокин и Папаян, Предисловие Мадьяра, стр. LI.

² Там же, стр. 73.

³ «Новый Восток», № 15, стр. 82.

кратии, которая с неизбежностью превращается из организатора производства в особый эксплуататорский слой, живущий за счет ограбления и разорения народных масс.¹

И в этом вопросе наши товарищи не поняли Энгельса; подстригая его по образу и подобию своему под механиста, они в действительности исходили из совершенно иного оригинала, о котором они почему-то предпочитают умалчивать. В самом деле, истинный основатель всех этих теорий или по крайней мере тот, кто впервые высказал подобные теории в марксистской литературе, о «заслугах» которого мы не можем не вспомнить сегодня, вовсе не Мадьяр, не Кокин с Папаяном и не Ломакин. Первоисточник их достаточно известен. Обратимся к нему:

От состава целостного раньше рода обособляется сначала семья вождя, а потом и семьи других организаторов, каждая со своей особой собственностью, со строгим наследованием ее от отца сыновьям, среди которых старший скоро занимает привилегированное положение. Прибавочный продукт, производимый остальной массой рода, становится основным источником существования этих семей. Сначала между уровнем жизни организаторов и организуемых нет заметных различий. Впоследствии, по мере развития обмена, организаторы все больше отрываются от организуемых. Они начинают организовать производство и обмен уже в своих интересах: для увеличения прибавочного продукта, для приращения своей собственности, нарастающей из поколения в поколение.²

Кто автор этой теории? Кокин и Папаян? Мадьяр? Нет, Богданов! (Голос: Правильно!).

Товарищам Кокину и Папаяну придется здесь объяснить, чем отличается их теория происхождения государства от богдановской. В своей работе Кокин и Папаян берут в свидетели Энгельса, приводя цитату из «Анти-Дюринга», где описывается, как слуги общества превращаются в его господ. Но метод использования Энгельса целиком отвечает всей их манере цитировать классиков марксизма, манере, при которой все строится на цитате независимо от всего учения. Энгельс действительно довольно обстоятельно описывает процесс превращения вчерашних слуг общества в его господ, но если бы товарищи как следуют вчитались даже в те цитаты, которые они приводят, им бы стало ясно, что Энгельс никогда богдановцем не был:

Каким образом эта самостоятельность общественных должностей по отношению к обществу усилилась со временем до господства над ним; как слуга при благоприятных условиях постепенно превратился в господина и, смотря по обстоятельствам, являлся то восточным деспотом и сатрапом... насколько в этих превращениях участвовало наконец насилие, и каким образом отдельные личности, достигшие господства, слились в целые господствующие классы — все это до нас не касается.³

Какой вывод должен был сделать всякий непредубежденный человек, у которого мозги не засорены богдановщиной? Только тот, что по Энгельсу общественно-должностная деятельность служила всегда благоприятнейшей почвой для превращения из слуг общества в его господина. Но только почвой. Для того же, чтобы объяснить само происхождение политического господства или всякого господства и подчинения, совершенно недостаточно, вернее — совершенно неправильно исходить из теории организаторов и организуемых. Причины

или движущие силы создания такого господства лежат в ином месте. И если Энгельс пишет, что «этого нам здесь незачем касаться», то вам, гг. Кокин и Папаян, следовало попытаться найти у Энгельса, или у Маркса, или же у Ленина ответа на вопрос о том, как возникает система господства и подчинения. Вы же нашли описание этого процесса и выдали его за движущую силу.

Между тем, в том же «Анти-Дюринге» вы могли бы найти множество замечаний, которые совершенно недвусмысленно показывают, что для Энгельса государство на всех его ступенях всегда было производным от классового деления общества. Никогда Энгельс не утверждал, что государство вырастает из выполнения общественно-полезной функции.

Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества, — обращение средств производства в общественную собственность, — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства.¹

Следовательно, Октябрьская революция 1917 г. и Парижская коммуна, как ее прототип, была первым в истории случаем, когда государство выступило представителем всего общества. Можно только удивляться, как товарищи, пишущие по вопросу о происхождении государства, не потрудились использовать самое существенное, что написано по этому вопросу основоположниками марксистской теории. Я, разумеется, не собираюсь заняться цитированием классиков марксизма по этому вопросу. Достаточно напомнить, что в таких произведениях, как «От утопии к науке» Энгельса, как «Критика Готской программы» Маркса, или особенно «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и в работах Ленина, особенно в лекции о государстве, они могли бы найти все, что необходимо для понимания марксистского учения о государстве. О «Происхождении семьи» Энгельса Ленин сказал:

Это одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала.²

А вы ограничились цитатой из «Анти-Дюринга», не потрудившись обратиться к этому «основному сочинению современного социализма».

Между прочим, то, что все писавшие о Востоке с точки зрения азиатского способа производства прошли мимо лекции Ленина о государстве, сказалось не только на ошибках в вопросе о государстве, но и на всем их понимании исторического процесса. Буквально десять раз Ленин на протяжении небольшой лекции подчеркивает зависимость самого возникновения государства от распада общества на классы. Там же товарищи могли бы найти ленинское понимание исторических формаций и их последовательности, но они прошли мимо всего этого, ограничившись несколькими плохо понятыми цитатами из «Анти-Дюринга».

Нечего доказывать и то, что все основоположники нашей теории выводили классы тоже не по Мадьяру и Кокину. Рост производительных сил и связанное с ним разделение труда приводит к распаду перво-

¹ «Историк-марксист», № 16, стр. 122. Выступление Ломакина.

² Богданов, Курс политической экономии, т. I, изд. 1920 г., стр. 83.

³ Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 1931 г., стр. 166.

¹ Там же, стр. 266.

² Ленин, Лекция о государстве. Новые статьи и письма, стр. 92.

бытной коммунистической организации общества. Производство уже может вестись при помощи обособленных друг от друга мелких хозяйств. На основе этой обособленности вырастает институт частной собственности. Последняя служит основным источником социальной дифференциации. Классовая дифференциация, распад общества на экономически господствующую, с одной стороны, и материально от них зависимых с другой, вызывает к жизни государство. Вот в грубых чертах генеральный путь образования классов и возникновения государства.

Несколько слов о том, к чему конкретно приводят ошибки в этих вопросах. Мы не можем равнодушно относиться к подобным ошибкам. Какое, казалось бы, имеет значение то, что на Востоке государство возникло немножко не по Марксу, а по Богданову и Мадьяру? Не говоря уже о том, что марксова теория достаточно проверена как действительная для всего исторического процесса, можно показать, как взгляды, выводящие возникновение классов и государства на Востоке из выполнения общественно-полезных функций, ведут к идеализации самого худшего вида деспотизма — восточного деспотизма. Еще Канторович умилился маньчжурской династией, которая якобы

никогда не поощряла образование крупных земельных владений, напротив она вела борьбу с безземельем.

Но обратимся к примеру более свежему:

Народная революция против феодализации, возглавляемая мелкими и частью крупными чиновниками привела к образованию нового «народного правительства» со всей необходимой бюрократической иерархией.¹

Азиатский способ производства обнаруживал по Ломакину тенденцию к перерастанию в феодальный, но эта тенденция всегда прерывалась народной революцией, возглавляемой мелкими и даже крупными чиновниками, т. е. господствующим, по теории наших азиатчиков, классом. Дальше теории народной революции угнетенных, возглавляемой угнетателями, и создающей народное правительство с бюрократической иерархией идти некуда. Народные массы, стало быть, боролись за сохранение азиатского способа производства и с ним азиатской деспотии.

Не менее поучительно рассмотреть проблему движущих сил восточного общества в изложении сторонников теории азиатского способа производства. Азиатское общество — общество классовое, которое застойным по мнению Кокина и Папаяна считать нельзя. С развитием денежных отношений усиливается классовая борьба.

Усиление эксплуатации крестьянства вызывает усиление и его сопротивления. Крестьянство восстает и силой уничтожает те нововведения, которые были вызваны развитием денежных отношений. Происходит регресс, временный возврат к натуральным отношениям. Однако, дальнейшее экономическое развитие связано с развитием денежных отношений и, наконец, наступает такой момент, когда денежные отношения побеждают, уничтожая общинные отношения. Тогда — конец азиатскому способу производства.²

Если бы речь шла лишь о разлагающем влиянии денежных отношений на старый способ производства, мы бы могли еще договориться,

но здесь сказано «конец азиатскому способу производства». Если конец одного, стало быть начало другого. Какой способ производства приходит на смену азиатскому — это Мадьяр разъяснил нам еще в первой своей работе о Китае, в которой он поставил вопрос о переходе азиатского способа производства в феодальный. На этой же точке зрения стоят и ленинградские ученики Мадьяра. Казалось бы, когда марксист рисует переход одной классовой формации в другую, он обязан прежде всего показать, как из классовой борьбы, развивающейся в недрах старого общества, вырастают историческая необходимость и неизбежность перехода его на следующую ступень общественного развития, какие новые социальные силы послужили движущей силой этого перехода. Ничего подобного мы в писаниях наших «азиатчиков» не найдем, для них вопрос решается гораздо проще. Они пользуются той отмычкой, которая механистам всегда служит для того, чтобы объяснить непонятое ими в историческом процессе. Эта отмычка — торговый капитал. И для наших механистов, как и для их предшественников, он служит демиургом истории. Случайного тут ничего нет. У Мадьяра торговый капитал играет ту же роль:

Единство китайского государства покоилось на нуждах торгового капитала, и, как только торговый капитал ослабел, рухнуло и это единство.¹

Централизованное государство есть по Мадьяру неотъемлемый признак азиатского способа производства, следовательно на нуждах торгового капитала держится специфическая азиатская форма государства.

Мы не беремся примирять ни Мадьяра с его учениками, ни Мадьяра с... самим Мадьяром. Пусть они сами разберутся в тех противоречиях, которые они нагромождают по одному и тому же вопросу, в пределах одной и той же работы. Важно было только подчеркнуть, что все они в затруднительных случаях прибегают к самому ходкому, но ничего не объясняющему аргументу.

При азиатском способе производства классовая борьба служит не главным рычагом исторического прогресса, но наоборот — силой, поддерживающей равновесие восточного общества.

Длительность существования азиатских государств объясняется неизменностью их экономической структуры, обусловливаемой в значительной мере периодическими народными революциями, которые являются своего рода основным условием равновесия восточных обществ, что обрекает их на неподвижное застойное состояние, прерываемое вторжением империализма.²

Я отнюдь не разделяю того взгляда, что всякая классовая борьба при всяких условиях неизбежно завершается социальной революцией. Мы знаем на примере античного мира, как классовая борьба угнетенного класса-рабов против своих угнетателей не могла завершиться социальной революцией прежде всего потому, что рабы не были классом, носителем нового способа производства. Антагонистические классы античного способа производства в непримиримой борьбе между собой пожрали друг друга, их борьба кончилась крушением старого общества.

Так вот, говоря о гибели азиатского способа производства, вы

¹ «Историк-марксист», № 16, стр. 123. Выступление Ломакина.

² Кокин и Папаян, стр. 95.

¹ Мадьяр, Экономика, стр. 60.

² «Историк-марксист», № 16, стр. 123. Выступление Ломакина.

должны отчетливо сказать, как он погиб. Потому ли, что внутри его самого не были созданы силы, способные перевести его на другую ступень развития, и тогда вторжение империализма было действительно той силой, которая сдвинула историю народа Востока с мертвой точки, или же азиатский способ производства по имманентным ему законам перерастает в феодальный, — тогда покажите, какие силы способствуют этому перерастанию. Ставя этот вопрос и требуя четкого ответа на него, я вместе с тем честно должен предупредить аудиторию, что этого ответа мы ни от моего содокладчика, ни от его alter ego Папаяна не получим. Самым слабым местом в их теории является неправильное понимание классовой структуры восточного общества, а следовательно и классовой борьбы. Не понимая этого, они конечно ничего не смогут понять и в историческом процессе на Востоке.

Другой вопрос, на который я требую ответа у моих оппонентов, и в данном случае надеюсь его получить, это — как они рассматривают положение Мадьяра о том, что европейский капитализм застал на Востоке азиатский способ производства. Если азиатский способ производства оканчивается в Китае эпохой Чжоу, тогда неправ Мадьяр, доводящий его до XIX в., или же Мадьяр прав, считая, что европейское внедрение застало в Китае азиатский способ производства, то как в этом случае расценивать социально-экономическую структуру современного Китая? Никто из нас не рассматривает современного Китая, как страну с окончательно сложившимися капиталистическими отношениями. Если в современном Китае преобладают пережитки феодальных отношений, то если прав Мадьяр, то каким чудом азиатский способ производства превратился в эпоху европейского внедрения в феодальный способ производства? Если же там и до сих пор доминируют пережитки азиатского способа производства, то как вы это увяжете с установками Коммунистического Интернационала в вопросе о характере китайской революции? На эти вопросы вы, товарищи, обязаны будете ответить.

Еще до дискуссии меня убеждал т. Папаян в том, что поскольку в программе Коминтерна сказано об азиатском способе производства, то я обязан его признавать точно так же, как обязан примерно платить партийные членские взносы. О программе Коминтерна мы еще поговорим. Здесь же я хотел только указать, что я не принадлежу к числу тех, кто за одно признание азиатского способа производства готовы зачислять своих противников в троцкисты, но для меня всякая теория важна не тем, какого мнения о ней сам автор, а куда ведет эта теория, какие выводы из нее неизбежно вытекают при применении к современному Востоку. Теория азиатского способа производства, в том виде, в каком она защищается школой Мадьяра, не только извращает методологию марксизма в коренных вопросах истории, но и политически вредна, как теория, смазывающая вопрос о пережитках феодализма на современном Востоке.

5. КЛАССИКИ МАРКСИЗМА ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА

Обратимся теперь к вопросу о взглядах классиков марксизма на азиатский способ производства. Точка зрения школы Мадьяра нам уже известна. Она считает теорию азиатского способа производства

неотъемлемой частью учения марксизма об историческом процессе. В противоположность этой школе были попытки отрицать наличие у Маркса высказываний об азиатском способе производства как специфической формации. «Нигде Маркс не выделяет какого-либо особого «азиатского» способа производства», утверждал Дубровский в своей нашумевшей книжке. Он пытался истолковать известное замечание Маркса из предисловия «К критике» как характеристику целых исторических эпох, но не формаций. Я думаю, что не прибегая к попыткам во что бы то ни стало подогнать Маркса под свою точку зрения, можно притти лишь к одному выводу — Маркс в ряде своих высказываний об азиатском способе производства имел в виду именно специфическую формацию. Предисловие к «К критике» содержит законченную формулировку сущности общества.

В общественном отпадении своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка, и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливают собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще.¹

Дальше следует изложение того, как совершается переход от одной общественной формации к другой, и лишь затем следует место о способах производства:

В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства могут быть установлены как прогрессивные эпохи экономического формирования общества.

Если бы это замечание было единственным, то и в том случае оно обязывало бы нас к самому внимательному к себе отношению, ибо весь контекст, как и значение предисловия в целом, устраняет возможность какого бы то ни было допущения, будто бы мы имеем здесь дело со случайной формулировкой. Каждый из перечисленных в этой формуле способов производства представлял собой специфическую общественную формацию и занимает определенное место в смысле последовательности в ряду других и именно то, на которое каждый из них поставлен Марксом. Так понимал это место и Плеханов, но ничем не обоснованным следует считать его предположение о том, что Маркс после ознакомления с книгой Моргана изменил свой взгляд на вопрос об этой последовательности. По Плеханову азиатский, античный и феодальные способы производства являются скорее сосуществующими экономическими формациями, а не последовательным рядом. Эта мысль Плеханова вполне увязывается с его тенденциями в сторону географического материализма. Специфичность всех этих общественных структур вытекала по Плеханову из специфичности географических условий, в которых они возникали. Нельзя, разумеется, Марксу приписывать ту мысль, будто азиатский способ производства при всех условиях ведет к античному или античный к феодальному. Эту последовательность следует понимать таким образом, что там, где возникал античный способ производства, он вырастал из разложения азиат-

¹ М а р к с, К критике политической экономии, Предисловие, стр. XII — XIII.

ского общества, и там, где возникал феодализм, ему предшествовал античный способ производства. История общественных формаций по Марксу не есть история плехановского параллельного ряда, а история смены форм низших высшими.

В подтверждение такого понимания марксова замечания можно сослаться на одно его примечание в первом томе «Капитала»:

Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников частью составляют базис феодального способа производства. частью же, после его разложения, продолжают существовать на ряду с капиталистическим производством. В то же время они представляют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, когда первоначальное восточное общинное владение уже разложилось, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени.¹

Ограничусь еще напоминанием о той мысли Маркса, согласно которой различные оригинальные типы римской и германской частной собственности можно вывести из различных форм индийской общинной собственности. Для того чтобы не было сомнений в том, что в ряде высказываний Маркса об азиатском способе производства или восточном обществе он имеет ввиду именно особую формацию, можно сослаться на важное замечание из «Введения к критике»:

Так как буржуазное общество само есть только антагонистическая форма развития, то отношение предшествующих формаций встречается в ней часто в искаженном виде или даже под новой оболочкой, как, например, общинная собственность... так и буржуазная экономия лишь тогда достигла понимания феодального, античного и восточного обществ, когда началась самокритика буржуазного общества.²

Пора оставить всякие дискуссии по вопросу о том, признавал ли Маркс в ряде своих работ азиатский способ производства, как специфическую общественную формацию. Нельзя закрывать глаза на бесспорные высказывания Маркса даже и в том случае, если ты не разделяешь теории азиатского способа производства.

В упомянутых здесь работах Маркс безусловно говорит об азиатском способе производства, но значит ли это, что мы сейчас должны эти замечания механически перенести на современный Восток или же отнести к тем или иным эпохам истории Востока. Люди, которые умеют цепляться только за букву марксизма, часто забывают о его сущности. Положение об азиатском способе производства не может быть вычеркнуто из работ Маркса, наша задача заключается не в том, чтобы слепо это положение повторять, а скорее в том, чтобы, — поскольку наши современные представления об историческом развитии стран Востока не подтверждают существования такой специфической общественной формации, как азиатский способ производства, — объяснить, как и почему Маркс на определенной ступени развития своей теории и на определенной ступени развития исторической науки высказал такие взгляды на общественный строй Востока, которые в некоторых своих частях не подтвердились. И если окажется, что это действительно так, то сущность марксизма от этого не пострадает. Маркс как-то обмолвился, что Индия была родиной европейских языков, но надеюсь,

¹ Маркс, Капитал, т. I, стр. 251.

² Маркс, Введение к критике, сб. Проблемы политической экономии, под ред. Дволайцкого, стр. 28 — 29. (Курсив мой. — М. Г.)

никто не станет защищать сегодня индо-европейскую теорию только на основе этого замечания.

«Нужно уметь различать между буквою и сущностью марксизма, между отдельными положениями и методом марксизма» (Сталин). Сам т. Сталин во время дискуссии с троцкистской оппозицией дал блестящий образец того, как надо различать букву от сущности марксизма.

В «Принципах коммунизма» Энгельс в числе прочих вопросов ставит вопрос о том, может ли социализм победить в одной стране и отвечает «нет». Это положение Зиновьев использовал в своей борьбе против генеральной линии партии. С точки зрения буквы, Зиновьев, казалось, был прав, а по существу он на основе механического, т. е. оппортунистического понимания Энгельса пытался столкнуть партию с правильного пути. Как подошел к этому положению верный ученик Маркса, Энгельса и Ленина — Сталин? Он показал историческую обусловленность ответа Энгельса, показал, что в середине XIX в., когда капитализм для многих стран не потерял еще своей ведущей роли, когда неравномерность развития капитализма не достигла еще остроты, свойственной эпохе империализма, короче, когда капитализм не вступил еще в период своего загнивания, в период империалистических войн и пролетарских революций, Энгельс иного ответа дать не мог.

В вопросе о высказываниях Маркса об азиатском способе производства мы тоже не можем отделяться голым констатированием того, что концепция азиатского способа производства, как основы специфической формации на Востоке, не подтвердилась. Надо еще объяснить, почему это произошло, надо вскрыть историческую обусловленность этих высказываний Маркса.

Нельзя конечно свести дело к тому, что Маркс плохо знал Восток. Маркс не только стоял на уровне современного ему востоковедения, но был безусловно выше этого уровня. Он знал Восток так хорошо, как можно было знать в середине XIX столетия. Но все же следует отметить, что именно этот уровень накладывал определенный отпечаток на представления Маркса. Работы и исследования, сыгравшие большую роль в наших познаниях об эволюции собственности на Востоке, или не были известны Марксу, как работа Захарова, или же появились после смерти Маркса, во всяком случае после периода его высказываний об азиатском способе производства (Джемиссон, Франке, Боден-Пуэзл, Ковалевский и др.). Сама историческая наука переживала тогда такой этап своего развития, когда даже и у Маркса не могло не быть пробелов в понимании отдельных звеньев исторического процесса. Феодализм тогда рассматривался как специфическое европейское явление. Правда, основоположники марксизма расширяли круг феодализма за пределы Европы: Энгельс находил его в Турции, а Маркс признавал Японию страной классического феодализма. Но достаточно напомнить, что феодальные отношения в России были полностью раскрыты лишь в начале XX в. (Павлов-Сильванский). С другой стороны, период высказываний Маркса об азиатском способе производства необходимо связать с сокрушительной критикой, которой Маркс подвергал утверждения буржуазной науки о вечности института частной собственности. На современном ему Востоке, особенно в Индии, Маркс находил богатейший и благодарнейший мате-

риал для опровержения этой буржуазной легенды, и отсюда естественное подчеркивание специфичности исторического процесса на Востоке.

Но особенное значение для того периода имел тот факт, что место родового строя в истории человечества не было достаточно выяснено. Об азиатском способе производства, надо иметь ввиду, Маркс писал до появления работы Моргана. Можно в данном случае вполне согласиться с Плехановым в оценке роли открытия Моргана.

Открытию родовой организации, очевидно, суждено сыграть такую же роль в общественной науке, какую сыграло в биологии открытие клеточки. И пока Маркс и Энгельс не были знакомы с этой организацией, в их теории общественного развития не могли не оставаться значительные пробелы, как это и признал впоследствии сам Энгельс.¹

Такое же значение придавал книге Моргана вслед за Энгельсом и Ленин:

Великая заслуга Моргана состоит в том, — говорит Энгельс, — что он в родовых связях северо-американских индейцев нашел ключ к важнейшим, доселе неразрешимым загадкам древней греческой, римской и германской истории.²

Какие же загадки помог решить Морган? Значение его исследований прежде всего в том, что он показал как из разложения первобытных отношений возникают зачатки частной собственности. Пока Маркс этого не знал, пока он имел с одной стороны представление о первобытных отношениях, с другой о строе античного общества с его резкой классовой дифференциацией, пробел в марксовом понимании исторического процесса вынуждал его на поиски недостающего звена. На Востоке, где, с одной стороны, сохранились остатки первобытных отношений в виде общины и где, с другой, имелось деспотическое государство, как выражение определенной системы классового господства и подчинения, Маркс видел эту искомую раннюю формацию. До открытия Моргана такая рабочая гипотеза была необходима, ибо без нее плохо вырисовывалась закономерность исторического процесса. С тех пор, как возникновение частной собственности было объяснено на изучении процесса разложения родового общества, эта гипотеза потеряла свою служебную роль. Что азиатский способ производства для самого Маркса представлялся именно гипотезой, видно из того, что относительно всех других докапиталистических формаций Маркс хотя и не в систематизированном виде, но зато достаточно отчетливо нарисовал свойственную этим формациям систему эксплуатации. Относительно же азиатского способа производства Маркс отличной от других докапиталистических формаций системы эксплуатации не дал.

Я в самом начале приводил заявление Мадьяра о том, что Ленин якобы развивал теорию азиатского способа производства. Сейчас мы обратимся к проверке этого заявления. Место, которое должно иллюстрировать это положение Мадьяра и его сторонников, общеизвестно, но в виду спорности его толкования я его приведу:

Поскольку в Московской Руси была (или: если в Московской Руси была) национализация земли, постольку экономической основой ее был азиатский способ производства.³

¹ Плеханов, Основные вопросы марксизма. Соч., т. XVIII, стр. 217.

² Ленин, Что такое «друзья народа»? Соч., изд. 2, т. I, стр. 67 — 68.

³ Ленин, Соч., изд. 2, т. IX, стр. 187.

Прежде всего это говорит о том, что Ленин никогда не утверждал, что Московская Русь была страной азиатского способа производства. «Поскольку в Московской Руси была», но сказавши это, Ленин считал необходимым подчеркнуть условность своей формулы и добавил «если в Московской Руси была». Во всяком случае нигде и никогда Ленин не указывал на реальное существование в той или иной стране азиатского способа производства.

Можно только удивляться, как Мадьяр мог обнаружить у Ленина развитие идей об азиатском способе производства. У Ленина выражение «азиатский» служит всегда синонимом крайнего крепостничества и отсталости. Никто не станет утверждать, что Ленин относил Россию к странам азиатского способа производства, но термин азиатский Ленин очень часто применял именно к России:

Россия в очень многих, очень существенных отношениях, несомненно, представляет собой одно из азиатских государств и притом из наиболее диких, средневековых, позорно отсталых азиатских государств.¹

Известно также, что общественный строй современного ему Востока, в частности Китая, Ленин характеризовал, как феодальный:

Какая экономическая необходимость вызвала в одной из самых отсталых крестьянских стран Азии распространение самых передовых буржуазно-демократических программ по отношению к земле? Необходимость разрушения феодализма во всех его видах и проявлениях.

Или

Какие объективные условия Китая, отсталой, земледельческой, полуфеодальной страны, ставят на очередь дня в жизни чуть не полумиллиардного народа лишь один определенный, исторически-своеобразный вид этого угнетения и этой эксплуатации, именно феодализм. Феодализм основывается на господстве земледельческого быта и натурального хозяйства; источником феодальной эксплуатации китайского крестьянина было прикрепление его к земле в той или иной форме; политическими выразителями этой эксплуатации были феодалы, все вместе и каждый порознь с богдыханом, как главой системы.²

Типично-восточный деспот — китайский богдыхан — по Ленину возглавляет именно феодальную систему эксплуатации, а не какую-либо иную. Можно было бы привести еще десяток цитат из Ленина, подтверждающих, что общественный строй не только Китая, но и других стран Востока, о которых ему приходилось говорить, он трактовал или как феодализм, или как строй с сильными пережитками феодализма.

6. ЛЕНИН О ХОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Сторонники теории азиатского способа производства не придают трактовке Лениным социально-экономического уклада современного ему Востока, как феодального, решающего значения для выяснения его отношения к азиатскому способу производства как к специфической системе общественных отношений, поэтому для полного выяснения взглядов Ленина необходимо обратиться к тем его высказываниям, которые отражают его понимание исторического процесса в целом. Мадьяр и его ученики или не подозревают или забывают, что

¹ Ленин, Соч., 1 изд., т. XX, стр. 344.

² Ленин, Соч., 1 изд., т. XX, стр. 347.

у Ленина на этот счет есть очень интересные и очень важные замечания, без которых не может быть понята ленинская методология истории. Решающих замечаний Ленина товарищи, взявшие на себя смелость писать о столь ответственных вопросах марксистской истории, как раз и не использовали, и все их ссылки на Ленина, поскольку они имеются, являются голословными.

Тов. Мадьяру, и не только ему одному, надо думать, и всем его сторонникам, хорошо известно, что в одних случаях Маркс дает трехчленную формулу антагонистических способов производства, а именно рабство, феодализм, капитализм; в других случаях Маркс включает азиатский способ производства в этот ряд, как самую раннюю формуацию. Мадьяр очень легко объяснил это развитием взгляда Маркса на Восток от сороковых к пятидесятым годам и успокоился. Между тем, он не должен был пройти мимо того факта, что у Маркса в последних его работах эта четырехчленная формула уже не повторяется, а у Энгельса во всех работах подчеркивается именно трехчленная формула. Тем более следовало бы внимательнейшим образом отнестись к взглядам Ленина на этот недостаточно выясненный вопрос. Цитированная уже мною лекция о государстве, прочитанная Лениным студентам свердловского университета в 1919 г., дает богатейший и чрезвычайно четкий материал для решения этого вопроса.

И это деление общества на классы в истории должно стоять перед нами ясно всегда как основной факт; развитие всех человеческих обществ в течение тысячелетий во всех без изъятия странах показывает нам общую закономерность, правильность, последовательность этого развития таким образом, что вначале имеем общество без классов — первоначальное патриархальное, первобытное общество, в котором не было аристократов; затем общество, основанное на рабстве, общество рабовладельческое. Через это прошла вся современная цивилизованная Европа — рабство было вполне господствующим две тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света. У наименее развитых народов следы рабства остались еще и теперь, и учреждения рабства, например, в Африке, найдите и сейчас. Рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы. Первая группа владела не только всеми средствами производства — землей, орудиями, — как бы слабы, примитивны они только ни были, — она тоже владела и людьми. Эта группа называлась рабовладельцами, а те, кто трудился и доставлял труд другим, назывались рабами. За этой формой последовала в истории другая форма — крепостное право. Рабство в громадном большинстве стран в своем развитии превратилось в крепостное право. Основное деление общества — крепостники помещики и крепостные крестьяне. Форма отношений между ними изменилась. Рабовладельцы считали рабов своей собственностью, закон укреплял этот взгляд, рассматривал рабов как вещь, целиком находящуюся в обладании рабовладельца. По отношению к крепостному крестьянину осталось классовое угнетение, зависимость, но крепостник-помещик не считался владельцем крестьянина как вещи, а имел лишь право на его труд и на принуждение его к отбыванию известной повинности.¹

Дальше следует характеристика буржуазного общества, но можно конечно на этом цитату оборвать, самое важное для нас в приведенном отрывке уже дано. Важно прежде всего, что закономерность, последовательность, рисуемая Лениным, относится по его мнению ко всем странам, важно, что Ленин исходит здесь из принципа прогрессивности этих форм, и для него история человеческого общества не есть история различных социально-географических комплексов, а последовательная смена низших примитивных форм общественной

¹ Ленин, Лекция о государстве. Новые статьи и письма, стр. 97.

организации более высокими, т. е. более прогрессивными; также важно для нас установить, что и Ленин вслед за основоположниками марксизма различает одну общественную формацию от другой, только по отличиям систем эксплуатации; и, наконец, самое важное для нашей дискуссии, что в перечислении Ленина вы ни звука не найдете об азиатском способе производства.

Если азиатский способ производства действительно составляет, как утверждают «азиатчики», краеугольный камень марксистского учения об общественных формациях, то как мог обойти его Ленин?

Может быть Ленин принадлежал к числу тех «марксистов», которые легкомысленно относятся к высказываниям Маркса? Может быть он в популярной лекции не считал возможным излагать марксову схему общественного процесса и маленько извратил ее популярности ради? Или, может быть, Ленин не считал важной историю народов Востока, составляющих почти половину всего человечества, и поэтому умолчал об азиатском способе производства?

Единственный ответ, который может быть дан, состоит в том, что Ленин не включил в свою схему азиатский способ производства потому, что не считает его особенной общественной формацией, не считает его необходимым звеном в последовательной смене общественных форм. Для полной ясности можно сослаться еще на одно замечание из этой же лекции, которая должна окончательно сделать беспочвенными все попытки втянуть Ленина в когорту товарища Мадьяра:

Для удержания своего господства, для сохранения власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы сводились в основании к одному — удерживать власть помещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство, которое в России, например, или в совершенно остальных азиатских странах, где до сих пор крепостничество господствует, — по форме оно отличалось — оно было или республиканское или монархическое.¹

Итак, у Ленина азиатского способа производства нет ни в характеристике конкретной формы его проявления в той или иной стране, ни как необходимого звена в историческом процессе.

7. СУЩНОСТЬ ФЕОДАЛИЗМА

Перехожу к третьей и последней части своего доклада. В первой части я пытался показать, как сторонники теории азиатского способа производства в стремлении во что бы то ни стало найти на Востоке специфическую, только ему присущую общественную формацию, извратили марксово учение об общественных формациях; во второй части я пытался показать историческую обусловленность замечания Маркса об азиатском способе производства, показать, что всякие построения, безоговорочно основанные на этих замечаниях, отражают чисто формальный, а не диалектический подход к Марксу, и являются отступлением от ясных взглядов, высказанных по этому вопросу Лениным. Теперь я хочу ответить на вопрос о том, как следует понимать общественные отношения тех стран, которые относились в нашей дискуссии к странам с азиатским способом производства. Всякая попытка

¹ Ленин, Лекция о государстве, Новые статьи и письма, стр. 104. (Курсив мой. — М. Г.).

дать положительный ответ на этот вопрос должна привести только к одному — к признанию того, что азиатский способ производства есть не что иное, как феодализм. Восток очень своеобразным путем, но прошел через те же стадии общественного развития, что и Европа. Если же многие товарищи до сих пор не могут признать существование феодализма на Востоке, то это результат или того, что их глаза застилает троцкистский туман, или же просто непонимание сущности феодализма.

Я не буду приводить всех ходких определений феодализма «марксистов» Рожкова, Богданова и др.; еще менее я собираюсь излагать теории феодализма буржуазных ученых. Я хочу, опираясь лишь на самые существенные замечания, имеющие на этот предмет у классиков марксизма, дать хотя бы в самых грубых чертах характеристику этого общественного строя.

Натуральное хозяйство и соединение земледелия и промышленности в домашнем хозяйстве хотя и являются непременным признаком феодализма в его чистом виде, но не могут быть выдвинуты в качестве определяющего признака, ибо это свойство всех докапиталистических формаций. Точно также земледельческий быт или земледелие, как основа хозяйства — существенная черта феодального строя, ее подчеркивал Ленин в вышеприведенной цитате о Китае, но и это относится к самым общим признакам. Специфика феодализма как общественной формации может быть выражена следующим образом.

Основой высасывания прибавочного продукта из непосредственных производителей служит земельная собственность:

Доход земельного собственника, какое название ни давали бы ему, присваиваемый им свободный прибавочный продукт является здесь той нормальной и господствующей формой, в которой непосредственно присваивается весь неоплаченный прибавочный труд, и земельная собственность образует здесь базис присвоения.¹

Характернейшим для феодализма признаком является сочетание крупного землевладения с мелким производством. Непосредственный производитель ведет здесь в основном самостоятельно свое хозяйство.

Согласно предположению, непосредственный производитель владеет здесь своими собственными средствами производства, вещественными условиями труда, необходимыми для реализации его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно ведет свое земледелие, как и связанную с ним деревенско-домашнюю промышленность. Эта самостоятельность не уничтожается тем, что, как напр., в Индии (слушайте, гг. Кокин и Папаян, — этого вы вместе с Мадьяром как раз и не поняли! М. Г.), эти мелкие крестьяне соединяются между собой в более или менее естественно выросшую производственную общину: здесь идет речь о самостоятельности только по отношению к номинальному землевладельцу.²

Следовательно по отношению к эксплуататору Маркс подчеркивает самостоятельность непосредственного производителя безотносительно к тому, организован ли он или неорганизован в общину. С другой стороны, Маркс усиленно подчеркивает эту самостоятельность и в том случае, когда он сталкивается не с той или иной вариацией в организации непосредственного производителя, но и тогда, когда он имеет дело с существенными изменениями в структуре господствующего класса:

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 278.

² Маркс, Там же, стр. 266.

Во всех странах Европы феодальное производство характеризуется разделением земли между возможным большим количеством ленно зависимых крестьян. Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их рент, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство. Хотя земля Англии была разделена после норманского завоевания на гигантские баронства, которые нередко включали в себя до 900 старых англо-саксонских лордств каждое, тем не менее она была усеяна мелкими крестьянскими хозяйствами, и лишь в отдельных местах между этими последними залегали крупные господские поместья.¹

Распределение средств производства между эксплуататорами и эксплуатируемыми может проявляться в самых различных вариациях и градациях. Является ли собственник только сувереном общих условий производства — земли, или же он кроме того является верховным собственником также и воды или даже искусственных сооружений, необходимых для нормального хода производственного процесса, как это встречается на Востоке, все это не меняет самой сущности отношений между эксплуататором и непосредственным производителем. Мы знаем, что Ленин систему отношений, которая преобладает в аграрном строе Южных штатов Северной Америки, рассматривал как систему с типичными феодальными пережитками:

На какой экономической основе выросла и держится эта милая «настройка»? На основе типично-русской «истинно-русской» отработочной системы, именно «издольщины». Издольщики эксплуатируются «по феодальному или полуфеодальному».²

Но эта самостоятельность непосредственного производителя вызывает необходимость внеэкономического принуждения для высасывания прибавочного продукта. Поскольку он ведет самостоятельное хозяйство, изъятие прибавочного продукта от него возможно только в форме неприкрытого принуждения и на основе личной зависимости непосредственного производителя от собственника условий и средств производства.

Личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные, воздвигнутые на этой основе сферы жизни. Но именно потому, что отношения личной зависимости составляют основу данного общества, отдельным работам и продуктам не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Они входят в круговорот общественной жизни в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Непосредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барщинный труд измеряется временем точно так же, как и труд, производящий товары, но каждый крепостной знает, что на службе своему господину он затрачивает лишь определенное количество своей собственной, личной рабочей силы. Десятина, которую он должен уплатить попу, есть нечто несравненно более отчетливое, чем то благословение, которое он получает от попа. Таким образом, как бы мы ни оценивали те характеристические маски, в которых выступают средневековые люди друг по отношению к другу, несомненно во всяком случае, что общественные отношения лиц в их труде проявляются здесь именно как их собственные личные отношения, а не облачаются в костюм общественных отношений вещей, продуктов труда.³

Отношения личной зависимости могут также выступать в самых

¹ Там же, т. I, 1928 г., стр. 575.

² Ленин, Новые данные о законах развития капитализма в земледелии, т. XVII, стр. 581.

³ Маркс, Капитал, т. I, стр. 35 — 36.

разнообразных формах. Кстати, совершенно недопустимым игнорированием недвусмысленных высказываний Маркса и Ленина можно объяснить ошибки Дубровского в вопросе о феодализме и крепостничестве.

Далее ясно, что во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношения собственности необходимо будут выступать как непосредственное отношение господства и подчинения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный: несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства.¹

К этому примыкает следующее замечание Маркса:

Превращение отработочной ренты в ренту продуктами, рассматривая дело с экономической точки зрения, ничего не изменяет в существе земельной ренты.²

Характеризуя феодальное общество, Маркс и Ленин всегда подчеркивали натуральность отношений, свойственных этой формации. Отношения людей здесь, в отличие от капиталистического общества, не скрыты за фетишизмом вещей. Наиболее полно эта мысль выражена у Маркса в приведенном выше отрывке из первого тома Капитала. Вслед за Марксом и Ленин подчеркивает эту особенность феодализма.³

Остается добавить несколько слов еще об одном важнейшем признаке феодальной системы. Речь идет об иерархичности этой системы, причем для нас самое существенное в этом заключается не в самой иерархичности отношений между отдельными феодалами, а то, что иерархия политической власти всегда соответствует иерархии земельной собственности. Политическая власть в феодальном обществе служит всегда атрибутом земельной собственности.

Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист. Высшая власть в промышленности становится атрибутом капитала, подобно тому как в феодальную эпоху высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности.⁴

Итак, на основе всего сказанного феодализм можно определить так: земельная собственность — база присвоения прибавочного продукта, непосредственный производитель ведет самостоятельное хозяйство; в отношениях между собственником средств производства и непосредственным производителем господствует внеэкономическое принуждение, иерархии земельной собственности соответствует иерархия политической власти. Если это определение феодализма правильно, тогда очевидно вопрос о феодализме на востоке будет решаться в зависимости от того, находим ли мы в общественном строе этих стран отношения, характеризующиеся этими признаками, или нет.⁵

¹ Маркс, Капитал, т. II, ч. 2, стр. 266.

² Там же.

³ См. Развитие капитализма в России, Соч., т. III, стр. 139.

⁴ Маркс, Капитал, т. I, стр. 242.

⁵ См. классическое определение крепостничества у Ленина. Соч., т. III, стр. 140—141.

8. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАРКСИСТСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА НА ВОСТОКЕ

Задача конкретного изучения истории этих стран состоит в том, чтобы показать феодализм не вообще, а в конкретном его проявлении. Разумеется, Восток с его тысячелетней историей, с его чрезвычайным многообразием стран и народов требует максимального учета своеобразия этих стран. Во всяком случае, с точки зрения данного нами определения феодализма, целиком, как нам кажется, опирающегося на взгляды основоположников марксизма, все те факторы, которые по мнению «азиатчиков» цементируют специфическую общественную формацию, таковыми служить не могут. Азиатский способ производства, по «классическим» определениям Мадыара, Кокина и Папаяна, включает в себе национализацию земли, общинный строй сельского хозяйства, искусственное орошение и связанную с ним централизацию государства, деспотическую форму последнего. Не говоря уже о том, что в чистом виде такой строй, в котором сочетались бы все эти признаки, едва ли существовал, он и в случае своего реального существования не давал бы права говорить о совершенно особой формации, ибо все эти признаки, каждый в отдельности, и все вместе не дают самого главного для конструирования особого способа производства. В действительности роль каждого из этих признаков, свойственных истории азиатских народов, сильно преувеличена. Проблемы, в которые упирается сейчас наше марксистское востоковедение и которые могут быть решены уже не общими методологическими дискуссиями, а кропотливой работой по исследованию истории отдельных стран и народов, могут быть сведены к следующему:

1) Вопрос о земельной собственности на Востоке и ее эволюции. Здесь нас занимают два момента, — с одной стороны эволюция земельной собственности внутри общины, процесс разложения общинной собственности на землю и зарождения на основе этого разложения частной земельной собственности; с другой стороны, вопрос о формах земельной собственности и ее эволюции в отношении господствующих классов. Основная задача заключается здесь в том, чтобы освободить реальные отношения от юридических и религиозных фикций, часто эти реальные отношения заслоняющих.

2) Вопрос о роли искусственного орошения. Есть много данных, свидетельствующих о том, что для многих стран значительно преувеличена роль искусственного орошения и во всяком случае преувеличен его централизованный характер.

3) Централизованный характер восточной деспотии. На этом я несколько задержусь. Обыкновенно эта централизация объясняется ролью ирригации, общин и кочевого окружения. Конечно, все эти факторы могли играть и безусловно играли свою роль. Слабым местом в этом объяснении надо считать, что в нем формы и характер государства рассматриваются совершенно вне связи от форм и характера классовой борьбы. Я хочу провести такую параллель. Абсолютную монархию в Европе у нас очень долго выводили из роли торгового капитала. В частности, сидящий здесь т. Розенталь квалифицировал абсолютизм как государство торгового капитализма. Механистичность этих взглядов вскрыта у нас достаточно ясно. Как мы, марксисты, объясняем

происхождение абсолютной монархии в Европе? Мы связываем его с теми изменениями, которые произошли в феодальном обществе в эпоху его разложения. Мы пытаемся объяснить, как усиление эксплуатации крестьянства вызывало усиление сопротивления с его стороны, вызывало крестьянские войны, как феодальная монархия, прекрасно служившая целям класса феодалов раньше, перестала удовлетворять его интересам в тот период, когда мощные крестьянские движения потребовали концентрации сил сопротивления господствующего класса. Техника эпохи разложения феодализма в Европе, в частности техника огнестрельного оружия, свела на нет силу и тактику рыцарских ополчений, бронированный рыцарь перестал быть недоступной для крестьянских масс крепостью. Как класс, феодалы были заинтересованы в централизации своей власти, ибо только эта централизация могла отсрочить их гибель. Абсолютная монархия выросла из борьбы феодальных низов, представлявших в данном случае интересы своего класса в целом, против отдельных крупных феодалов, для которых централизация феодальной монархии означала конец их суверенитета. Все сказанное не исчерпывает, конечно, вопроса о происхождении абсолютной монархии, этого здесь и не требуется. Мне важно было только подчеркнуть, какое значение мы придаем такому фактору как борьба классов для объяснения тех или иных важных явлений европейской истории. А вот когда приходится иметь дело с Востоком, основное положение марксизма, что история человеческого общества есть история борьбы классов, часто забывается. Между тем история Востока, таких стран как Индия, в особенности Китая, знает много примеров величайших крестьянских восстаний. Учесть этот фактор при объяснении причин централизации восточной деспотии необходимо. Абсолютная монархия Генриха IV или Людовика XIV и восточная деспотия весьма не похожи друг на друга, но внимательное рассмотрение причин их происхождения показало бы нам, что борьба с крестьянством и там и здесь играла не последнюю роль в создании тенденции к централизации политического господства феодалов.

4) Проблема города на Востоке. Она тесным образом связана с вопросом о разделении труда, с одной стороны, и застойности восточного общества — с другой. Разделение труда между городом и деревней Маркс считал первым условием прогресса. Без этого разделения не могло бы быть и капитализма. Предположим, что на Востоке такого разделения труда действительно не было, города носили там лишь характер административных и военных центров, что до европейских завоеваний полностью господствовало соединение промышленности и земледелия в домашнем производстве. И в этом случае это несколько не говорило бы против характеристики социального строя стран Востока, как феодального. Город не есть необходимый элемент феодализма. Напротив, хотя и не всегда и не сразу, но его возникновение кладет начало разложению феодализма. Разделение труда между городом и деревней, пока оно не затрагивает самых глубоких основ общественного производства, может очень долгое время существовать в феодальной системе, но взятое в исторической перспективе и вместе со свойственными ему тенденциями оно уже есть отрицание феодализма. Не при всех условиях феодализм может сопровождаться таким разделением труда между городом и деревней, и там, где существование феодализма не связано с

ростом городов, там оно (существование) может продолжаться очень долго. Причину застойности восточного общества следует искать не в специфичности его социально-экономической формации, а в слабом, во всяком случае медленном, развитии городов. В задачу нашего конкретного исследования входит проверка того, насколько действительно европейское влияние прорвало интегральность промышленности и земледелия, или же до прихода европейцев и независимо от него мы имели процесс разложения общества на город и на деревню. Мне представляется, что такие эпохи, как Юаньская или Манчжурская в Китае, или эпоха расцвета империи Моголов в Индии могли бы дать большой материал для освещения этой проблемы. Изучение этих эпох показало бы нам, что крот истории работали на Востоке, что разложение феодализма и там было связано с зарождением элементов нового общества. Индийские промышленные центры XVIII в. с их широко развитой кустарной промышленностью, с элементами мануфактуры могли бы нам позволить сделать вывод о том, что беда таких народов как индийский не в том, что они в силу самой своей общественной организации обречены были на застой, а в том, что процесс зарождения нового строя здесь только начинался в то время, когда в Европе он уже подходил к своему завершению. И тогда может быть история Индии и Китая представилась бы нам не только в виде истории династических переворотов, но и как социальная история, затрагивавшая не только поверхность общественных отношений, но и их глубину.

5) Вопрос о кастах. Пытались и на этом строить специфическую основу восточного общества, забывая, что нечто подобное мы имели в истории европейского феодализма. Цеховые организации европейских городов, которые местами обнаруживали такие признаки окостенения и изоляции, относительной конечно, от всего остального общества, при условиях более длительного существования феодализма в Европе имели все тенденции к логическому завершению этого процесса окостенения и изоляции, т. е. к превращению в подобие касты. Я здесь хочу подчеркнуть качественную близость таких двух явлений — касты и цеха. И в Европе многие цехи селились на отведенных им специально или по традиции улицах, имели своих святых — покровителей цеха, свои специфические праздники и проявляли тенденции к «эндогамному» браку. Для того, чтобы организация с такими признаками превратилась в подобие касты, нужно было только время. Поскольку феодализму, как было отмечено Марксом, свойственно стремление сделать ремесло наследственным, окостенить его в виде каст или цехов, что вполне гармонирует с общей тенденцией феодализма в сторону полного закрепощения труда, постольку и здесь мы в касте имеем не специфически восточное явление, а своеобразное проявление в истории Востока формы, свойственной феодализму, как общественной формации.

Остановившись на основных задачах, стоящих перед марксистами-историками Востока в области применения марксистской методологии, учения о формациях к конкретной истории отдельных эпох и народов, я естественно не мог в положительной форме дать ответ на все эти вопросы, я пытался лишь в меру разумения наметить, в каком направлении лежит решение этих задач. И если механистические и иные антимарксистские тенденции получат должный отпор, если мы поможем

и нашим молодым ленинградским историкам освободиться от довлеющей над ними ложной концепции азиатского способа производства, то и они смогут дать работу, более полезную для нас, чем «Цзин-Тянь».

В заключение несколько слов о политическом значении нашей дискуссии. Я уже вначале отмечал, что теория азиатского способа производства служила не только для целей изучения землевладения в эпоху Чжоу, но и использовалась и может быть использована для борьбы с установками Коммунистического Интернационала в вопросах о характере колониальной революции. В этом отношении концепция азиатского способа производства служит питательной теоретической базой для троцкизма. Не все сторонники этой теории сами делают троцкистские тактические выводы из своей теории, но все они путают в вопросе о классовой структуре колониальных стран, в частности Китая. И если т. Мадьяр, что должно быть отмечено, занимает сейчас правильную позицию в вопросах китайской революции, то это результат явного отказа от практического применения его методологии, отказ от теории азиатского способа производства в применении к современному Китаю. И нашим товарищам придется здесь задуматься и над этой стороной вопроса, причем будет лучше, если они не ограничатся стыдливым и молчаливым отказом от применения своей методологии к современности, а сделают все надлежащие выводы о том, что теория, которая перестает служить революции, которая бесплодна в применении к современности, должна быть отброшена.

Следует еще указать, что теория азиатского способа производства, подчеркивающая исключительную специфичность истории Востока, вполне может сыграть на руку всяким националистическим элементам на Востоке, пытающимся под прикрытием той же исключительности настаивать на недействительности учения Маркса и Ленина для Востока. В то же время эта теория исключительности вполне удовлетворяет империализм, поскольку она связана с признанием застоянности восточного общества, а следовательно и мессианской роли европейского капитализма.

Теория азиатского способа производства, как специфической, лишь одному Востоку свойственной общественной формации, не только не может служить ключом к восточному небу, она сейчас превращается в серьезнейшее препятствие нашему дальнейшему росту. Она обрекает всех, подпадающих под ее влияние, на полнейшее бесплодие. С этой теорией, политически вредной, методологически неправильной, должно быть покончено.

В ЗАЩИТУ ТЕОРИИ АЗИАТСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА.

Моя задача заключается в том, чтобы защитить ту теорию, которую т. Годес называл «подмоченной», которая, — как он уверял, противоречит учению Маркса-Энгельса, всему учению в целом, теорию, которая, якобы, построена на неправильном истолковании т. Мадьяром и его «школой» отдельных замечаний Маркса-Энгельса, теорию, которую, якобы, отвергал Ленин. Эту теорию мне придется защищать. Надо признаться, что задача эта не из легких. Трудна эта задача не столько по тем причинам, которые я указал, а главным образом потому, что ни Маркс, ни Энгельс не дали развернутой характеристики азиатского способа производства и азиатской общественной формации, как, впрочем, не дали развернутой характеристики и других докапиталистических формаций. Именно в этом и заключается основная трудность. У основоположников марксизма есть только отдельные высказывания по этому вопросу, правда — довольно многочисленные высказывания. Очень характерно, что все они сосредоточены в наиболее зрелых работах Маркса и Энгельса, в наиболее поздних их работах.

Надо сказать, что я целиком и полностью согласен с т. Годесом в той части его доклада, где он говорил о смысле дискуссии об азиатском способе производства, о значении этого вопроса. Он важен постольку, поскольку учение об азиатском способе производства дает ключ к истории тех стран Востока, в которых, по мнению основоположников марксизма, существовал этот способ производства. Благодаря этому учению, являющемуся неотрывной частью учения Маркса об общественных формациях, мы можем понять движущие силы истории этих стран. Тем самым мы можем, благодаря этому учению, включить историю Востока во «всемирную историю», которая до сих пор была исключительно историей Европы. Другая чрезвычайно важная сторона этой дискуссии заключается в том, что она неразрывно связана с политическими вопросами сегодняшнего дня.

В программе Коммунистического Интернационала говорится:

Колониальные и полуколониальные страны (Китай, Индия и т. д.)... страны с преобладанием феодально-средневековых отношений или отношений «азиатского способа производства», как в экономике страны, так и в ее политической надстройке.

Совершенно очевидно, что вопрос об азиатском способе производства нашел свое отражение в программе Коминтерна. Дискуссия имеет то актуальное значение, что она должна помочь нам выяснить, существо-

вал ли этот способ производства или нет, и тем самым — помочь уточнить это место программы. Вопрос об азиатском способе производства имеет то актуальное значение, что, признав, например, отношения, свойственные этой формации, существующими ныне, ИККИ должен соответствующим образом построить свою тактику в революции в этих странах, отвергнув это, создать, понятно, другую тактику. Вот в чем несомненная практическая актуальность этой дискуссии. И она должна помочь нам эти вопросы разрешить.

После этих предварительных замечаний я перехожу к тезисам т. Годеса и к его докладу. В основном я буду базироваться на тезисах, так как они точно сформулированы, и поэтому легче говорить, исходя из них.

В своих тезисах т. Годес говорит совершенно ясно и определенно о том, что

именно Марксу и Энгельсу принадлежат мысли об «азиатском способе производства», как об особой общественной формации и что «эта формация занимает определенное место в ряде других».

Таким образом т. Годес совершенно открыто заявляет о том, что Маркс и Энгельс являются творцами теории азиатского способа производства, но что эта теория «при более близком знакомстве с историей стран Востока не подтверждается» и, следовательно, как считает т. Годес, необходимо поставить вопрос о пересмотре взглядов Маркса-Энгельса на Восток и на азиатский способ производства. Исходит т. Годес из того, что основоположники марксизма в этом вопросе ошибались. Вот с этим положением докладчика я согласиться не могу. Я считаю заслугой т. Годеса то, что он, будучи противником теории особого азиатского способа производства, правильно и честно поставил вопрос, открыто заявил о том, что мысль об азиатском способе производства принадлежит Марксу и Энгельсу, а не Мадьяру, Папаяну, мне или еще кому-нибудь. Но, признавая это положение, т. Годес говорит, что эта мысль или эти мысли Маркса-Энгельса надо отвергнуть как неверные.

Я считаю совершенно несомненным, что азиатский способ производства является неотрывной частью учения Маркса об общественных формациях, что азиатский способ производства — наряду с античным, феодальным и капиталистическим — является особой эпохой исторического развития общества. Достаточно вспомнить классическую формулировку этого положения в знаменитом предисловии к «К критике». Отсюда ясно, насколько серьезен вопрос о пересмотре теории Маркса об азиатском способе производства.

Далее, т. Годес констатирует, что «задача марксистов-востоковедов заключается в умелом использовании высказываний Маркса о Востоке, в качестве методологически направляющих, в решении ряда важнейших проблем», но тем не менее «направляющая роль этих высказываний может быть тем более эффективной, чем скорее марксисты-востоковеды откажутся от теории «азиатского способа производства» в целом».

Итак, т. Годес заявляет, что мысли, или — как он говорит — «высказывания» Маркса-Энгельса об азиатском способе производства, о восточном обществе правильны, даже «методологически направляющие», но они, тем не менее, создают неправильную теорию, от которой необ-

ходимо отказаться. Но ведь теория эта создается этими «высказываниями», она состоит из них. Тов. Годес считает замечания Маркса и Энгельса верными, а теорию, из этих замечаний составляющуюся, неверной. Как это увязывается у т. Годеса — я не знаю. Для меня совершенно непонятно, как может получиться неверная теория, складывающаяся из верных, «методологически направляющих» высказываний.

Далее т. Годес утверждает, что «специфической системы общественных отношений, отличной от форм развития европейского общества, мы на Востоке не находим».

Здесь т. Годес явно противоречит «высказываниям» Маркса. Маркс ведь совершенно ясно, совершенно определенно и недвусмысленно подчеркивает, что формы развития общества в определенных странах Востока отличны от форм, в которых протекал процесс развития европейского общества, Маркс подчеркивает именно наличие «специфической социальной системы» восточного общества. Конечно, движущей силой истории Востока была — и есть — классовая борьба, но это отнюдь не исключает создания особых законов движения в условиях восточного общества, и это совершенно четко выражено основоположниками марксизма. Тов. Годес думает «уничтожить» учение Маркса и Энгельса об азиатском способе производства, заявляя, что эта теория якобы противоречит, якобы ревизует все учение марксизма об общественных формациях. Я считаю, что к ревизии Маркса-Энгельса об общественных формациях призывает именно т. Годес, что именно он ревизует это учение, а он хочет ревизию эту свалить с больной головы на здоровую. Тов. Годес сказал в своем докладе, что Энгельс ошибся в «Принципах коммунизма», говоря о невозможности победы революции в одной стране, он сказал, что Маркс ошибся в 1851 году, когда он ждал немедленного революционного взрыва. Он — Годес — объяснил причины этих ошибок у Энгельса и Маркса.

Далее, т. Годес утверждает, что Маркс и Энгельс ошиблись в вопросе об азиатском способе производства, но именно здесь т. Годес не объяснил, почему это произошло, а между тем было бы чрезвычайно интересно послушать его объяснение этого «факта». Он считает, что знание Востока у Маркса и Энгельса было не настолько глубоким, чтобы они могли правильно объяснить вопросы, встающие при изучении Востока, не могли они правильно осветить историю Востока. Во-первых, сам Годес, признавая высказывания Маркса-Энгельса «методологически направляющими», противоречит этому своему положению, во-вторых, это и вообще неверно. Вот и мы с Папаяном в своей работе об аграрном строе древнего Китая считали мысль Маркса о застойности восточного общества неверной, исходя и объясняя неверность ее именно недостаточным, якобы, знакомством Маркса и Энгельса с Востоком. Мы убедились ныне в том, что неправы были мы, а прав и здесь был Маркс. Тов. Годес думает, что Маркс и Энгельс недостаточно были знакомы со странами Востока, а на самом деле это далеко не так. Взять хотя бы статью Фокса в последнем томе «Летописей марксизма», статью «Взгляды Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и их источники», в которой т. Фокс ясно показывает, что Маркс и Энгельс очень неплохо знали страны Востока, во всяком случае, они достаточно глубоко изучили Индию, и именно это изучение послужило основанием для создания ими теории азиатского способа производства.

Мы признаем свою ошибку, заключающуюся в том, что, считая Маркса недостаточно знакомым с Востоком, мы сочли неверной его мысль о застойности Востока и пытались его «поправить». Такую же — но в гораздо больших размерах — «поправку» пытается внести т. Годес в учение Маркса-Энгельса об общественных формациях. Мы убедились в том, что наша — даже маленькая — «поправка» была неверной, и я надеюсь, что т. Годес еще в течение этой дискуссии последует нашему примеру и признает ошибочной свою «теорию» об ошибке Маркса-Энгельса в их взглядах на азиатский способ производства, откажется от ревизии марксова учения об общественных формациях.

Что касается подчеркивания специфики восточного общества, то такое подчеркивание есть и у Маркса, и у Энгельса, только это подчеркивание вовсе не связано с утверждением, что история стран Востока «исключительна», как утверждает т. Годес. Когда Маркс говорит, что на Востоке существовал азиатский способ производства, он вовсе не говорит об исключительности истории стран Востока. Никакой «исключительности» в том значении этого слова, как это написано в тезисах Годеса, Маркс в истории стран Востока не усматривает. Мы — повторяем — считаем, что основные законы развития для Запада и Востока одинаковы. И здесь и там классовая борьба является движущей силой истории. Но ни для кого не секрет, что на Западе — в Европе — азиатского способа производства не было. С другой стороны, навряд ли кто скажет, что в Китае, Индии и т. д. существовал античный способ производства. Но из-за того, что в Европе не было того способа производства, который — по Марксу и Энгельсу — был в части Азии, а — с другой стороны — существовал античный способ производства, которого в Азии не было, из-за этого никто не поднимает крика об «исключительности» истории Европы. Мне кажется, что только потому, что «всемирная история» до сих пор была историей преимущественно, если не исключительно, Европы, признание за Азией такого же права на известную самостоятельность, как и за Европой, вызывает крики об «исключительности». Надо отказаться от этого старания подогнать историю всего мира под схему исторического развития Европы. И если т. Годес заявляет в своих тезисах, что признание особого азиатского способа производства является почвой, питающей националистические тенденции, то мне кажется, я имею право утверждать, что отрицание азиатского способа производства есть попытка подогнать историю Востока под историю Европы, есть — объективно — игра на руку европейской «великодержавности» по отношению к колониальному Востоку.

Я беру на себя смелость утверждать, что античный способ производства в Европе «соответствует» азиатскому способу производства в определенных странах Востока. Я считаю, что искусственное перенесение феодальных отношений на почву тех стран, в которых — по Марксу и Энгельсу — существовал азиатский способ производства, не в состоянии объяснить их историю, не в состоянии помочь нам понять движущие силы их исторического развития. Например, т. Сафаров в своей работе по истории Китая как раз и перенес отношения феодального общества в Китай. Что же получилось? Получилось, что движущих сил китайской истории т. Сафаров не нашупал, что, несмотря на несомненную ценность этой книги, закона движения китайского обще-

ства т. Сафаров не выявил. Мы в этой книге видим общество, в котором господствует феодальная бюрократия, которая была могильщиком старого — феодального же строя и т. д. и т. д. Действительный характер истории Китая в работе т. Сафарова не раскрыт, ибо феодализм не все объясняет.

Тов. Годес согласен с тем, что Маркс и Энгельс признавали существование в истории стран Востока азиатского способа производства. Но, утверждает тов. Годес, Ленин — лучший продолжатель теории Маркса-Энгельса — ни в одной из своих работ не говорил об азиатском способе производства. Тов. Годес здесь «приводил» место из речи Ленина по аграрному вопросу на IV съезде партии, место, где Ленин возражает Плеханову по поводу путаницы насчет национализации земли. Но как т. Годес это место процитировал! Я позволю себе прочесть это же место несколько другим тоном, вы ведь знаете, что тон играет иногда большую роль:

Поскольку в московской Руси была (или: если в московской Руси была) национализация земли, постольку экономической основой ее был азиатский способ производства. Между тем, в России со второй половины XIX в. укрепился, а в XX в. стал уже безусловно преобладающим капиталистический способ производства.

Что же остается от довода Плеханова? Национализацию, основанную на азиатском способе производства, он смешал с национализацией, основанной на капиталистическом способе производства. Из-за тождества слов он просмотрел коренное различие экономических, именно производственных, отношений.¹

Совершенно ясно, что Ленин здесь упрекает Плеханова не за то, что он «признавал» или «отвергал» азиатский способ производства, а за то, что он спутал «национализацию, основанную на азиатском способе производства» с национализацией капиталистической, что «из-за тождества слов он просмотрел *коренное различие* экономических, именно *производственных, отношений*».

Вольно после этого т. Годесу утверждать, что Ленин отрицал азиатский способ производства!

Дальше т. Годес приводит цитаты из «Лекции о государстве». Я считаю, что Ленин и здесь не дает достаточных оснований для вывода, что он отрицал азиатский способ производства, я считаю, что те места, которые приводились Годесом, не говорят прямо против азиатского способа производства. Ленин говорит о том, что в Европе был античный, феодальный, буржуазный способы производства, но не говорит, что *всюду* были только эти способы производства. В другом приведенном здесь месте Ленин говорит о том, что *огромное большинство* стран прошло через античный, феодальный и буржуазный способы производства, но и здесь он не говорит, что *все* страны прошли именно этот путь развития. Значит, Ленин подчеркивает в первом случае, что в Европе, во втором — что в большинстве стран общество развивалось тем путем, о котором он говорит. Я считаю, что здесь формулировки очень осторожны и не дают основания для утверждения, что Ленин ясно говорит здесь об отрицании азиатского способа производства. Кроме того, мне кажется, что в основу построения «Лекции о государстве» Ленин положил «Коммунистический манифест». Это явствует

¹ Ленин, Соч., 2 изд., т. IX, стр. 187.

из всего построения лекции. Вот, между прочим, почему здесь на-лицо только три способа производства, почему здесь нет азиатского способа производства. С другой стороны, приведенное мною место из IX тома совершенно ясно говорит о том, что Ленин признавал в качестве особой формации азиатский способ производства. Я не могу согласиться с товарищами, говорящими, что Ленин, несомненно, стоял на этой точке зрения, что Ленин ясно заявлял о том, что он считает азиатский способ производства особой эпохой в развитии человеческого общества, но еще меньше оснований считать, что Ленин четко заявлял о том, что азиатского способа производства не существовало. Мне кажется все-же, что те места, где Ленин говорил о существовании азиатского способа производства, как особой формации, формулированы более ясно, чем те места, которые приводятся против этого.

Говорят, что мы попали в плен к буржуазной науке, что мы повторяем то, что говорили всякие буржуазные и даже конфуцианские ученые и т. д. и т. п., что азиатский способ производства есть перепев их мыслей и что это очень плохо. Но, с другой стороны, нельзя забывать о том, что все или во всяком случае огромное большинство буржуазных ученых, занимавшихся или занимающихся, например, историей Китая, говорят о том, что в Китае всегда был феодализм, а именно этой точки зрения держатся и Иолк, и Радек, и Сафаров. Когда положения Кокинз и Папаяна частично совпадают с утверждениями буржуазных ученых — это очень плохо, а когда Иолк, Сафаров и др. приходят к тем же выводам, к которым пришли почти все буржуазные ученые, — это очень хорошо. Надо все-таки быть сколько-нибудь последовательными!

Я позволю себе, товарищи, привести то самое знаменитое место из «Анти-Дюринга», в котором Энгельс говорит об образовании классов и об образовании государства в восточном обществе. Это место т. Годес цитировал, но он кое-что скомкал, а это *кое-что* имеет весьма большое значение:

В каждой такой общине возникают с самого начала некоторые *общие интересы*, охранение которых должно быть вверено *отдельным личностям*, хотя и под надзором всего общества, таковы: решения споров; подавление захватов отдельными личностями излишних прав; надзор за водоемами, наконец, религиозные функции. Подобных должностных лиц мы находим в первобытных обществах всех времен... само собою разумеется, что эти лица снабжаются известными полномочиями и *зачаточной государственной властью*. Постепенно производительные силы растут; сгустившееся население создает в одном месте одинаковые, в другом — различные интересы между отдельными общинами; их группировка в более крупные целые вызывает в свою очередь новое разделение труда и образование органов для охраны общих и защиты спорных интересов. Эти органы, занимая уже, в качестве представителей общих интересов целой группы, обособленное, а при известных обстоятельствах даже враждебное положение по отношению к каждой отдельной общине, вскоре получают еще большую самостоятельность, отчасти вследствие наследственности должностей, почти неизбежно возникающей в том быту, где все складывается само собой, отчасти по причине учащающихся столкновений с другими группами, вызывающих усиленную необходимость в этих органах. Нам нет надобности излагать здесь, каким образом эта самостоятельность общественных должностей по отношению к обществу усилилась со временем до господства над ним, как слуга при благоприятных условиях постепенно превратился в господина и, смотря по обстоятельствам, являлся то восточным деспотом и сатрапом, то греческим начальником рода, то шефом клана кельтов и т. д.; насколько в их превращениях участвовало, наконец, насилие и каким образом отдельные личности, достигшие господства, слились в целые господствующие классы —

все это до нас не касается. Нам необходимо только установить тот факт, что политическое господство повсюду вытекало из общественных должностей и бывало устойчиво только тогда, когда выполняло свои общественные обязанности.¹

Вот, товарищи, мысль Энгельса. Конечно, ее надо брать в связи со всем учением Маркса-Энгельса, но говорить, что здесь неправильно ставится вопрос, что эта мысль находится в противоречии с другими мыслями Маркса и Энгельса, — нельзя. Мне кажется, что здесь Энгельс никакого преступления ни против Маркса, ни против себя не сделал. Здесь дана схема, которую надо наполнить живым, конкретным содержанием, и мы это (хоть и не слишком удачно) попытались сделать в своей работе о древнем Китае.

Дальше я буду говорить относительно той ошибки, которую мы допустили в вопросе об образовании государства, именно в связи с этим. Но предварительно я остановлюсь на том, какие основные моменты считали Маркс и Энгельс определяющими азиатский способ производства.

Маркс-Энгельс считали основными характерными чертами восточного общества, как особой формации, следующие моменты: отсутствие частной собственности на землю, необходимость орошения, без которого невозможно земледелие в определенных странах Востока, и — в связи с этим — необходимость общественных работ, находящихся в руках государства, наличие общины — в ее особой, восточной форме, неразрывная связь земледелия (связанного с орошением) с домашней промышленностью в пределах общины, особый процесс классообразования, особые классы, особую форму, в которой выжимается прибавочный продукт из непосредственного производителя — рента-налог, что выражает особые же классовые отношения. Вот те моменты, которые создают специфику восточного общества, создают особый — азиатский — способ производства.

Тов. Годес требовал здесь ответа на ряд вопросов. Он хотел, чтобы я здесь дал характеристику Китая Цинского периода. Мы с Папаяном недавно приступили к изучению истории Китая. Изучить всю историю Китая за 2 года — задача довольно трудная. Пока мы изучили его историю, кончая периодом Чжоу. Будем работать дальше, будем дальше изучать историю Китая, и тогда, быть может, ответим и на этот вопрос. Но на некоторые другие вопросы, поставленные т. Годесом, я постараюсь ответить сегодня в конце моего доклада или в заключительном слове.

Перейдем к взглядам Маркса и Энгельса на азиатский способ производства. Я не знаю, имеет ли смысл приводить всем известные высказывания Маркса и Энгельса, совершенно ясно, совершенно недвусмысленно говорящие об азиатском способе производства. Но, быть может, стоит показать, что повсюду, где Маркс и Энгельс говорят о различных категориях политической экономии, они всюду различают эти категории в условиях азиатской, античной, феодальной и капиталистической формации. Возьмем знаменитое место из III тома «Капитала», место о ренте:

Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам *общее то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма реализации земельной собственности* и что земельная рента в свою очередь предполагает земельную

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 165 — 166, изд. ИМЭ. 1928 г.

собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли, будет ли собственником лицо, являющееся представителем общины, как в Азии, Египте и т. д., или земельная собственность будет лишь следствием собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества, или же земельная собственность будет чисто частной собственностью производителей на природу, простым титулом собственности на землю, или, наконец, это будет такое отношение к земле, которое, повидимому, непосредственно предполагается присвоением и производством продуктов на определенных участках земли непосредственными производителями, труд которых изолирован и социально не развит, как в случаях с колонистами и мелко-крестьянскими землевладельцами.

Это общее для различных форм ренты, — то обстоятельство, что она вообще представляет экономическую реализацию земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенными частями земли, — это общее — ведет к тому, что различия форм не замечаются.¹

Это чрезвычайно важная мысль. Здесь мы видим азиатский, античный, феодальный и капиталистический способы производства. И вслед за этим Маркс подчеркивает, что общее здесь ведет к тому, что различия форм не замечаются, различия форм, которые принимает рента в условиях азиатского, античного, феодального и капиталистического способов производства. Вот, товарищи, в чем здесь дело.

Дальше, в том же III томе Маркс пишет:

Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах возможно, что отношение зависимости имеет политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует, как частное, так и общинное владение и пользование землей.²

Характерно, что здесь подчеркивается специфика именно восточного общества. Дальше, когда Маркс говорит, например, о ростовщичестве, он отдельно подчеркивает, отдельно выделяет ростовщичество на Востоке, говорит об особенностях восточного ростовщичества:

При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции.³

Кажется, это достаточно ясно. Эти цитаты достаточно ярки. Их можно было бы увеличить, можно было бы привести целую кучу подобных этим цитат. Но это не нужно. Совершенно ясно, что Маркс и Энгельс всюду выделяли азиатский способ производства, не всегда называя его этим термином, всюду мы видим четыре формации, и всюду совершенно четко говорится об особых формах каждого данного явления в условиях каждой из этих формаций.

Скажу еще несколько слов — очень кратко — относительно того, как Маркс и Энгельс пришли к теории азиатского способа производства. Гегель, как известно, тоже отличал четыре общества в своих работах, в том числе и восточное. Гегеля Маркс и Энгельс знали и до

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, изд. 1930 г., стр. 140. (Курсив мой. — М. К.).

² Там же, стр. 267.

³ Там же, стр. 110.

1857 г. Между тем, в 1847 г., в «Наемном труде и капитале», например, Маркс различал только три формации — античную, феодальную и буржуазную. Это относится к 1847 году. А через десяток лет в предисловии к «Критике политической экономии» уже даны четыре формации, уже включена восточная формация, азиатский способ производства. Таким образом получилось, что Маркс и Энгельс сначала как будто отказались от восточного общества, отмечавшегося Гегелем, а потом пришли к нему, вернулись как будто к гегелевской схеме. Они как бы переварили весь материал гегелевской истории человечества, они «вернулись» к гегелевскому восточному обществу, но лишь после того, как нашли материалистический «ключ к восточному небу», лишь после того, как они и здесь отменили идеализм Гегеля, поставив все учение об истории развития человеческого общества на почву материалистического мировоззрения.

Примерно с 1853 г., в связи с обсуждением индийских дел в английском парламенте, и до 1859 г. Маркс и Энгельс занимались Востоком, изучали его историю. Особенно детально изучили они историю Индии, и в результате этого изучения Индии и других восточных стран они в 1859 году заявили, что азиатский способ производства является одной из четырех формаций, через которые прошло человеческое общество в поступательном ходе своего развития. Этим я ограничусь. Более подробно этот момент освещен в предисловии т. Мадыра к нашей работе, и к этому предисловию я вас отсылаю.

Теперь, товарищи, об общине. Совершенно несомненно, что община не является специфически азиатским явлением. Это истина, которую доказывать не приходится. Но это не значит, что община в условиях определенных стран Востока не играла особой роли. В чем же здесь дело? В чем это отличие? Энгельс в том же «Анти-Дюринге» — говорит:

Естественное разделение труда внутри земледельческой семьи позволило, на известной ступени благосостояния, присоединить к ней одну или несколько рабочих сил. Это в особенности имело место в тех странах, где общинное землевладение уже распалось, или, по меньшей мере, древняя общественная обработка земли заменилась обработкой ее отдельными семьями.¹

Эта мысль, товарищи, тоже достаточно важная. В странах Востока, где господствовал азиатский способ производства, этого не было. Особенностью стран Востока было то, что община очень долго не могла дать развиваться индивидуальному способу обработки своих наделов. Община была связана с источниками орошения, без которого земледелие было невозможно в тех странах, в которых существовал азиатский способ производства.

Эти два обстоятельства, т. е., с одной стороны, тот факт, что индусы, наравне со всеми восточными народами, предоставляли центральному правительству нести заботу об обширных общественных работах, этой основе сельского хозяйства и торговли, а с другой стороны, то обстоятельство, что это сельское хозяйство и эта торговля, разбросанные по всей стране, были объединены лишь мелкими центрами на основе домашней связи земледельческого и ремесленного труда — эти два обстоятельства с незапамятных времен создали специфическую социальную систему, так называемую деревенскую общину, которая каждому из этих центров давала самостоятельную организацию и самостоятельную жизнь.²

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 166. (Курсив мой. — М. К.).

² Маркс, «Письма об Индии».

Подчеркиваю, что именно Маркс возводит здесь общину в специфическую социальную систему. Дальше

эти идиллические республики, которые заботятся лишь о том, как им охранить границы своей общины от соседней общины, все еще существуют почти в нетронутом виде в северо-западных провинциях Индии, недавно захваченных англичанами. Мне думается, что едва ли можно отыскать более солидную основу для застойного азиатского деспотизма.¹

Как видите, в приведенных местах придается чрезвычайно большое значение именно азиатским формам общины. Пойдем дальше. В I томе «Капитала» Маркс писал:

Те формы кооперации, господство которых в процессе труда мы находим на первых ступенях человеческой культуры... покоятся, с одной стороны, на общем владении условиями производства, с другой стороны, на том, что отдельный индивидуум не порвал еще пуповины, связывающей его с племенем или общиной, и спаян с ними столь же тесно, как отдельная пчела с пчелиным ульем.²

Обратите внимание на эту мысль о том, что индивидуум еще не порвал связи с общиной, что он спаян с нею так же тесно, как пчела с ульем, в связи с той цитатой из «Анти-Дюринга», где Энгельс говорит о распаде общины на подворные хозяйства в условиях Европы.

Более полная характеристика общины дается в I томе «Капитала», где речь идет о разделении труда и мануфактуре. Приводить ее здесь я не буду, так как она достаточно велика, но самый конец ее стоит подчеркнуть:

Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ... Структура основных элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики.³

Перейдем к следующему пункту: Маркс и Энгельс, как я уже говорил, считали одной из особенностей азиатского способа производства отсутствие частной собственности на землю. Вот что пишет Маркс в письме к Энгельсу от 1 июня 1853 г.:

Основу всех особенностей Востока (Бернье говорит о Турции, Персии, Индостане) он совершенно правильно видит в том, что там нет частной земельной собственности. Вот настоящий ключ даже к восточному небу.

Энгельс тут же отвечает:

Отсутствие частной собственности на землю является на самом деле ключом ко всему Востоку. В этом заключается вся политическая и религиозная история.

В «Анти-Дюринге» Энгельс чрезвычайно ярко выразил эту мысль:

На всем Востоке, — пишет он, — где собственниками земли являются общины или государство, самое слово «землевладелец» не встречается в языках.⁴

Маркс же прямо заявляет, что

юридическое представление свободной частной земельной собственности... в Азию лишь в некоторые места импортировано европейцами.⁵

Итак, Маркс и Энгельс считали, что частной земельной собственности на Востоке не было, хотя они же отмечали, что в некоторых странах

¹ Письмо Маркса к Энгельсу от 14 июня 1853 г.

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 250 — 251. (Курсив мой. — М. К.)

³ Там же, стр. 270 — 271.

⁴ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 163.

⁵ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 126.

Востока она, несомненно, существовала. Что же мы имеем в Азии? На этот вопрос Маркс отвечает во второй части III тома «Капитала». Это место, где говорится о том, что в Азии мы встречаемся с особой формой собственности на землю, с такой формой, которая отличается от других форм и характеризуется Марксом как государственная собственность, при которой «нет никакой частной земельной собственности».¹ Этот момент также необходимо подчеркнуть.

Переходим к орошению. Вот что говорится в письме Энгельса к Марксу от 6 июня 1853 г.:

Первым условием земледелия здесь является искусственное орошение, а это является делом или общины, или областного, или центрального правительства. У восточных правительств всегда было только три департамента: финансы (грабеж внутри страны), война (грабеж внутри и вне страны) и общественные работы (забота о воспроизводстве).

Эта мысль, это подчеркивание роли орошения, как необходимого элемента производства в определенных странах Востока, встречается и в «Капитале»:

Необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость в крупном масштабе использовать ее или сдерживать ее разрушительные действия при помощи сооружений, возведенных рукой человека, играет решающую роль в истории промышленности. Примером может послужить регулирование воды в Египте, Ломбардии, Голландии и т. д., или в Индии, Персии и т. д., где орошение искусственными каналами не только доставляет почве необходимую для растений воду, но в то же время приносит вместе с илом минеральное удобрение с гор.²

И в этой же связи Маркс делает два интереснейших примечания:

Необходимость вычислять периоды разлития Нила создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов, как руководителей земледелия ■

Это первое, а затем:

одной из материальных основ государственной власти над несвязанными между собой мелкими производственными организациями Индии было регулирование водоснабжения.

Наконец, приведу в этой связи еще одно место из «Анти-Дюринга»:

Ст Персии до Индии, от Египта до Китая, во всех странах существует народная поговорка о том, что «без воды нет земледелия». Каждая из многочисленных восточных последовательно расцветавших и клонившихся к упадку стран в Персии и Индии знали очень хорошо, что она прежде всего является представительницей народа в деле орошения речных долин, без чего там было немислимо и само земледелие.³

Непосредственно в связи с этими высказываниями Маркса и Энгельса стоит следующее положение Плеханова:

В таких государствах, как Китай или древний Египет, где цивилизованная жизнь была невозможна без очень сложных и обширных работ по регулированию течения и разлива больших рек и по организации орошения, возникновение государства может быть в весьма значительной степени объяснено непосредственным влиянием нужд общественно-производительного процесса.

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 267.

² Маркс, Капитал, т. I, стр. 399.

³ В этой связи чрезвычайно знаменательна следующая мысль Маркса: «Эта власть азиатских и египетских царей или этрусских жрецов и т. п. перешла в современном обществе к капиталисту» («Капитал», т. I, стр. 250).

⁴ Энгельс, Анти-Дюринг, цит. по Штуссеру, стр. 55.

Здесь, конечно, есть известная переоценка этой роли орошения, сказывающаяся в том, что Плеханов объясняет возникновение государства и непосредственным влиянием географического фактора. Дальше он пишет:

Те господствующие классы, с которыми мы встречаемся в истории этих стран, заняли свое более или менее высокое общественное положение именно благодаря государственной организации, вызванной к жизни нуждами общественного производственного процесса... Это обстоятельство не мешало, конечно, государству быть в то же время организацией господства привилегированного меньшинства над... порабощенным большинством.¹

Повторяю, что здесь есть несомненная переоценка этого момента.

Все эти цитаты я привел для того, чтобы показать, что Маркс и Энгельс считали искусственное орошение одним из характерных признаков азиатского способа производства. Здесь говорилось, что эта теория построена на воде и поэтому чрезвычайно непрочна. Это, конечно, не лишено остроумия, но, товарищи, совершенно несомненно, что именно основоположники марксизма придавали воде немалое значение в условиях конкретных стран Востока и не видели в этом ничего «ужасного».

Чтобы не утомлять вас больше цитатами — тем более, что они, в основном, всем известны, я этим и ограничусь. Каждое из выставленных мною положений опирается на соответствующие мысли Маркса и Энгельса, и в целом эти мысли и создают теорию особого — азиатского, — способа производства.

Я перехожу к вопросу, которого с таким нетерпением ждут здесь. К тому месту, которое касается классов и государства. Ленин отмечал, что каждая общественная формация имеет свои законы зарождения, существования и перехода в высшую формацию. Мне кажется, что каждая из трех докапиталистических формаций, которые мы знаем, а именно: азиатская, античная и феодальная имеют свои законы зарождения. Процесс классовообразования не одинаков в обществе, которое пришло к античной формации и в феодальном обществе, и, наконец, в обществе, в котором существовал азиатский способ производства. Несомненно, — и это нужно подчеркнуть, — что процесс возникновения классов, несмотря на различие форм, в которых он протекает, имеет одну и ту же предпосылку. Предпосылкой этой являются имущественные различия, неодинаковость в имущественном положении. Имущественные различия внутри одного и того же рода, которые «превращают общность интересов в антагонизм между членами рода» — вот как формулирует Маркс эту мысль. Эта имущественная дифференциация является основой процесса образования классов. Это положение несомненно. Также, по моему, несомненно и то, что предпосылкой возникновения классов является такая ступень развития производительных сил, при которой производитель может производить большее количество продуктов, чем это является для него необходимым. Тем самым создается такое положение, что часть общества *может* жить за счет труда другой части, что можно выжать прибавочную стоимость из непосредственного производителя. Имущественные различия и разделяют людей на непосредственных производителей и

людей, выжимающих из этих непосредственных производителей прибавочный продукт. Но эти имущественные различия, возникающие на определенной ступени развития производительных сил под влиянием обмена, захватов и т. д., — по разному оформляются в классовые противоречия. В условиях античного общества они ведут к распаду общества на классы, к образованию класса рабов и класса рабовладельцев. Рабовладение, как ведущий и определяющий момент, составляет специфическую особенность античного общества, и Энгельс подчеркивает, что именно в условиях античного мира процесс разделения общества на классы приводит к отношениям рабовладельца — раба.

При исторических условиях древнего, в частности *греческого, мира*, переход к общественности, основанной на классовой противоположности, мог совершиться только в форме рабства.¹

И в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства», о которой дал такой прекрасный отзыв Ленин, в книге, где — по Ленину — каждому слову можно и нужно верить — Энгельс пишет:

Рабство представляет собою первую, *характерную для античного мира* форму эксплуатации.²

Здесь Энгельс подчеркивает, что рабство является характерной особенностью именно античного мира. В условиях феодальных отношений, в процессе классовообразования, ведущем к созданию феодального общества, в наиболее чистом виде проявляются отношения экономической зависимости. Здесь выступает в наиболее, повторяю, незатушеванном виде экономическая зависимость должников от займодавцев. Это, конечно, не значит, что тут не играют роли и другие моменты, но в процессе образования феодальной формации отношения экономической зависимости выступают наиболее четко.

Каким же образом происходил процесс образования классов в азиатском обществе? Энгельс отвечает на этот вопрос, когда он говорит о связи возникновения классов с распадом общины. Я это место приводил — там речь идет о том, что возникновение классов связано с заменой общественной обработки земли обработкой ее отдельными семьями. Этот момент является чрезвычайно важным для классовообразования античного типа, он же играет огромную роль и в переходе к феодальному обществу. Но этот-то момент *отсутствует* в странах азиатской формации, где община существует одновременно с государством, т. е. она существует, и, что важно отметить, не распадается — в условиях классового общества. В III т. ме «Капитала» Маркс пишет:

При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях, в основе которых лежит обложение данью (поскольку имеется в виду первобытная община), присваивает, а следовательно, и продает продукты рабовладелец, феодал, взимающее дань государство.³

Это — кстати — лишний пример того, что Маркс подчеркивает тут три докапиталистических формации: азиатскую, античную и феодальную. Но что это означает? Что означает тот момент, что в условиях ази-

¹ Плеханов, О материалистическом понимании истории. Соч., т. VIII, стр. 252 — 253.

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 168. (Курсив мой. — М. К.).

² Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 118. (Курсив мой. — М. К.).

³ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 251.

атского общества община, как хозяйственное целое, не распадается на отдельные семьи, а продолжает быть основой и классового общества, продолжает быть «прочной основой восточного деспотизма»? Это означает, что имущественные различия, являющиеся условием создания классов, а следовательно и аппарата угнетения одного класса другим — государства, имеет место не между отдельными семьями, а между общиной в целом и частью этой общины — тем аппаратом, обслуживающим общину, который, именно благодаря своему имущественному превосходству, мог занимать положение руководящей группы, а с другой стороны, благодаря своему общественному положению, мог «богатеть».

Характерными для общины были коллективные формы труда. Специально выделенная группа, которая регулировала бы искусственное орошение, была необходима общине в конкретных условиях тех стран Востока, где орошение является первым условием земледелия, и эта группа занималась общественно-необходимым делом. Группа эта, совершенно очевидно, впоследствии находилась в наиболее благоприятных условиях для того, чтобы увеличивать свое имущественное преобладание. Поскольку же она была имущественно преобладающей, постольку это давало ей прочную базу для дальнейшего укрепления своего господства. Это — схема того, как шел этот процесс в азиатском обществе. Процесс усиления аппарата, обусловливаемый указанными причинами, ведет к возникновению, а затем углублению противоречий между общиной в целом и частью этой общины. Это совершенно очевидно. Поскольку аппарат этот жил за счет всей общины, постольку совершенно ясно, что в процессе дальнейшего развития развивались и противоречия между общиной и аппаратом. Сила традиции, играющая столь большую роль в этих условиях, руководство оросительными работами, без которых невозможно земледелие, руководство, требующее известного опыта и известных знаний (жрецы в Египте), приводят к тому, что без и помимо общинного выборного аппарата — а выборность его постепенно становится фикцией, — производственный процесс не может протекать нормально. В овладении оросительной системой, в возможности господствовать над процессом производства — корень власти «слуг общины». В этом — основа их превращения в «господ» ее. Регулирование орошения становится исключительной функцией господствующей группы, исключительным ее правом. Она владеет оросительными источниками, всей системой оросительных сооружений, владеет ими постольку, постольку от нее зависит — в начале под контролем общины (когда общественные должности выборны), а потом — и помимо, и без него — распределение необходимой земле влаги. Тем самым «слуга общины становится ее господином». Противоречия становятся противоположностью, и, как проявление этой противоположности, перешедшей в непримиримость классовых уже антагонизмов, возникает государство.

Маркс говорит в примечании в I томе «Капитала» о касте жрецов в Египте. Он говорит, что здесь господа выросли из носителей общественно-необходимых функций. Значит, товарищи, здесь необходимо учитывать два момента: имущественную дифференциацию, как основной, определяющий момент, и тот момент, что в условиях определенных стран Востока возникновение государственного аппарата свя-

зано также и с особым характером производственного процесса, с общиной. Совершенно несомненно, что и в азиатском государстве существовало угнетение одного класса другим. Именно невозможность примирения классовых противоречий вызывает — вызвала и там — необходимость государства, как «орудия угнетения одного класса другим»¹, как «машин для поддержания господства одного класса над другим»². Но, тем не менее, нельзя упускать из виду и того, что немалую роль в создании необходимости государства, хотя роль — я это подчеркиваю — и подчиненную, сыграли и нужды общественного производства. Отсюда Маркс и Энгельс особо подчеркивают наряду с «грабежом своей и чужой страны» задачу общественных работ именно в применении к азиатскому государству. У нас же часто этот момент известного своеобразия, отмечавшегося, повторяю, основоположниками марксизма, забывают.

Можно ли сказать, что переросшая «из слуг общины в ее господина» группа является классом? Мне кажется, что наиболее четко сумел дать формулировку того, что такое класс, Ленин. В замечаниях на бухаринскую «Экономику переходного периода» Ленин пишет, что

классы представляют из себя *прежде всего* «группы лиц» (неточно сказано), различающихся положением в общественном строе производства и различающихся так, что одна группа может присваивать себе труд другой группы.³

Вот, товарищи, определение класса, данное Лениным. Итак, классами, по формулировке Ленина — называются такие группы людей, которые различны по своему положению в общественном строе производства, причем различны так, что одна группа может присваивать себе труд другой группы. В условиях азиатского общества в то время, как одна группа — непосредственные производители — занимает *одно* положение в общественном производстве, другая группа, группа господствующая, занимает совершенно *другое* положение. Эти группы различаются *так* по своему положению, что господствующая группа может присваивать себе труд непосредственных производителей, на базе распоряжения источниками орошения и всей сложной оросительной системой, дополненной государственной собственностью на землю.

Вот, товарищи, так из группы людей, выполнявших общественно-необходимые функции в условиях доклассовых — в процессе роста производительных сил связанной с ним имущественной дифференциацией — образовался класс, который стал высасывать прибавочный продукт из непосредственных производителей. Азиатское общество, таким образом, является обществом двухклассовым. Эксплуатируемым классом являются крестьяне, объединенные в общины, за счет труда либо продукта труда которых живет господствующий класс, создавший аппарат подавления сопротивления угнетаемого класса, аппарат укрепления своего господства — государство.

Что такое государство? По определению Бухарина, вызвавшему полное одобрение Ленина (на полях написано: «очень хорошо!») государство

¹ Энгельс, Введение к «Гражданской войне во Франции» Маркса.

² Ленин, Лекция о государстве.

³ См. Ленинский сборник, XI, стр. 357.

есть самая широкая организация класса, где концентрируется вся его сила, где сосредоточены орудия механического давления и репрессии, где господствующий класс организован именно как класс, а не как частичка или маленькая группа класса.¹

Итак, государство является самой широкой организацией класса, в которой класс организован именно как класс.

Специфика азиатского государства заключается в том, что аппарат государства включает всех представителей господствующего класса. Именно здесь — в наиболее неприкрытой, незатушеванной форме — государство выступает как «самая широкая организация класса». Это означает между прочим и то, что господствующий класс азиатского общества не нуждается в «специальном слое, в руках которого находится власть в современном (т. е. капиталистическом. — М. К.) обществе», — в бюрократии.² Положение это, что господствующий класс проявляет себя в государственной организации, что формой проявления этого класса является государственная машина, неоднократно отмечалось Марксом.

При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях, в основе которых лежит обложение данью (поскольку имеется в виду первобытная община), присваивает, а следовательно, и продает продукты *рабовладельцу, феодал, взимающее дань государство*.³

При указанных прежде способах производства главные владельцы прибавочного продукта, с которыми имеет дело купец — *рабовладелец, феодальный сеньор, государство* (например, в лице *восточного деспота*), являются представителями потребляющего богатства.⁴

Совершенно очевидно, что здесь Маркс ставит на одну доску рабовладельца, феодала, государство, именно восточное государство. И, наконец, в «Теориях прибавочной ценности» Маркс пишет, что «большая часть прибавочного продукта и прибавочного труда... поступает... в Азии государству».⁵

Итак, прибавочный труд или продукт из непосредственного производителя высасывали «чиновники». Иначе, как «чиновниками» я не могу назвать эту группу людей, хотя, возможно, их можно было бы назвать как-нибудь иначе. Но не в этом дело. Дело не в названии. Названия этому классу Маркс и Энгельс не дали. Когда речь идет о господствующем классе азиатского общества, Маркс говорит — как мы видели из приведенных цитат — о государстве. Вот почему я беру слово «чиновник» как наиболее, по моему, подходящее название.

Всякий ли «чиновник» — может возникнуть вопрос — являлся членом господствующего класса? Если да, то нет ли здесь противоречия с тем основным для нас положением, что юридическое положение есть только следствие положения в процессе производства? Мне кажется — во всяком случае, те материалы, которыми мы пользовались, дают достаточные для этого основания, что всякий «чиновник» являлся членом господствующего класса в условиях азиатского общества. Но нельзя забывать того, что каждый «чиновник» являлся не только винтиком аппарата насилия, но и частицей хозяйственного аппарата,

¹ Ленинский сборник, XI, стр. 352.

² Ленин, Соч., т. I, стр. 290 — 291.

³ Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 251. (Курсив мой. — М. К.).

⁴ Там же, стр. 255. (Курсив мой. — М. К.).

⁵ Маркс, Капитал, т. III, стр. 377.

руководящего производственным процессом, именно так, что воспроизводились отношения эксплуататора — эксплуатируемого, т. е. «чиновника» — общинника. Этой стороны нельзя забывать, когда рассматриваешь азиатское общество. Совершенно ясно, что «чиновником» мог стать только тот, кто имел непосредственное отношение к касте «чиновников». Чуждый элемент в эту касту не попадал. И стоит отметить, как чисто внешней, но характерную, черту, что для того, чтобы стать «чиновником», необходимо было — юридически — быть прежде всего грамотным. А грамота в странах азиатского способа производства — грамота иероглифическая. Для того, чтобы осилить эту грамоту, для того, чтобы изучить эти иероглифы, нужны были долгие годы, если не десятки лет. Кто мог посвятить годы изучению иероглифики, кроме тех, кто жил за счет других? Таким образом, даже в этом явлении рельефно выступает то, что и здесь экономическое положение было определяющим, что и здесь экономика определяла, быть ли «господином» или работать «на господина».

Вот примерно то, что я хотел сказать о процессе классовообразования и о создании государства в восточном обществе. Совершенно очевидно, что основоположники марксизма ясно говорили об особенностях восточного общества и, в частности, восточного государства, совершенно очевидно, что эти положения не противоречат учению Маркса — Ленина о государстве.

Я выше говорил о том, что мы допустили в нашей работе ряд ошибок именно в связи с вопросом о возникновении классов и возникновении государства. Мы недостаточно четко обрисовали процесс создания государства, как выражения непримиримости классовых противоречий, вернее мы сделали чересчур большое ударение на момент, который, придавая, благодаря своему значению здесь, известную специфику азиатскому государству, отнюдь не заменяет основного положения:

Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены.¹

Это тем более опасная ошибка, что она — объективно — ведет к методологии Богданова, который утверждает, что разделение общества на классы происходит в зависимости от владения организационным опытом. Классы — по Богданову — возникают в результате выделения в родовой общине патриарха-организатора. И дальше — господствующим классом является класс организаторов производства.

Во-первых, абсолютно неверно утверждение, что разделение общества на классы есть следствие владения или невладения организационным опытом. Причиной разделения общества на классы является имущественная дифференциация, разница в положении групп этого общества в общественном строе производства. Не только в родовой общине, но и до нее, несомненно, различие в опыте было налицо между отдельными группами общества, но это не дает никаких оснований говорить о классах. Верно, что выделившемуся патриарху-организатору — факты конкретной истории это иллюстрируют — легче попасть в имущественно-сильную группу, но не потому вовсе возникают классы, что выделился этот патриарх.

¹ Ленин, Государство и революция, Соч., т. XXI, стр. 372.

Естественный для Богданова вывод, — что господствующим классом является класс организаторов производства, естественный, поскольку он логически завершает первые положения Богданова, является абсолютно неверным. Господствующим классом является класс, занимающий такое положение в общественном строе производства, что он может выжимать прибавочный продукт из непосредственных производителей и жить за счет их труда. То, что это сопровождается выполнением функций организаторских — по терминологии Богданова, — совершенно не должно закрывать этого основного положения. Если оставить в стороне азиатское общество, то и в античном мире рабовладелец был организатором, но лишь как рабовладелец! И в феодальном обществе феодал руководил своим феодальным поместным хозяйством — но лишь как владелец феодала!

Исторически могло получиться — в отдельных конкретных случаях — и так, что будущий феодал играл руководящую роль в условиях дофеодальных, родовых отношений, но это отнюдь не говорит в пользу Богданова. В качестве параллели можно сказать, что, например, исторически — в ряде стран — рента продуктами предшествовала отработочной ренте, что отнюдь не дает нам оснований говорить о том, что Маркс был неправ, утверждая, что первой формой ренты была рента отработочная.

Отнюдь не разделяя точки зрения Богданова, мы, недостаточно четко, а иногда и неверно ставя вопросы, о которых я говорил, в своей работе стали объективно на позиции, приближающиеся к позициям Богданова, и я пользуюсь случаем, чтобы — от имени своего и имени Папаяна — об этом здесь со всей определенностью заявить.

Товарищи, я подхожу к концу. Тов. Годес здесь поставил два вопроса. На один из них я отвечу сейчас, на другой предпочитаю ответить в заключительном слове, так как для этого надо еще кое-что обдумать, кое-что обмозговать. Это вопрос о том, куда растет азиатский способ производства.

Другой вопрос, поставленный т. Годесом, это вопрос о том, что мы имеем сейчас в тех странах, где существовал азиатский способ производства. Для меня совершенно несомненно, что в настоящее время там, где некогда существовал азиатский способ производства, существуют феодальные отношения. Отсюда очевидно, что основная задача революции в этих странах заключается в борьбе с феодальными отношениями, что революции эти носят буржуазно-демократический характер.

Сторонники теории азиатского способа производства ведь не отрицают «вообще» феодализма в странах Востока. Мы утверждаем, что в историческом прошлом эти страны — Китай, Индия и т. д. — прошли через азиатскую формацию, через эпоху, которую Маркс называл азиатским способом производства, что признание этого только и может дать ключ к истории определенного периода развития этих стран, но смелно заявлять, что этим самым, якобы, отрицается феодализм в настоящее время. Я думаю, что это достаточно ясно. В странах, где существовал азиатский способ производства, на определенном этапе их развития возникают феодальные отношения. Но пережитки старого способа производства могут оставаться и в условиях господства новых отношений. Правда, они существуют в «снятом» виде, они подчинены новому спо-

сому производства, но понять их можно только в связи со старым, отжившим способом производства. В частности, в применении к Китаю, я считаю, что таким пережитком до-феодальной, в условиях Китая — азиатской, — формации, служит джентри, конечно теперь являющийся феодальной фигурой, подчинившийся господствующим отношениям феодального порядка, но своими корнями уходящий в азиатскую формацию, генетически с ней связанный. И только с этой точки зрения, с точки зрения концепции азиатского способа производства можно понять эту своеобразную социальную фигуру. Вот, товарищи, ответ, который я даю на поставленный мне вопрос. И только так я понимаю то место из программы Коммунистического Интернационала, где говорится о пережитках азиатского способа производства.

Кажется, все это достаточно понятно. И в свете этого весьма распространенные попытки «увязать» теорию азиатского способа производства с троцкизмом являются не более, как нашедшим себе широкое применение демагогическим приемом. Прежде всего троцкизм отрицает наличие феодализма в Китае *сейчас*, чего мы не делаем и что абсолютно не вытекает из концепции азиатского способа производства. Во-вторых, троцкизм — и это я считаю необходимым подчеркнуть — отрицает феодальные отношения в Китае сейчас вовсе не из-за признания азиатского способа производства. Если взять наиболее яркого представителя троцкистской оппозиции, так сказать вождя троцкизма по китайскому вопросу — я говорю о товарище Радеке, — то мы увидим, что Радек, во первых, отрицал и отрицает до ныне существование азиатского способа производства в историческом прошлом Китая, считая, что в Китае был феодализм, начиная с самого древнего исторического времени, во вторых, Радек, отрицая наличие феодализма сейчас, считал, что в современном Китае господствует торговый капитал. Вот, товарищи, теоретическая «линия», защищавшаяся троцкизмом в его оценке китайской революции. Спрашивается, в чем здесь сходство со сторонниками теории азиатского способа производства? Мы отрицаем феодальный способ производства в древнем Китае, — Радек его признает. Мы считаем сейчас господствующими феодальные отношения, — Радек это отрицает и говорит о господстве торгового капитала. Таким образом ясно, что с троцкизмом эта теория ничего общего не имеет.

И, наконец, последнее. Я считаю, что борьбу за чистоту марксистско-ленинской теории в востоковедении нужно вести на два фронта. Во-первых, против тех, кто стремится подогнать историю развития колониальных и полуколониальных стран под ход развития, пройденный европейскими странами на их историческом пути, во-вторых, против тех, кто говорит об абсолютном своеобразии, об «исключительности» исторического развития, исторического пути Востока, против тех, кто — тем самым — питает оценку Востока как области «экзотики», как области, куда надо «импортировать» цивилизацию, против всех — из такой установки вытекающих — положений.

Я считаю, что в непримиримой борьбе на два фронта, в непримиримой борьбе за учение Маркса, Энгельса и Ленина нам поможет дальнейшее изучение, развитие и подкрепление фактическим материалом учения Маркса об азиатском способе производства, учения об особой закономерности развития определенных стран на известном отрезке

пути их исторического развития. Я считаю, что это учение поможет нам изучить историю Востока, включить ее, до сих пор бывшую за бортом «всемирной» истории, в историю развития человеческого общества.

Вот, товарищи, и все. Мне не пришлось ничего сказать об эпохе Чжоу, не пришлось показать на конкретном материале азиатскую формацию. Возможно, что я остановлюсь на этом в заключительном слове, хотя те, кто этим интересуется, могут найти материал в нашей работе.

П Р Е Н И Я

■
А. Штуккин

Товарищи, уже в течение двух лет я занимаюсь изучением, примерно, тех же вопросов, которые интересуют т.т. Кокина и Папаяна, но на материале эпохи несколько более поздней, а именно эпохи Хань. Это будет III — I век до нашей эры. К сожалению, моя работа еще далеко не закончена, но за это время мне удалось перевести довольно большое количество текстов, древних текстов, относящихся к первому веку нашей эры и дающих довольно богатый материал по экономической истории Китая в эпоху династии Хань.

Что же мы имеем в Цянь-Хань-шу — истории первой династии Хань, подтверждающего те положения, которые защищают т.т. Кокин и Папаян? В самом начале экономического отдела истории династии Хань мы имеем несколько страниц, в которых прямо подтверждается все то, что защищали и т. Кокин и т. Папаян. Там непосредственно говорится о системе цзинов — об общинном землепользовании, но там мы не находим никаких упоминаний об орошении. Значит ли это, что в Китае в эту эпоху орошения не было? Нет, товарищи, потому что в той же экономической истории династии Хань имеются материалы, относящиеся к этой эпохе, в которых упоминается и об орошении. Характерно только то, что на протяжении, примерно, ста страниц китайского текста, почти целиком посвященного землепользованию в Китае в эту эпоху, орошению уделено всего, примерно, 3 — 4 строчки. Причем указывается, что в таком-то и таком-то районе было орошение в такой-то местности. Но надо сказать, что если мы сравним размер площади тех местностей, которые были искусственно орошаемы, с размером площади местностей, не требующих орошения и не орошаемых в эпоху династии Хань, то окажется, что орошаемые площади по сравнению с площадью других районов — довольно незначительны.

Что же было в этих других, не требующих орошения, районах? На это я позволю себе ответить несколькими цитатами из древнего текста:

Он — Ли (советник вэйского князя Вэнь-хоу) считал, что квадрат земли, со сторонами в 100 ли каждая, вмещает 90 тысяч цин или 9 миллионов му поля и что если исключить одну треть на горы, болота, города и жилища, то это составит 6 миллионов му поля.

Цитата из «Хань-шу» книги, не подвергающейся сомнению, показывает, что почва в Китае получала в то время не только достаточное количество влаги, но что, наоборот, во многих местностях был избыток в ней — почти одна треть земли занята горами и болотами. Была ли при этом потребность в искусственном орошении? Конечно, нет.

Следующая цитата:

...Случалось, что народ страдал от малого количества коров и... не мог касаться участков, затопляемых дождевой водой.

Это я подчеркиваю: «Не мог касаться участков, затопляемых дождевой водой». Нужно ли еще орошать поля, когда осадков так много, что на полях стоит дождевая вода? Затем дальше:

Когда Юань-ди вступил на престол, в поднебесной стране было большое наводнение.

Я могу привести очень большое количество цитат, где говорится о деревнях, затопляемых наводнением, о полях, размываемых дождями.

Нужно только отметить, что осадков в древнем Китае было достаточно и что в искусственном орошении не было большой надобности. Затем дальше. Совершенно верно, что в династийной истории Хань имеются страницы, подтверждающие в очень значительной мере те положения, которые защищают товарищи Кокин и Папаян, нужно только проверить, заслуживают ли они доверия. Династийная история «Хань-шу» не подлежит никакому сомнению, никогда об ее подлинности не стояло никакого вопроса. Она признавалась всеми.

Но возьмем более ранний период, период составления китайским историком Сыма Цянем «Ши-цзи», «Исторических записок». Это II — I век до нашей эры.

«Цянь-Хань-шу» отдалены от «Исторических записок» на полтора столетия. Интересно отметить, что Шаванн, переведший «Ши-цзи», чрезвычайно подробно говорит об источниках, которыми пользовался Сыма-Цянь, написавший «Исторические записки», и ни слова не говорит о «Чжоу-Ли», о той книге, которая была положена в основу труда тт. Кокина и Папаяна. Это значит, что во время Сыма-Цяня, который использовал все исторические труды своего времени, не было «Чжоу-Ли». В «Хань-шу» имеется довольно много цитат из «Чжоу-Ли». Нужно учесть, что крестьянская революция в Китае как раз в последние годы до нашей эры одерживает победу, и у власти становится правительство т. н. «узурпатора» Ван-Мана. Это чрезвычайно любопытный период в китайской истории. Любопытно то, что Ван-Ман проводит такие реформы, которые подкрепляют в известной мере теорию об азиатском способе производства. Попытки проведения этих реформ продолжаются, примерно, в течение 3 — 4 лет, а затем Ван-Ман был вынужден отказаться от своих реформ, так как при самых жестоких репрессиях их не удалось провести в жизнь. Вскоре погиб и сам Ван-Ман.

Я не решаюсь сейчас сказать более определенно о периоде Ван-Мана. Скажу только, что ему предшествовало множество крестьянских восстаний. Следствием большого переворота, было свержение династии Хань, и тогда на китайский престол сел Ван-Ман. Мне кажется, что Ван-Ман пытался проводить свою политику в интересах оставших крестьян. Это был краткий период, который подлежит особому и более подробному рассмотрению. Но интересно, что именно в этот период проводится следующее: земля объявляется государственной собственностью, Ван-Ман старается провести в жизнь систему цзинов — каждому даются равные участки земли, запрещается покупать и продавать землю. Как я уже сказал, все эти попытки кончаются крахом.

Ван-Маном издается еще много и других декретов. Следует отметить, что Ван-Ман, публикуя каждый свой декрет, начинает их одними и теми же словами: в «Чжоу-Ли» сказано то-то и то-то, нам следует подражать примеру древних, следует опираться на «Чжоу-Ли». До эпохи Ван-Мана о «Чжоу-Ли» не говорится.

Отсюда можно сделать определенный вывод. Я сильно сомневаюсь в подлинности «Чжоу-Ли», — Сыма-Цянь полностью использовал существующие источники, а между тем у него нет упоминания о «Чжоу-Ли». Есть все основания предполагать, что «Чжоу-Ли» была подделана именно в эпоху Ван-Мана в целях обоснования его реформ. Я твердо в этом убежден.

Дальше, товарищи. Если в первой части, на первых страницах «Хань-шу» можно найти цитаты из «Чжоу-Ли», в значительной мере подтверждающие то, о чем говорят тт. Кокин и Папаян, то на дальнейших страницах мы находим весьма странные сведения об этом периоде, так напр. будто бы при этой системе существовали сельские школы, средние школы и затем высшие школы «дасие»... и что там учились культуре, идеальным правилам поведения и т. д. и т. д., проводили всеобщее обучение. Это — утопично. Конечно, никакого всеобщего обучения в Китае в ту пору не было. Это только доказывает, что нельзя верить «Чжоу-Ли». Затем дальше. Товарищи Кокин и Папаян утверждают, все слышали, что они это утверждают, что в эпоху Хань в Китае отсутствовала частная собственность на землю и была государственная собственность. Земля не продавалась и не покупалась.

Кокин с места: «Я этого не утверждал. Может быть, Папаян утверждал». (Смех).

Папаян: «Никогда не утверждал».

Так вот о частной собственности на землю в Китае. Я приведу несколько цитат по этому поводу:

Крестьяне должны продавать все, что имеют за полцены, и если у них ничего нет, то брать ссуду, которую они возвращают с прибылью для заимодавца в два раза, и тогда находятся такие, которые продают поля и дома и торгуют детьми и внуками, чтобы заплатить долг.

Затем дальше. Тт. Кокин и Папаян говорили, что в Китае было общинное пользование. Оно в эпоху Чжоу было. Это совершенно верно, но уже в последующий период после эпохи Чжоу, при династии Цинь, мы видим иное.

Я приведу цитату, где говорится:

Богатые соединяли в своих руках полевые межи, т. е. соединяли в своих руках громадные пространства земли, бедные же не имели и такого куска земли, чтобы можно было воткнуть шило.

Это указывает на то, что были крестьяне многоземельные и безземельные. Затем дальше — об аренде земли:

Некоторые крестьяне обрабатывали поля богатых землевладельцев, и мы видим, что они половину урожая отдавали владельцам земли.

Мы видим, что владельцам земли крестьяне платили половину урожая только за пользование землею, кроме налога в $\frac{1}{10}$ урожая, который выплачивался уже владельцами. Таким образом мы видим, что кроме налога на землю имеется еще и другой вид ренты, уже непосредственно от арендатора — владельца земли, у которого он арендует

эту землю. Мы видим, что в эту эпоху происходит расслоение крестьянской общины. Мы видим, что в эпоху Цинь и Хань, мы можем это сказать совершенно твердо, частная собственность на землю в Китае существует. Это никакому сомнению не подлежит.

Теперь дальше. Тов. Кокин в своем последнем выступлении говорил о том, что эпоху Цинь и Хань надо присоединить к азиатскому способу производства, что эпоха Цинь и Хань является эпохой феодализма. Спрашивается, какой же период феодализма был в эпоху Цинь и Хань — период только зарождения феодализма, расцвета или разложения? Это чрезвычайно существенно и вот почему. Тт. Кокин и Папаян утверждают, что в Китае был чрезвычайно большой застой в общественном развитии, если же феодализм был в эпоху Цинь и Хань уже в периоде разложения, то, спрашивается, где же этот застой? В самом деле, этот вопрос навязывается и этого не будут, конечно, отрицать гг. Кокин и Папаян. Точных данных нельзя привести, но, примерно, в XV — XX вв. до нашей эры в Китае еще существовало родовое общество. Я думаю, что т. Кокин этого не отрицает, а если он с этим не согласен, то я могу это подтвердить соответствующими цитатами.

Я говорю, что примерно в XV — XX вв., точно сказать нельзя, существовал еще в Китае родовой быт. Примерно, за 15 веков, по гг. Кокину и Папаяну, Китай переживает следующие фазы развития: до XV столетия — родовой быт, затем — азиатский способ производства, затем — переход в феодализм.

Но дело в том, товарищи, что я могу сейчас привести соответствующие цитаты, которые дадут основание считать, что феодализм был уже в эпоху династии Цинь и Хань в периоде разложения. Где же эта застойность? 15 веков — время, конечно, порядочное, но не такое, чтобы говорить о застойности, наоборот скорее можно говорить о быстром темпе развития.

Чем объясняется то обстоятельство, что в Китае мы видим в эпоху Хань централизованное государство, с довольно сильной централизованной властью? Мне кажется, что это объясняется именно тем, что тогда там развилась уже техника земледелия и техника вообще. Так это понимают и тексты. Они говорят следующее: в VII веке в Китае начинают уже пользоваться в земледелии железом. Что происходит дальше? В Китае в этот период чрезвычайно сильно развиваются ремесла. Об этом говорит тот факт, что уже десятки тысяч людей и даже сотни тысяч занимаются ремеслами. Об этом с точностью говорится в древних текстах. Это дает возможность развиваться и торговому капиталу, который в Китае развивается быстро и разлагает феодальное общество в том виде, в каком оно существовало в эпоху Чжоу. Что говорится в «Хань-Шу» о торговом капитале? Я прочту несколько цитат, в которых говорится о купцах:

Крупные из путешествующих и местных купцов и торговцев накапливают богатства, получая барыши один на один, мелкие же сидят в рядах, покупают и продают. Они держат в руках свои прибыли... у них нет забот земледельца, а есть прибыли в тысячи и сотни (цзянь). Из-за громадной величины своих богатств они завязывают отношения с властителями и князьями, силой превосходя могущество чиновников. Купцы поглощают земледельцев, а земледельцы разбредаются и пропадают. Современное законодательство низко ставит купцов, а купцы уже богаты и знатны. Верхи и низы во взаимном противоречии, добро и зло перевернуты на оборот.

Это из доклада одного из советников императору. Дальше он предлагает меры борьбы с купцами.

Запасливые купцы разгуливают по базару и, пользуясь недостатком хлеба у населения, в сто раз увеличивают свой основной капитал. Поэтому в государстве 10 000 колесниц непременно есть купцы, имеющие 10 000 золотых единиц, так как барыши концентрируются в одних руках. Если подсчитать основные (фонды) и измерить запасы, то их оказывается достаточно, однако, в народе голод потому, что хлеб спрятан.

Эта цитата относится еще ко времени династии Чжоу.

В «Хань-Шу» во многих местах говорится о том, что купцы, оказываются, регулируют хлебный рынок в Китае, уничтожая запасы хлеба. Является вопрос, какой смысл имела тогда централизация власти? Тот смысл, чтобы наилучшим образом защититься от купцов. Мы знаем, что в этот период имелся целый ряд законов, направленных против купцов, против торгового капитала. Ханьская история дает яркий пример разложения феодализма торговым капиталом. Отсюда можно заключить, что это был период не первоначальной стадии феодализма. Где же в Китае застойность «восточного общества»?

Е. Иолк

Товарищи, если мы в такое бурное, горячее время, как сейчас, в эпоху напряженнейшей борьбы за социализм в нашей стране, в эпоху острейших классовых боев во всем мире и, в частности, на колониальном Востоке, считаем возможным заниматься дискуссией по вопросу об «азиатском способе производства», то это, очевидно, потому, что нас прежде всего интересует *политическое* содержание этой дискуссии, что нас прежде всего интересует вопрос о том, к каким политическим выводам мы приходим, отходя от теории «азиатского способа производства». Я думаю, что тот интерес к нашей дискуссии, который проявляет данная аудитория, очевидно, продиктован именно этими соображениями — соображениями практического порядка. Думаю, что большинство присутствующих задается прежде всего вопросом, какова политически-практическая ценность дискуссии, как в результате наших споров можно будет лучше всего помочь сейчас тому историческому процессу, который в настоящее время совершается на Востоке.

Не ради того, как указал здесь т. Кокин, что нам «надо наконец изучить историю Востока и включить ее в мировую историю», не для этого мы занимаемся дискуссией об «азиатском способе производства», а для того, чтобы ту практическую историю, которая сейчас творится героической борьбой эксплуатируемых масс в Китае, Индо-Китае, Индии, чтобы эту практическую историю соответствующим образом направить в интересах трудящихся масс.

Таков должен быть определяющий стержень при подходе к оценке той или другой позиции в данном, спорном как будто бы, вопросе.

И вот, если подойти с этой точки зрения, — а я думаю, что обязательно надо с этой точки зрения подходить, — то совершенно ясно, что то истолкование отдельных высказываний Маркса и Энгельса о Востоке, которое нам преподносят в виде некоей, внешне законченной, теории об особом «азиатском» способе производства, оно для нас по-

литически абсолютно не приемлемо. Позвольте здесь привлечь ваше внимание к некоторым фактам. Вот недавно вышла книга т. Мадьяра «Очерки по экономике Китая», где в качестве заключительной главы помещена статья т. Варга. Тов. Варга является старым сторонником теории особого «азиатского» способа производства. Еще в 1925 г., задолго до того, как Дж. Пеппер в своей статье в «Правде» поставил вопрос об «азиатском» способе производства в Китае¹, еще до того, как т. Мадьяр впервые выступил со своей концепцией.² Варга развивал взгляды на сущность исторического процесса в Китае, весьма и весьма родственные по существу с нынешней якобы марксистской теорией «азиатского» способа производства.

В 1925 г. т. Варга писал, что «центральная и местная государственная власть возникла в Китае на необходимости регулировать водоснабжение, защищаться от наводнений и обеспечить орошение земли». Тов. Варга считал, что вследствие трудностей изучения китайского языка и необходимости письменных сношений мест с центром «получилось, что управление государством попало в руки грамотных людей». В результате, — указывает далее т. Варга, — «образовался господствующий класс совершенно особого типа, незнакомый в области европейской культуры, именно класс грамотеев».

Позже т. Варга для этих своих взглядов нашел соответствующую «марксистскую» формулировку в лице теории «азиатского» способа производства. В упомянутой статье т. Варга утверждает, что сейчас в Китае земельная рента не является феодальной рентой. В Китае господствует, по выражению т. Варга, «капиталистическая», ростовщическая рента.³

В полном соответствии с анализом ренты т. Варга отрицает существование в Китае класса феодалов-помещиков, т. е. утверждает то же самое, что и Троцкий. Троцкий для того, чтобы обосновать свою ликвидаторскую установку в китайском вопросе, провозглашает в своей «Перманентной революции»:

Сословия помещиков в Китае почти нет, земледельцы связаны с капиталистами неизмеримо теснее, чем в царской России.

Тов. Варга, исходя из неверной теоретической концепции, приходит к тому же выводу:

В Китае не существует обособленного от буржуазии и ей противостоящего класса — сословия феодальных землевладельцев, как то имело место в Европе перед буржуазной революцией.⁴

Троцкий, чтобы переташить на китайскую почву свою пресловутую перманентку, утверждает, что крепостнические отношения «химически слились с буржуазной эксплуатацией». Троцкий при этом одобряет позицию т. Радека весной 1928 г., тогда писавшего, что в Китае союз рабочего класса с крестьянством будет «бить не по двум классам, а по одному классу — буржуазии». Тов. Варга утверждает то же самое.

¹ Дж. Пеппер, Европейско-американский империализм и китайская контрреволюция («Правда», 1 мая 1927 г.).

² Л. Мадьяр, Экономика сельского хозяйства в Китае. НИИ по Китаю. М. 1928.

³ Л. Мадьяр, Очерки по экономике Китая, 1930, стр. 281.

⁴ Там же, стр. 281.

Ростовщики, торговцы, откупщики — эти характерные фигуры докапиталистической буржуазии — скупают землю и сливаются с помещичьим землевладением.

И далее:

Правящий класс Китая необычайно беден капиталами в форме средств производства. У всех слоев китайской буржуазии состояние — это не средство производства, а земля.

В другом месте он говорит:

То, что буржуазия и помещики образуют в Китае единый более или менее однородный правящий класс, заставляет сперва предположить возможность прусского пути развития и т. д.¹

Таким образом т. Варга (совсем по рецепту Троцкого) слил буржуазию с классом помещиков-феодалов и поэтому вместе с Троцким приходит к выводу, что содержание нынешнего этапа революции в Китае уже переросло за рамки буржуазно-демократического переворота. Тов. Варга пишет, что сейчас

широкие массы китайских рабочих и крестьян могут быть втянуты в национальное движение лишь под такими лозунгами, которые далеко выходят за рамки буржуазной революции.²

Мы имеем здесь следовательно очень характерный факт, как в понимании товарища, марксиста, совмещаются с одной стороны общеполитическая концепция особого «азиатского» способа производства и политически совершенно неверная установка в анализе классовой структуры современного Китая.

Возьмем теперь позицию т. Мадьяра. Тов. Мадьяр в 1930 г. отказался от своего прежнего ошибочного определения характера современного общественного строя Китая как строя, переходного от «азиатского» общества к капитализму. На 69-й стр. своего предисловия к книге тт. Кокина и Папаяна т. Мадьяр, «в порядке самокритики», признает эту свою ошибку и заявляет, что сейчас в Китае мы имеем пережитки именно феодальных отношений, что в китайской деревне сейчас господствует помещичье землевладение и т. д. Однако уже на следующей странице он снова допускает серьезную ошибку в оценке классовой природы оригинальных фигур китайских эксплуататоров — милитаристов и джентри. Тов. Мадьяр пишет:

Было бы неверно и не соответствовало бы действительному положению вещей, если бы мы искали в общественном строе этих стран вообще, и аграрного строя в частности, только остатки и пережитки феодального способа эксплуатации и мобилизовали бы рабочие и крестьянские массы только против них. На довольно больших территориях Китая помещичья собственность играет сравнительно подчиненную роль (Хэбэй, Шаньси, некоторые части Шаньдун, Гуанси, Шэньси и даже Хэнани). На этих территориях прибавочный продукт выжимается из крестьянства в виде ренты-налога. И даже на всех территориях Китая, где преобладает помещичья собственность, эксплуатация крестьянства путем высасывания ренты-налога играет большую роль. Не случайно, что удары крестьянского движения в Китае направлены против арендной платы, налога и ростовщического процента. Не случайно, что крестьянское движение в Китае выдвинуло лозунг: «Долой помещиков и джентри». А объяснить джентри, как социальную категорию, никак нельзя без правильного понимания Марковского учения о восточном обществе.³

¹ Там же, стр. 287.

² Там же, стр. 293.

³ Кокин и Папаян, Цзин Тянь. Предисловие, стр. 70.

Трактовка китайского милитаризма и джентри как явлений не феодального порядка несомненно представляет собой отход от известных партийных оценок. Я позволю себе напомнить вам, как т. Сталин характеризовал сущность китайского милитаризма.

Ошибка т. Радека состоит в том, — говорил т. Сталин, — что он не понял этого своеобразия, этого сочетания господства феодальных пережитков с существованием купеческого капитала китайской деревни при сохранении феодально-средневековых методов эксплуатации и угнетения крестьянства. Милитаризм, дзюджюны, губернаторы всякие и вся нынешняя черствая, грабительская военная и не военная бюрократия являются надстройкой над этим своеобразием.¹

Так вот, тт., мы имеем совершенно недвусмысленный и очевидный факт, — что отдельные сторонники теории «азиатского» способа производства, как только пытаются применить ее к действительности, невольно соскальзывают с политически правильных оценок характера классовых отношений.

Встает вопрос, случайно ли такого рода положение? Я думаю, товарищи, что это не случайно.

Связь между ошибочными оценками аграрных отношений на современном Востоке и теорией «азиатского» способа производства совершенно ясна. Она видна даже невооруженному глазу.

Почему политически ошибочные выводы с неизбежностью вытекают из этой «теории»?

Потому, что теория «азиатского» способа производства отрицает историческое существование феодализма в колониальных странах Востока. Потому, что из этой теоретической концепции следует, что господствующими пережитками докапиталистических отношений в нынешнем социально-экономическом строе отсталых стран Востока не являются пережитки феодальных производственных отношений.

Вопрос совершенно ясен. И тут никакими увертками отделаться нельзя, тут не могут помочь те пустые софизмы, которыми пытался защищать политическое лицо своей «теории» т. Кокин. Насчет того, что-де видные троцкисты выступали против теории «азиатского» способа производства, что-де он — Кокин — считает, что в настоящее время на Востоке преобладают феодальные отношения и что *поэтому*, дескать, теория «азиатского» способа производства ничего общего с троцкизмом не имеет.

Ясно, тт., что подобная аргументация никак не может опровергнуть выдвинутого т. Годесом и целиком мною поддерживаемого тезиса о том, что концепция особого «азиатского» способа производства может служить (и часто служит) почвой, питательной базой, для политически неверных, троцкистских построений.

Логика обязывает. Мы убедились в том, что факт «отодвигания» в историческое прошлое этого «азиатского» способа производства не предохранил тт. от соскальзывания с правильных позиций при оценке актуальных проблем Востока. Не помогла следовательно, тт., та спасительная «феодализация» «азиатского» общества, которая позволяет сторонникам «азиатского» способа производства спокойно оставаться при своей ложной концепции и вместе с тем заявлять, что сейчас на Востоке господствуют феодальные пережитки.

¹ Сталин, Об оппозиции, стр. 562.

Я привел эти факты не для того, чтобы политически опорочить сторонников особого «азиатского» способа производства, но для того, чтобы у каждого товарища, который впервые приступает к ознакомлению с сущностью этой теории, появилась определенная настороженность, чтобы у каждого революционера — марксиста, большевика, который пытается подойти к анализу этой теории с точки зрения методологической ее ценности, было определенное партийное предубеждение к ней. Те факты, о которых мы знаем, обязывают нас к определенному предвзятому партийному отношению, когда мы подходим к выяснению существа самой теории. Для каждого из нас ясно, что факт неправильных политических выводов, неизбежно вытекающих из ошибочной теории «азиатского» способа производства, приводит нас к убеждению, что эта теория — наверняка методологически, если можно так выразиться, больная, что должно быть методологические положения, лежащие в ее основе, неправильны, если она в своем практическом применении дает такого рода плоды.

Перехожу к существу самой теории.

Тов. Годес в своем докладе, мне кажется, правильно указал на те коренные ошибки, которые допускаются товарищами, конструирующими особый «азиатский» способ производства.

В чем Маркс, Энгельс и Ленин усматривали решающий принцип различия общественно-экономических формаций? В способе соединения рабочей силы и средств производства, который является обратной стороной того или иного способа распределения общественных средств производства. А так как классовые общества являются потому классовыми, что все или важнейшая часть средств производства монополизированы известной частью общества, так как в классовом обществе рабочая сила и средства производства разъединены, то это соединение рабочей силы и средств производства в процессе труда может происходить только через эксплуатацию. Вот почему Маркс неоднократно указывал на то, что классовые общества следует различать по способу эксплуатации, по тому отношению, которое устанавливается между непосредственными производителями и собственниками средств производства.

Конструируя особую «восточную» общественно-экономическую формацию, сторонники теории «азиатского» способа производства исходят не из марксистского определения сущности общественных формаций, а строят свою «формацию» путем чисто внешних определений. Механика здесь очень простая: берутся отдельные высказывания Маркса и Энгельса о Востоке, относящиеся к различным сторонам жизни Востока, к этому присоединяется марксово выражение «азиатский способ производства» — и новая формация готова. Как сторонники этой теории определяют общественные формации и в частности «азиатский» способ производства, было продемонстрировано здесь достаточно наглядно в выступлении т. Кокина.

Вот например т. Кокин приводит известное место из «переписки», где Энгельс справедливо указывал на огромную роль искусственного орошения в некоторых странах Востока.

Прочитав фразу, где говорится о том, что на Востоке «первым условием земледелия является искусственное орошение», т. Кокин уже от себя добавляет: «итак мы видим, что Энгельс в искус-

ственном орошении видел решающий признак азиатского способа производства».

Но позвольте, где тут Энгельс говорит об «азиатском» способе производства? Не годится, никуда не годится такая интерпретация Энгельса. Таким же методом широко пользуется и т. Мадьяр. В предисловии к книге Кокина и Папаяна собраны пожалуй все цитаты из сочинения Маркса и Энгельса, в которых встречается слово «Азия». И вот тот факт, что Маркс в некоторых местах своих сочинений говорит об Азии, этот факт выдвигается т. Мадьяром как решающий аргумент в пользу того, что Маркс признавал наличие особой «азиатской» общественно-экономической формации.

А если мы посмотрим эти два десятка цитат, которые приводятся т. Мадьяром для доказательства тезиса,¹ то мы легко убедимся, что они ничего не доказывают, кроме особого пристрастия автора к собиранию цитат, в которых упоминается слово «Азия». Ну, что например «доказывает» следующая цитата:

В колоссальном масштабе значение простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатскими народами, египтянами, этрусками и т. д.?

Или:

При азиатских формах ростовщичество может существовать долго...

Или:

В Азию оно (представление о свободной частной земельной собственности) лишь в некотором месте импортировано европейцами.

Я не буду задерживать внимания товарищей на всех цитатах, которые имеются в книге Мадьяра, — вы там не найдете убедительных доказательств того, что Маркс действительно говорил в этих случаях о каких-либо особых «азиатских» производственных отношениях, о каком-то особом сочетании классов, об особом «азиатском» способе эксплуатации, об особом «азиатском» способе сочетания рабочей силы и средств производства.

Что получается у сторонников теории особого «азиатского» способа производства, как только они отрываются от цитат и пытаются самостоятельно проанализировать сущность «азиатского» способа производства, хорошо выясняется хотя бы из определения «этого способа производства», которое было дано т. Мадьяром в его тезисах доклада на Восточной секции Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в конце 1929 г. Здесь в сжатом виде дана суть учения об особой восточной общественно-политической формации. Тов. Мадьяр пишет:

Если сопоставить высказывания Маркса и Энгельса, то характерной чертой этого способа производства (речь идет об «азиатском способе производства». Е. И.) является следующее: а) он возникает и развивается там, где искусственное орошение является первой предпосылкой землевладения; б) возникновение классового общества связано с необходимостью организации искусственного орошения... Отсутствие частной собственности на землю является важнейшей характерной чертой азиатского способа производства.

Вот, товарищи, таковы те основные, определяющие признаки, которые конституируют этот особый способ производства, качественно отличный от феодализма и рабовладельческого общества.

¹ Предисловие к книге Кокина и Папаяна, стр. XXX — XL.

Здесь помимо совершенно неверной теории классовообразования прежде всего бросается в глаза недопустимое, я бы сказал, пресмыкание перед географическим фактором, что низводит эту теорию на уровень вульгарной буржуазной теории.

В этой области в особенности грешен т. Витфогель. В предисловии к своей новой книге наш немецкий товарищ излагает вкратце свои взгляды на «азиатский» способ производства. Тов. Витфогель заявляет, что для того чтобы обосновать «азиатский» способ производства, надо прежде всего исследовать самую суть, самый характер производительных сил и способа производства. А как он понимает сущность производства? На протяжении свыше 750 стр. мы имеем детальнейший, тщательный анализ климата, химического состава почвы, темперамента населения и т. д. Но, товарищи, во всем объемеистом томе вы не найдете ни слова о классах, ибо, видите ли, это только первый том, а за ним должен последовать второй, в котором автор обещает проанализировать классовые отношения китайского общества.

Таким образом марксист считает возможным на протяжении 768 страниц анализировать «производительные силы» и «способ производства» в Китае, исключая из анализа самую суть всякого способа производства — производственные отношения и классовую структуру. Производительные силы сведены к технической категории, к естественному и техническому фактору. Здесь очень характерно утверждение т. Витфогеля о «естественно-обусловленных» производительных силах, «предписывающих» общественно-обусловленным производительным силам их путь развития. И далее — указание на то, что природные условия «всегда остаются действующими, т. е. определяющими для способа дальнейшего развития общества».¹ И дальше идет ссылка на известное место у Плеханова («Основные вопросы марксизма»), где Плеханов неправильно в качестве определяющего фактора развития производительных сил выдвигает географическую среду. Интересно отметить, что явно механистическая установка Г. В. Плеханова пользуется, и совсем не случайно, особым уважением и т. Мадьяра и тт. Кокина и Папаяна.²

Я думаю, товарищи, что здесь нет надобности останавливаться на вопросе о том, почему неправомерно географическую среду выдвигать в качестве определяющего фактора общественного развития, фактора, обуславливающего классовую структуру общества, его политическую надстройку и т. п.

Несколько слов относительно вопроса об отсутствии частной собственности на землю на Востоке. Это ведь — центральный пункт в аргументации сторонников теории особого «азиатского» способа производства.

«Отсутствие частной собственности на землю является важнейшей характерной чертой азиатского способа производства» — говорят т. Мадьяр и вместе с ним вся его «школа». Маркс указывал на факт государственной собственности на землю в восточных деспотиях. Но Маркс неоднократно подчеркивал «безразличие» формы рента-налог по отношению к содержанию феодально-крепостнического способа эксплуатации. Это наглядно показано в третьем томе «Капитала». Цитатами я заниматься не буду.

² См. напр. Л. М а д я р, Предисловие к книге Кокина и Папаяна, стр. VII.

В III томе «Капитала» при анализе сущности феодальной ренты Маркс несколько раз особо выделяет случай, когда земельная собственность концентрирована в национальном масштабе. Но при этом Маркс совершенно отчетливо дает понять, что речь идет именно об особой форме, об особом виде именно *феодальной* земельной собственности,¹ что рента-налог является всего лишь *превращенной* фомой феодально-земельной ренты.

И без того, без этих прямых ссылок на определенные высказывания Маркса, всякому грамотному марксисту должно быть ясно, что та или иная форма землевладения не может служить определяющим основанием способа производства. Структура общества, его классовая природа разумеется не определяется тем, концентрирована ли собственность на средства производства (в данном случае — земля) в национальном масштабе, или мы имеем дело с децентрализованной, распыленной формой собственности.

Ясно, что на фазе государственной собственности особого «азиатского» способа производства построить нельзя, не порывая с марксистско-ленинским учением об обществе.

И разве поэтому удивительно, что в построенной таким образом новой общественно-экономической формации, в этой восточной формации невозможно найти, определить по-марксистски соответствующие этой формации классы? В качестве господствующего класса выдвигают жречество и бюрократию, причем господствующим классом эти общественные группы согласно т. Мадыару и др. являются не в силу своего отношения к средствам производства, а в силу отправления ими функций «организаторов» орошения, строительных работ и пр.

Основное классовое деление восточного общества, — пишет т. Мадыар в предисловии к книге Кокина и Папаяна — происходит между основными крестьянскими массами, объединенными в общинах, и между выделившимися из общин бывшими слугами общины, конституировавшими себя как господствующий класс (жрецы в Египте, литераты в древнем Китае и т. д.).²

При этом как в данной работе, так и в других, автор неизменно подчеркивает организаторские функции этого класса и нигде не определяет его по отношению к важнейшему условию труда — к земле. И это понятно, ибо, определив господствующий класс «азиатского» общества с точки зрения его отношения к земельной собственности для сторонников особо о «азиатского» способа производства оказалось бы невозможным проведение какого-либо *принципиального* различия между господствующим классом этого общества и господствующим классом феодальной формации.

В результате получилось, что для мнимой общественно-экономической формации найден столь же мнимый общественный «класс» — литераты и т. д.

Таким образом в решающем вопросе о классовом образовании крупнейшая концепция построена не на марксовом учении о классах, а на богдановской методологии.

Ленинградские товарищи пытаются внести некоторые поправки, поняв, наконец, что ахиллесовой пятой всей конструкции является вопрос о классах — основной, решающий для марксистов вопрос. И поэтому

¹ Ср. Капитал, т. III, ч. 2, изд. 1928 г., стр. 267 — 270, 271.

² Кокин и Папаян, Цзин-тянь, стр. 59.

здесь начинается отступление. Хотя выступление т. Кокина можно признать началом капитуляции во всем объеме, однако, считаю, что его новая «теория» классового образования нас не удовлетворяет прежде всего потому, что анализ классов восточного общества дан достаточно путанный — в значительной степени сохранились богдановские идеи, например в формулировке, что «корень власти это забота о воспроизводстве» и т. п. Если, товарищи, вы становитесь на более или менее правильный путь, тогда уже разоружайтесь полностью, очиститесь до конца от остатков богдановской методологии. Если вы признаете, что господствующий класс «восточного» общества является таковым в силу монополии собственности на землю (орошаемую или неорошаемую — это безразлично), если вы далее признаете, что этому классу противоречит эксплуатируемая масса непосредственных производителей, владеющих своими средствами производства — то объясните, чем принципиально отличается этот класс от господствующего класса феодального общества. Я бы очень хотел, чтобы товарищи по этому вопросу дали совершенно четкий ответ.

Корень ошибок здесь в том, что и т. Кокин и т. Папаян так же, как тт. Мадыар и Варга, совершенно неправильно, ненаучно представляют себе сущность феодализма. Для них феодализм по видимому есть нечто средневеково-европейское — некий строй, обязательными признаками которого является распыленная форма земельной собственности господствующего класса феодалов, обязательно владеющих отдельными поместьями, усадьбами, обязательно с иерархией, междоусобными войнами и т. д. и т. д. Но это есть лишь внешнее определение европейской формы феодализма, представление о нем формальной буржуазной школы ученых, изучавших европейский феодализм, представление, которое по видимому довлеет целиком над этими товарищами.

Феодализм надо понимать как способ производства, который образуется из определенного отношения между непосредственным производителем и собственником средств производства. Это — формация, которая основывается на таком распределении средств производства, где, с одной стороны, имеется верхушка монополистов-собственников важнейшего условия труда (земли или скота у кочевников) и им противостоят с другой стороны — непосредственные производители, которые владеют собственными средствами производства или частью их и которые ведут самостоятельно свое хозяйство. Такой специфический способ соединения рабочей силы и средств производства, при котором с одной стороны непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства, необходимых для производства средств его собственного существования, а с другой — существует класс номинальных верховных собственников важнейшего условия труда — земли, класс, реализующий свое право собственности выжимкой прибавочного труда путем вне-экономического принуждения — и составляет *сущность* феодально-крепостнического способа производства.

Та или иная форма организации класса собственников разумеется ничего не меняет в сущности данных производственных отношений.

Несколько слов к общей характеристике методологических ошибок, допущенных товарищами. Мы здесь имеем дело с двоякого рода ошибками. Одни — это ошибки механистического порядка. Сюда относится механистически-упрощенное представление об определяющем воздей-

ствии на развитие общественных отношений географической среды. К этим ошибкам относится также неверное определение классов, о котором речь шла выше.

Другая, формалистическая сторона ошибок сказывается в том, что т.т. определенную форму ренты, а именно ренты-налог возводят в качестве некоего особого содержания. Отрицая наличие феодализма в странах Востока, т.т. фактически обосновывают это отсутствием на Востоке специфически европейских *форм* в области политической и правовой надстройки. Встречаясь с не-европейскими формами, напр. с государственной собственностью на землю, с формой эксплуатации через податную систему и т. п., т.т. не в силах объяснить эти новые формы иначе как назвав их новой сущностью.

Раз восточные формы не похожи на хорошо знакомые европейские формы феодализма — значит это не феодализм: т.т. никак не хотят признать мысль Маркса о том, что один и тот же экономический базис — в данном случае феодальный способ производства (как подчеркивал Маркс, «один и тот же со стороны главных условий») — может обнаруживать в своем проявлении «бесконечные вариации и градации»¹.

Возьмем хотя бы такое оригинальное явление как джентри в Китае. Вместо того, чтобы вскрыть классовую сущность этой яркой фигуры китайской феодальной эксплуатации, т.т. затемняют понимание классовой природы этого типа эксплуататоров ссылками на «азиатский» способ производства. Джентри это — не агент феодальной эксплуатации, а это-де «азиатский» эксплуататор. До смешного доходит напр. т. Витфогель, который в своей работе везде говорит об «азиатском» Китае, как будто бы существует еще какой-либо другой, напр. австралийский Китай.

Я думаю, что все согласны с тем, что для нас не может быть приемлемой теория особого «азиатского» способа производства, поскольку она строит этот способ производства механистически — на внешних, вторичных и формальных признаках. А иначе этот «способ производства» и не может быть построен по той простой причине, что он исторически не существовал.

Теория «азиатского» способа производства противоречит не только основам марксистско-ленинского учения об обществе, но она вполне естественно противоречит ряду совершенно определенных и недвусмысленных высказываний основоположников марксизма о классовом характере древне-средневекового восточного общества.

Из замечаний Маркса в III т. «Капитала», в главе о ренте, с очевидностью следует, что в восточной деспотии Маркс видел особую государственную форму феодально-крепостнического общественного строя.

Далее в 1887 г. Энгельс в предисловии к американскому изданию книги «Положение рабочего класса в Англии» писал:

В азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было *рабство*, т. е. не столько экспроприация земель у масс, сколько апроприация их личностей.²

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 267.

² Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии. М. 1928, с. 48. (Курсив мой. — Е. И.)

В «Анти-Дюринге» в известном месте, где речь идет о роли государства в классовом обществе, Энгельс, обозревая весь ход человеческой истории, писал:

Классовый антагонизм, лежащий в основании до сих пор существовавших обществ, вызывал необходимость государства, т. е. организации данного класса эксплуататоров, для охранения общих условий производства, следовательно и для насильственного удержания эксплуатируемого класса на той ступени подчинения, которая требовалась данным способом производства (в рабстве, крепостном состоянии или в положении наемных рабочих).¹

Итак, в истории до сих пор существовавших человеческих обществ Энгельс не видел «восточного» общества или «азиатского» способа производства.

И наконец, товарищи, известны совершенно ясные и четкие позиции Ленина в этом вопросе. Тов. Кокин имел здесь смелость заявить, что у Ленина неясность в этом вопросе — утверждение легкомысленное, свидетельствующее о незнакомстве с работами Ленина. Тов. Годес уже привел наиболее яркие места из Лекции о государстве, из коих явствует, что Ленин, как и Энгельс, не видел в истории до сих пор существовавших обществ особого до-капиталистического способа производства, который бы отличался от рабовладельческого или феодального.

Присоедините к этому ленинскую характеристику восточного общества, которая им дана в известной статье о Толстом. Там Ленин писал, что точка зрения Толстого

«есть лишь идеологическое отражение старого... строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов... «Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном, историческом содержании».²

Здесь мы имеем совершенно ясное отождествление восточного «азиатского» строя со строем феодально-крепостным.

Далее, в статье, написанной в 1913 г., «К вопросу об аграрной политике современного правительства», Ленин, характеризуя современное русское крепостное хозяйство, писал:

Большей же частью хозяйство ведется *крепостническое*, т. е. помещики кабалют крестьян, как это было и сто и триста и пятьсот лет тому назад, заставляя их *крестьянской* лошадей, *крестьянскими орудиями* обрабатывать помещичью землю. Это не капитализм. Это не европейский способ хозяйства... Нет, это совсем не по европейски. Это по *старо-китайски*. Это по-*турецки*. Это по *крепостнически*.³

Наконец на II конгрессе Коминтерна Ленин, в докладе Комиссии по национальным и колониальным вопросам говорил также весьма определенно об угнетенных массах отсталых стран, эксплуатируемых «не только купеческим капиталом, но и феодалами и *государством на феодальной основе*»⁴.

Может ли после всех этих ленинских высказываний у кого-либо остаться хотя бы тень сомнения в вопросе о том, как Ленин понимал классовую сущность восточного общества, восточного государства?

И можно ли усомниться в правомерности нашей критики тех товарищей (т. Мадьяра и др.), которые отрицают феодально-крепостническую природу восточного общества?

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, М. 1928, стр. 265.

² Ленин, Соч., изд. 2, т. XV, стр. 101.

³ Ленин, Соч., изд. 2, т. XVI, стр. 459. (Курсив Ленина. — Е. И.)

⁴ Ленин, Соч., изд. 2, т. XXV, стр. 353. (Курсив мой. — Е. И.)

Итак, мне кажется, что мы можем с достаточным основанием констатировать: 1) что концепция особого «азиатского» способа производства не приемлема для нас политически, 2) что она теоретически несостоятельна, поскольку противоречит основам марксистско-ленинского учения о классах и государстве, 3) что она противоречит ряду весьма ясных и решающих высказываний Маркса, Энгельса и Ленина.

Остается вопрос о трактовке некоторых отдельных высказываний Маркса, которые могут давать (и давали) известную пищу к построению этой «оригинальной» концепции. Прежде чем перейти к этому вопросу, я хотел бы подчеркнуть, что по моему мнению 80% нашей задачи уже сделано тем, что показана политическая и методологическая несостоятельность теории особого «азиатского» способа производства. С точки зрения актуально-политического интереса это главное. Вопрос о толковании некоторых отдельных высказываний Маркса не имеет такого решающего значения, он в нашей дискуссии должен занимать подчиненное место. Недопустимой тратой времени и энергии было бы сейчас, в условиях напряженнейшей борьбы за социализм, в условиях 3-го года пятилетки спорить о том, прав ли был Маркс, скажем, когда он 80 лет тому назад отрицал или признавал наличие частной собственности к югу от Кришны, или нет.

Концентрировать содержание дискуссии вокруг вопроса о том, ошибался ли Маркс, написав в 1859 г. об «азиатском способе производства» или нет, мне лично кажется нецелесообразным, поскольку совершенно выясненной можно считать точку зрения Маркса, Энгельса и Ленина на классовую природу восточных обществ, поскольку выясненным можно считать немарксистский характер той концепции, которую здесь подвергаем критике.

На вопрос о смысле известных формулировок Маркса об «азиатском способе производства» и «восточном обществе» могут быть даны различные ответы, могут быть различные мнения.

Здесь надо прежде всего исключить из рассмотрения все те высказывания, в которых Маркс так или иначе касается Азии, но где речь идет об азиатских формах, особенностях тех или иных категорий, но отнюдь не об особом «азиатском» способе производства.

Тогда остаются те три известные формулировки, которые действительно могли дать некоторое основание товарищам, любящим оригинальные теории, строить концепцию особого «азиатского» способа производства.

Речь идет об известном месте в предисловии «К критике», далее о том месте введения к «Критике», где говорится о самокритике буржуазного общества и где упоминается также о «восточном обществе», как первой ступени всемирно-исторического процесса, и наконец о фразе в первом томе «Капитала» в главе о товарном фетишизме, где говорится о «древне-азиатском, античных и т. п. способах производства».

Что касается формулировки Маркса в предисловии, то здесь необходимо сделать одно уточнение чисто литературного порядка. Надо сказать, что в существующих переводах на русский язык все это место в предисловии переведено неправильно¹. Если мы сравним немецкий

¹ Неправильный перевод дан также в издании Ин-та Маркса и Энгельса 1930 г. (перевод И. Рубина, под ред. Д. Рязанова).

или французский текст с русским переводом, мы легко обнаруживаем неточность перевода. Это место мы должны читать следующим образом:

В общих чертах азиатские, античные, феодальные и современно буржуазные способы производства могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи экономической формации общества.

В первом томе «Капитала», где говорится о «древне-азиатских, античных и т. п. способах производства» перевод дан правильный, также в смысле множественности способов производства.

Таков точный текст. Из него по моему вытекает, что самый термин «способ производства» в этих формулировках употреблен Марксом не в его широком смысле, как определенной классовой структуры или совокупности общественных производительных отношений, а в том особом смысле, какой Маркс часто придавал этому термину в таких напр. выражениях как «ремесленный способ производства», «общинный способ производства», «мелко-крестьянский», «мануфактурный» и т. п. способы производства. В предисловии вероятнее всего речь идет именно о «способах производства» в этом понимании, причем я предполагаю, что, например, под феодальными способами производства Маркс имел в виду «мелко-крестьянский» и «ремесленный», под античным — «мелко-крестьянский» способ производства, основанный на рабском труде, под азиатскими — «общинный способ производства» и «мелко-крестьянский» и т. д.

Перечисленные в предисловии «прогрессивные эпохи экономической формации общества», а именно эпохи «древне» азиатских способов производства, азиатских способов производства и т. д. должно быть поняты как ступени всемирно-исторического прогресса. Эпоха «азиатских способов производства» (как и упоминание о «восточном обществе» в введении) была первой ступенью антагонистического общества, которое могло быть обществом, основанным на рабстве или на феодально-крепостническом способе эксплуатации. Такое понимание по моему не противоречит общему смыслу предисловия и вполне согласуется с ранее приведенными высказываниями Маркса, Энгельса и Ленина о классовом характере древне-азиатского, первого в истории человеческого антагонистического общества.

Я не согласен с т. Годесом, когда он утверждает, что Марксу и Энгельсу принадлежит мысль об особой «восточной» общественно-экономической формации. Как рассуждает т. Годес? Он считает, что Маркс ошибался, выдвинув тезис об особой «восточной» формации, при этом ошибался вследствие того, что вынужден был исходить из неверных данных современного буржуазного востоковедения. Но мы ведь более или менее знаем, из каких данных исходит Маркс и какие особенности восточного строя он отмечал на основании доступных ему источников. Это — государственная собственность на землю, распространенность общинного строя, деспотия, огромная роль искусственного орошения, известная застойность экономического развития. Спрашивается, мог ли Маркс на основании этих известных фактов, которые говорят лишь о внешних, вторичных явлениях, утверждать о существовании особой формации? Т. Годес отвечает здесь утвердительно. Но тогда нужно ведь признать, что дело не только в неверных фактах, что Маркс ошибся не только в частных замечаниях по Востоку, подсказанных ему фактиче-

ским материалом современного востоковедения, но что Маркс нарушил свою собственную методологию, построив в угоду восточной «исключительности» общественно-экономическую формацию, не задаваясь вопросом об особом способе соединения рабочей силы со средствами производства и т. д. Чтобы быть логичным, т. Годес должен был в таком случае обвинять т. Мадьяра и его «школу» не в ложном истолковании правильных марксовских взглядов, а напротив, в правильном повторении ложной марксовской идеи об особой «восточной» формации. Мне кажется, что вряд ли дело обстоит таким образом. Я думаю, что приписать Марксу авторство идеи специфической «восточной» формации было бы ошибкой. Ведь из высказываний Ленина, лучшего знатока Маркса и Энгельса, никак не следует, что у Маркса и Энгельса имелось представление о восточном обществе как о специфической, принципиально отличной от феодализма (или рабства) классовой структуры. Да из ряда ранее приведенных мною мыслей Маркса и Энгельса ведь совершенно очевидно вытекает, что у основоположников марксизма были весьма определенные представления о сущности восточного общества, представления, идущие в разрез с концепцией особой формации, которую т. Годес вслед за т. Мадьяром и др. пытается приписать Марксу. Эти же формулировки, в которых упоминаются «азиатские способы производства», как мне кажется, не дают основания для подобной установки.

Несколько слов по поводу аргументации с помощью программы Коминтерна. Когда все доводы сторонников особой «азиатской» формации опровергнуты по существу, обычно заявляют, что, мол, члены партии должны признавать программу Коминтерна, а там, дескать, азиатский способ производства «признан». Но стоит, товарищи, внимательно ознакомиться с соответствующим пунктом программы, чтобы убедиться, что и этот аргумент оказывается несостоятельным. В п. 8 четвертого раздела говорится о колониальных, о полуколониальных странах, с преобладанием феодально-средневековых отношений или отношений «азиатского способа производства» как в экономике страны, так и в ее политической надстройке. Обращает на себя внимание тот факт, что слова «азиатский способ производства» взяты в кавычки. Это свидетельствует о том, что термин употреблен в известном условном понимании. Ведь не возникла необходимость поставить в кавычки «феодально-средневековые» отношения. Ведь ясно, что если я например кого-либо из своих оппонентов назову марксистом и поставлю это слово в кавычки, то это будет означать, что я очень условно считаю его марксистом, что данный термин применяется с особой оговоркой.

Думаю, что та формулировка, которая имеется в программе Коминтерна, само противопоставление феодально-средневековых отношений отношениям «азиатским» — позволяют трактовать, что здесь имеются в виду отличительные особенности восточного феодализма в отличие от средне-векового европейского феодализма.

Несомненно существующие, имеющие большое актуально-политическое значение своеобразия восточного общественного строя здесь подчеркнуты в такой форме, которая нас отнюдь не обязывает признавать правомерность концепции особой «восточной» общественно-экономической формации.

Теперь, товарищи, позвольте в заключение остановиться на оценке

этой концепции в связи с общим положением, которое мы имеем на нашем востоковедном фронте. Здесь за последние два года в связи с обострением классовой борьбы в колониальных странах Востока с особенной силой чувствуются атаки буржуазного востоковедения, буржуазной идеологии на наши позиции. Ведется наступление против ленинского понимания основных проблем колониальных революций. В различных формах, различными методами и путями просачиваются в лагерь марксистов-востоковедов эти враждебные течения, что имеет своим результатом различные искажения марксистско-ленинского анализа движущих сил революций на Востоке. За последние два года в буржуазной востоковедческой литературе усиленно развивается учение о бесклассовом характере восточного общества. Буржуазное востоковедение дает целый ряд выступлений такого рода за последние годы. Например, в Дрездене, осенью 1930 г., проф. Гроссе делает доклад о характере китайского государства и развивает идею о том, что это государство относится к своим подданным так же как отец к своим детям и т. п.

Отто Иенсен, выдающийся теоретик II Интернационала по колониальному вопросу, выступает в сентябре 1930 г. по вопросу о характере восточных революций и дает следующее определение исторического процесса на Востоке: «То, что происходит в Азии, это — пробуждение наций, лишенных истории и господствующих классов».

Самую главную особенность Восточной истории Иенсен видит в том, что там «мы вместо революций имеем перенаселения народов» и т. д.

Подобного рода характеристики восточного общества как общества бесклассового или государства восточного как государства надклассового мы за последнее время часто встречаем в различных работах национально-реформистских ученых и публицистов стран Востока. Так напр. гоминдановец Тао-Ми-Шэнь усиленно доказывает, что в китайской истории государство одинаково угнетало и крестьян и помещиков. Сюда можно отнести и выступление на Харьковском востоковедческом съезде 1929 г. турецкого делегата, который пытался доказать, что «ленинизм для Турции неприемлем, потому что в Турции нет классов» и т. д.

Можно бы подобрать огромное количество примеров, которые подтвердили бы тот факт, что в немарксистском лагере сейчас с особенной силой подогревается старая теория о бесклассовом обществе на Востоке. И вот, товарищи, сопоставьте с этим то обстоятельство, что за последние два года у нас в Советском Союзе и в Европе в среде марксистов-востоковедов с особым оживлением выдвигается теория особого «азиатского» способа производства, уклон которой в сторону смазывания классового характера восточного общества, я думаю, достаточно выяснен на этой дискуссии. Ведь как раз на 1928-1930 гг. приходится вся серия выступлений тт. Мадьяра, Кокина, Папаяна, Рейснера, Витфогеля, Варги, Берина и др.¹

¹ Особенно откровенна и последовательна позиция т. Берина, который, исходя из теории «азиатского» способа производства, прямо пришел к буржуазной концепции надклассового характера восточного государства. Имея в виду Персию, т. Берин писал: «Классовая борьба между баями и кулаками с одной стороны, ранджбарами и бедняками с другой, хотя постоянна и упорна, но вследствие деспотического господства государства над всеми ними она (классовая борьба) мало эффективна для экономического и технического прогресса страны в целом» (см. тезисы докл. т. Берина в Азерб. гос. НИИ от 5 апреля 1930 г.).

Я считаю, что не случайно, сейчас, в условиях чрезвычайно обостренной классовой борьбы на Востоке, когда национально-освободительная борьба в решающих колониальных странах вступила на высшую ступень, когда классовые противоречия обнажены, как никогда — не случайно, что сейчас в наших рядах по вопросу о классовой структуре восточного общества нет четкости, есть отход от марксистско-ленинских позиций. Я не хочу упрекать всех перечисленных товарищей в повторении буржуазных теорий, но для меня ясно, что их ошибочные установки объективно отражают чуждые влияния.

Наконец, товарищи, еще один момент, который необходимо учесть. Это именно тот отклик, который концепция особого «азиатского» способа производства может встретить в колониальных странах. Сейчас можно отметить небывалую тягу к марксизму со стороны широких трудящихся масс, в первую очередь пролетариата Китая, Индии и др. стран. Особенно ярко это сказывается в Китае, где например в течение последних лет буржуазные издательства легально в двух изданиях выпустили «Капитал» Маркса, где легально изданы «Анти-Дюринг» Энгельса, «18-е брюмера» и другие исторические работы Маркса, ряд работ Плеханова («Основные вопросы марксизма», «К развитию монистического взгляда на историю» и др.), ряд произведений Ленина («Эмпирио-критицизм», статьи по аграрному вопросу). Есть определенный спрос на эту литературу, есть тяга масс к коммунистической теории. Можно считать бесспорным, что теперь всякие попытки идеологически «обработать» массы гоминдановские теоретики вынуждены осуществлять не иначе, как рядясь в марксистские одежды. Об этом свидетельствуют характернейшие тексты, когда в официальных гоминдановских журналах ряд статей построены целиком на ссылках и цитатах из работ Маркса, Энгельса и Ленина. На Маркса пытаются опереться как на «авторитет» в контр-революционных писаниях.

Совершенно очевидно, что в таких условиях всякие ошибочные марксистские работы могут быть широко использованы нашими врагами. Когда из СССР — этого общепризнанного очага революционной марксистской теории — «экспортируются» неверные установки, да еще иногда под высоко-авторитетной маркой Комкадемии, то совершенно ясно, что это может иметь вреднейшие последствия для нас. Когда например китайским товарищам преподносят теории о том, что джентри не есть явление, пережиток феодального порядка, что в Китае существовали какие-то особые «азиатские» отношения и т. п., то это, конечно, может дезориентировать, вносить путаницу в идеологию пролетарского авангарда.

Вот почему мы с такой резкостью критикуем теорию особого «азиатского» способа производства, — вот почему мы считаем особо актуальным делом борьбу с ней, как с уклоном от марксистско-ленинской методологии, чреватым ошибочными политическими установками.

С. Ковалев

Товарищи, сначала два слова по личному поводу. Около трех лет тому назад была дискуссия об азиатском способе производства в Ленинградском отделении Комкадемии, тогда Институте марксизма. С т. Годесом мы дрались в одних рядах — мы оба тогда боролись против

концепции азиатского способа производства. Мои слушатели по институту знают, что еще год тому назад я выступал на лекциях против концепции азиатского способа производства. Но за последнее время я занимался изучением Маркса и Энгельса в связи с проблемой античного способа производства, и в результате этих занятий я, так сказать по смежности, пришел к признанию азиатского способа производства. Эту точку зрения я и буду сейчас защищать.

В нашей дискуссии уже намечаются три основные проблемы, которые несомненно в дальнейшем станут ее стержнем. Эти проблемы следующие: во-первых — определение феодализма и в связи с этим вопрос о форме докапиталистической ренты; во-вторых, место учения об азиатском способе производства в системе революционного марксизма, и-третьих, проблема классов при азиатском способе производства и в связи с этим проблема его крушения.

Начну с основной проблемы. Тсв. Годес совершенно прав, когда говорит, что цитирование Маркса не есть марксизм, но все же я вынужден буду привести несколько цитат, — обещаю, что их будет не много, и постараюсь приводить такие цитаты, которые сравнительно мало известны.

Первая цитата из «Немецкой идеологии». Здесь мы имеем определение, которое дает Маркс феодальной собственности с точки зрения различия между античной собственностью и феодальной. Это определение я сейчас прочту, потому что, мне кажется, в том определении феодализма, которое дал т. Годес, недостаточно подчеркнут один момент, тогда как он является решающим для того, чтобы провести основную методологическую разницу между азиатским и феодальными способами производства.

Иерархическое расчленение земельной собственности и связанная с этим система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, являлась ассоциацией, направленной против порабощенного производящего класса, но форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям были иными в зависимости от условий производства.¹

В отличие от этого античная собственность до определенного момента является коллективной, общинной и государственной собственностью. Она возникает

благодаря объединению, путем договора или завоевания, нескольких родов и один город... Наряду с общинной собственностью развивается уже и движимая, а впоследствии уже и недвижимая частная собственность, но как исключительная, индивидуальная общинной собственности, форма. Граждане государства обладают властью над своими рабами лишь коллективно и уж по одному этому связаны с формой общинной собственности. Это — коллективная частная собственность активных граждан, вынужденных по отношению к рабам держаться этой натуральной формы ассоциации.²

Таким образом специфической чертой феодальной собственности Маркс и Энгельс считали ее расчлененность и вытекающую отсюда иерархию собственности. Феодальная собственность есть, прежде всего, индивидуальная собственность, расчлененная между отдельными феодалами и отдельными крестьянами. Вместе с тем феодальная собствен-

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, I, стр. 255.

² Там же, стр. 254 — 255.

ность является сословной или корпоративной собственностью: средства производства расчленены между сословиями, внутри сословий, между отдельными группами и т. д.

Могут сослаться на то, что «Немецкая идеология» — раннее произведение Маркса и Энгельса. Но совершенно несомненно, что в нем мы имеем налицо уже все основы исторического материализма. Вот что, напр., пишет об этом Рязанов:

Мы теперь знаем, что материалистическое понимание истории, как оно было изложено в «Нищете философии» и «Коммунистическом манифесте», формулировано Марксом и Энгельсом не позже осени 1845 г.¹

К тому же понятие античной и феодальной собственности мы находим не только в «Немецкой идеологии», но и позднее напр. в «Коммунистическом манифесте» и второй части III тома «Капитала». Теперь мы перейдем к другой цитате. Я прочту вам отрывок из книги Макса Вебера. Это — крупный буржуазный социолог, на которого марксизм, правда, оказал некоторое влияние, но который в основе своей все время оставался идеалистом. Я прошу отнестись к этой цитате с величайшим вниманием.

В «Аграрной истории древнего мира» мы читаем:

Культурным народам азиатского Востока, так и древней Америки, были известны учреждения, которые мы, имея в виду их функцию, без всякого колебания признаем «феодальными», и непонятно, почему бы не подвести под это понятие и все те социальные учреждения, в основе которых лежит выделение из общей массы живущего для войны и службы царю господствующего слоя и содержание его при помощи привилегированного землевладения, рент и барщин зависимого безоружного населения, будут ли то чиновничьи лены в Египте и Вавилоне или спартанское государственное устройство. Различие заключается лишь в том (слушайте, товарищи!), каким образом расчленен военный класс и экономически обеспечен. Среди различных возможностей расселение господствующего класса по всей стране в качестве вотчинных землевладельцев есть та «индивидуалистическая» форма феодализма, которую мы встречаем на Западе в средние века (а в зачатках уже и на исходе древнего мира) и которая поддается точному анализу. Напротив, среднеземноморская и, в частности, эллинская древность знала в начале своего развития «городской феодализм» поселенных совместно в укрепленных местах профессиональных воинов.²

Вот, товарищи, то самое «научное» определение феодализма, о котором говорил т. Иолк, определение, указывающее, что существенным для феодализма является такой момент, когда мы имеем привилегированных землевладельцев, эксплуатирующих зависимых от них производителей. Это веберовское определение, которое основано на том, что группа привилегированных землевладельцев эксплуатирует сидящих на земле производителей. Расчленение здесь не играет никакой существенной роли. Различные формы расчленения дают только различные типы феодализма. Если мы имеем индивидуальное владение земель, то получим «европейский» индивидуалистический феодализм. Если расчленение принимает групповую форму, мы имеем «античный» или «восточный» феодализм. Вот последнее слово, товарищи, буржуазной науки, под которым неизбежно должны подписаться все противники азиатского способа производства. Для марксиста веберовское определение совершенно недостаточно. Маркс и Энгельс подчеркивают,

¹ Д. Рязанов, Предисловие к «Маркс и Энгельс о Л. Фейербахе». «Архив» I, стр. 195.

² М. Вебер. Аграрная история древнего мира, стр. 3.

другое: для них в феодализме характерно именно расчленение. Есть расчленение собственности (при всех остальных условиях: натуральное хоз-во и т. д.) — есть феодализм. Нет расчленения собственности — значит нет и феодализма. Поэтому, напр., ранне-греческая эвпатридская община, коллективно эксплуатировавшая крестьян, не была общиной феодальной, так же как не была феодальной и привилегированная группа воинов, жрецов и чиновников в древнем Египте, которая в качестве представителей государства получала ренту — налог. Вебер — представитель буржуазной науки, модернизатор, он — социолог, который стремится стереть все различия, чтобы дать идеальную концепцию. Веберовская концепция приходит к тому, что идеальный социологический тип феодализма был всюду: он был в Греции, в Европе, в Индии, Китае, Вавилоне и т. д. Это не марксово понимание, для которого существенным является историческая конкретизация каждого явления, и напрасно т. Иолк заявляет, что от старого понимания феодализма нужно придти к «научному» пониманию.

Таким образом, товарищи, характер расчленения собственности является чрезвычайно существенным для установления разницы между азиатским и феодальным способами производства. В связи с этим стоит и вопрос о типах ренты. Для всех докапиталистических формаций рента (в ее трех формах — отработочной, натуральной и денежной) является основным видом присвоения прибавочного продукта (поскольку земледелие служит основой докапиталистического хозяйства). В этом отношении даже античный способ производства не является исключением. С этой точки зрения вполне возможно установить специфические типы ренты, характерные для каждой докапиталистической формации. Т. Кокин приводил здесь одну цитату из III т. «Капитала». Но так как вчера все были страшно утомлены, то я позволю себе напомнить сейчас эту важную цитату:

При рассмотрении земельной ренты следует избегать трех главных ошибок, которые затемняют анализ: 1) Смешение различных форм ренты, соответствующих различным ступеням развития общественного процесса производства.

Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма реализации земельной собственности и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов, на определенные участки земли, будет ли собственником лицо, являющееся представителем общины, как в Азии, Египте и т. д., или земельная собственность будет лишь следствием собственности определенных лиц на личность непосредственных производителей, как при системе рабства или крепостничества, или же земельная собственность будет чисто частной собственностью производителей на природу — простым титулом собственности на землю, или, наконец, это будет такое отношение к земле, которое, повидимому, непосредственно предполагается присвоением и производством продуктов на определенных участках земли непосредственными производителями, труд которых изолирован и социально не развит, как в случаях с колонистами и мелкокрестьянскими землевладельцами.

Это общее для различных форм ренты, — то обстоятельство, что она вообще представляет экономическую реализацию земельной собственности, юридической фикции, в силу которой различным индивидуумам принадлежит исключительное владение определенными частями земли, — это общее ведет к тому, что различия форм не замечаются.¹

Это место, товарищи, чрезвычайно важно. Здесь каждой общественной формации, каждому способу производства соответствует свой спе-

¹ Маркс, Капитал, т. III, кн. 2, 1930 г., стр. 140.

цифический тип присвоения ренты. Противники азиатского способа производства обычно широко используют те классические места из «Капитала», которые все мы хорошо знаем:

Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и подчинения... непосредственное отношение собственников, условий производства к непосредственным производителям... — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя...

И в связи с этим другое место:

Тот особенный характер и способ, каким осуществляется это соединение (производителей и средств производства. С. К.), различает отдельные экономические эпохи социальной структуры.

Эти цитаты, товарищи, мы все прекрасно знаем. Они принадлежат Марксу. И если, тем не менее, Маркс признавал азиатский способ производства, то отсюда только два выхода: или Маркс ошибся *методически* (чего не допускаю я, да и вряд ли допустите и вы) или дело вовсе не обстоит так просто, как вы думаете. Очевидно, дело *не только* в способе соединения производителей со средствами производства. Иначе Маркс не мог бы установить принципиальной разницы между феодальной и «азиатской» формой эксплуатации, так как и тут и там мы имеем довольно близкий способ соединения производителей со средствами производства (производитель фактически наделен землей), — и Маркс видел это не хуже нас. Значит, способ соединения или форму эксплуатации нельзя понимать слишком обще, а надо максимально конкретизировать. Если форму эксплуатации понимать «социологически», иначе говоря — по Веберу, тогда всякая эксплуатация «зависимого безоружного населения» группой привилегированных землевладельцев, путем присвоения докапиталистической ренты, будет феодальной эксплуатацией, и тогда азиатский способ производства, феодальный и даже античный можно свалить в одну кучу. Если форму эксплуатации понимать по Марксу, исторически, т. е. конкретно, то мы должны считаться, товарищи, с тем, как расчленена при этом собственность, каким образом присваивается рента, что является базисом ее присвоения, как рента распределяется — тогда и получается не две, а три докапиталистических формации.

Вторая проблема: место азиатского способа производства в системе революционного марксизма.

Я не собираюсь пускаться в ход таких жупелов, как ревизия марксизма. Этот аргумент слишком дешевый, и хотя мои предшественники на этой кафедре широко пользовались такого рода аргументами, по этому пути я не пойду. Но поскольку т. Годес сказал: «Пусть докажут, что учение об азиатском способе производства является основным в марксизме», поскольку он это сказал, придется этим аргументировать. Постараюсь доказать, что действительно учение об азиатском способе производства является основным в марксизме, что отказ от него приводит к полной ревизии марксова понимания хода исторического процесса.

Азиатский способ производства есть необходимое звено в развитии человеческого общества. Что такое исторический процесс по Марксу-Энгельсу?

Для исторического процесса характерна, во-первых, его однолинейность, развитие идет по одной линии: Восток, античный мир, феодализм,

капитализм. Конечно, это гегелевская схема, всемирно-историческая схема, но Марксом поставленная с головы на ноги, и из-за того, что это схема Гегеля, не значит, что она не верна. Маркс ее принял так же, как он принял и гегелевскую диалектику.

Эту однолинейность не нужно понимать вульгарно. Если перевести эту мысль на наш современный научный язык, то мы должны сказать, что основная линия развития шла через афроевразийский узел, т. е. стык трех материков — Азии, Европы и Африки. Этот афроевразийский узел и был тем центральным стволом, вокруг которого развилась мировая история.

Значит ли это, товарищи, что по Марксу и Энгельсу не было параллельных процессов, что исторический процесс был единственный и никакой истории больше не было? Нет, не значит. Маркс говорил о феодализме в Японии, Энгельс признавал старо-турецкий «полу-феодализм». Параллельные и побочные процессы, конечно, происходили, но основной процесс был один. Это линия развития, где мог совершиться переход к капитализму и затем к коммунизму. Совершенно очевидно, что для Маркса и Энгельса именно этот момент являлся решающим в определении центрального ствола всемирной истории. Мог ли в Индии или в Китае самостоятельно развиться капитализм, это конечно вопрос факта. Фактически он там не развился, а был принесен из Европы. Единственная социальная революция, происшедшая в Индии, была, по мнению Маркса, произведена там англичанами.

Не только однолинейность характерна для исторического развития, но и прямолинейность (не понимая конечно, ее слишком упрощенно). По Марксу и Энгельсу четыре способа производства являются не только последовательными, но и прогрессивными. Это ясно следует из предисловия «К критике политической экономии», и из того места I т. «Капитала», где говорится о прогрессивных формах семьи, и из ряда мест у Маркса и Энгельса, где упоминается о постепенном смягчении форм эксплуатации. Какое же место занимает здесь азиатский способ производства? Насколько восточное общество является необходимым звеном в едином процессе развития человечества? Расширяя известную формулу Энгельса — «без античного рабства не было бы и современного социализма», можно сказать, что, поскольку античная культура выросла на базе древне-восточных обществ, — «без азиатского способа производства не было бы и современного социализма». *Только азиатский способ производства мог создать в условиях восточной оазисно-пустынной полосы ту могущественную концентрацию культуры, которая послужила базисом для всего дальнейшего развития человеческого общества.*

Отказ от азиатского способа производства — отказ от схемы единого, в основном, процесса развития и принятие параллельных рядов и множественности равноценных культурных циклов.

Если мы подведем азиатский способ производства под понятие феодализма, то у нас получится не марксова схема, а схема, чрезвычайно популярная среди буржуазных ученых, получится нечто сходное с тем, что защищал Рожков, считая, что всякое общество проходит один и тот же путь развития. Вместо единого процесса у нас получится множественность исторических процессов, т. е. механистическая концепция. Если считать, что азиатский способ производства — феодализм, тогда

нам придется и раннее античное общество считать феодальным, так как в основе его, по Марксу, лежали коллективная эксплуатация и коллективное владение. Таким образом феодализм окажется у нас существующим до античного способа производства и после него, и мы прямым путем попадаем в объятия реакционной теории цикличности.

Отсюда ясно, товарищи, что отказ от азиатского способа производства противоречит основам учения марксизма о ходе исторического процесса. Конечно, если фактами будет убедительно доказано отсутствие азиатского способа производства, это не помешает нам пересмотреть нашу точку зрения.

Третья проблема — это проблема класса-эксплуататора при азиатском способе производства. Товарищи, Маркс и Энгельс не хуже нас понимали классовую природу государства, и если они говорили, что государство на востоке является эксплуататором (Энгельс указывал на представителей государства — сатрапов, т. е. чиновников, как на главных эксплуататоров), то очевидно, что о бесклассовом общественном строе не может быть речи. Здесь — классовое общество, это совершенно очевидно. Все обвинения, которые выдвигались против азиатского способа производства, как теории бесклассового государства, построены на песке. Всякий антагонистический способ производства имеет свой эксплуатирующий класс — для Маркса и Энгельса это не менее очевидно, чем для нас.

Кто является таким классом-эксплуататором при азиатском способе производства? Это — привилегированная группа чиновников, воинов и жрецов-землевладельцев, точнее говоря, живущих земельной рентой, непосредственно организованная в государственный аппарат, коллективно владеющая средствами производства и коллективно эксплуатирующая примитивные сельские общины.

Принципиальное отличие этой формы эксплуатации от феодальной эксплуатации состоит в том, что при феодализме собственность расчленена, а здесь не расчленена, там собственность индивидуальная, здесь — коллективная, там класс расчленен на отдельных представителей класса, и каждый отдельный представитель эксплуатирует каждого отдельного производителя, здесь мы имеем коллективную эксплуатацию группы привилегированных землевладельцев примитивного общинного коллектива. Эта группа организована в классовый аппарат и выступает не как группа отдельных землевладельцев, а как государство, как организованная в государственный аппарат группа эксплуататоров, которые эксплуатируют отдельных производителей через общину, как известный коллектив.

Принципиальное отличие этого способа производства от феодализма состоит именно в отсутствии расчленения собственности. При феодализме происходит, главным образом, индивидуальная эксплуатация отдельных производителей отдельными собственниками средств производства. При азиатском способе производства, хотя такая индивидуальная эксплуатация также существует, но она играет подчиненную роль по сравнению с коллективной, государственной эксплуатацией.

Есть ли здесь сходство с феодализмом? Конечно, есть, как есть сходство и с античным способом производства (особенно в эпоху существования так называемой «античной государственной собственности»),

как есть сходство между всеми докапиталистическими способами производства. Я удивляюсь, почему вообще противники азиатского способа производства не ликвидируют различия между всеми докапиталистическими формациями и не объединяют все их в одну феодальную формацию? Это было бы только последовательно.

Теперь несколько исторических примеров. Я не знаю, существовал ли азиатский способ производства на Дальнем Востоке, и в какую эпоху. Я не специалист по этим отделам истории. Но для меня совершенно несомненно, что он существовал в древности в некоторых районах ближнего Востока, напр. в Египте в эпоху Древнего и Нового царств, а также в птолемеевскую эпоху. Я бы сказал, что мы имеем здесь классический пример азиатского способа производства: мощная централизованная организация чиновников, воинов и жрецов во главе с царем, эксплуатирующая сельские общины и руководящая всем процессом общественного производства; монополизация государством всех основных средств производства и важнейших отраслей хозяйства и т. д. Также несомненно для меня и то, что феодализма, в собственном смысле слова, ведущие районы «классического» Востока не знали. Самое большее, о чем здесь можно говорить, это о многообразных процессах *распада*, разложения азиатского способа производства, которые иногда принимают форму *феодализации*. Но за этим распадом снова шли процессы восстановления прежнего способа производства, иногда целиком в старой форме, иногда на расширенной базе своеобразного «госкапитализма» (эпоха нового царства Птолемея). Но даже и в процессах своего разложения это был все-таки азиатский способ производства, а не феодализм.

Но как же протекал исторический процесс на Востоке? Мы видим там непрерывные процессы разложения азиатского способа производства и вновь процессы восстановления. Именно в этом было величайшее своеобразие истории Востока. Эти вечные колебания вокруг некоторой средней линии и есть то, что Маркс и Энгельс понимали под «неподвижностью», «застойностью» Востока.

Всюду ли в эпоху «классического» Востока был азиатский способ производства? Конечно, нет. Утверждать это значило бы вульгаризировать, упрощать ход исторического процесса. У хеттов, напр., насколько мы знаем, были довольно сильно выражены феодальные элементы. Но несомненно, товарищи, что основной и руководящей формой на древнем Востоке был именно азиатский способ производства, который и явился одним из необходимых составных звеньев истории человеческого общества.

Еще несколько замечаний. Тов. Иолк пошел здесь по такой линии, которая мне кажется совершенно безнадежной. Он старался доказать, что Маркс, говоря об азиатском способе производства, говорил не об азиатском способе производства, а о чем-то другом. Здесь тов. Иолк впал в открытую, безнадежную схоластику. По его мнению, Маркс имел в виду либо способ производства в смысле технических, а не общественных отношений, либо понимал под азиатским способом производства какую-то «азиатскую ступень развития», которая представляла соединение феодализма и рабства. Утверждать, что в предисловии к «Критике политической экономии» Маркс говорил о четырех способах производства в техническом смысле, это настолько нелепо, что

даже не требует опровержения. Но не менее чудовишна и «азиатская ступень развития», которая, по мнению т. Иолка, не является общественной формацией. Неужели тов. Иолк не знает, что для Маркса и Энгельса нет никаких ступеней развития, которые не были бы вместе с тем и формациями (по крайней мере, для классового общества)? А если «азиатская ступень» — формация, то в основе ее должен лежать какой-то определенный способ производства, а не странная смесь из феодализма и рабства.

Тов. Иолк правильно критиковал тов. Годеса (это, по-моему, была единственная правильная мысль во всех его рассуждениях), когда он указывал на непоследовательность его позиции. Если критиковать марксову концепцию азиатского способа производства только со стороны фактического материала, только с точки зрения фактической ошибки Маркса, то это будет непоследовательно. Если не было азиатского способа производства, то Маркс и Энгельс ошибались не только фактически, но и методологически. Поэтому т. Иолк, чтобы «уничтожить» азиатский способ производства, идет по единственно возможному пути: нужно показать, что у Маркса и Энгельса не было никакого азиатского способа производства. Но это путь совершенно бесполезный. На этом я кончаю. Разрешите еще ответить на записки.

«Куда растет азиатский способ производства?»

По мнению Маркса, он никуда не растет. Особенность азиатского способа производства (как и античного) состоит, между прочим, в том, что он упирается в тупик. В нем самом нет предпосылок для перехода на высшую ступень развития, как в феодальном и буржуазном.

Вторая записка: «Ведь церковь при феодализме тоже была коллективным собственником?» и т. д.

Коллективную собственность нельзя смешивать с тем, что Маркс и Энгельс называли сословной собственностью. Сословное расчленение феодальной собственности не исключало ее индивидуального расчленения между отдельными феодалами, светскими и духовными.

■

В. Штейн.

Прежде чем давать критическую оценку теории азиатского способа производства не бесполезно условиться, что мы будем понимать под азиатским способом производства.

Прошлый раз много говорилось о ключиках, ключах и отмычках к азиатскому небу, но не было дано реального, точного определения этой формации. Если вы вспомните ту коллекцию ключей и ключиков, которая была представлена, то некоторые из этих ключей отпадают сразу. К ним бесспорно относится — *община, связь земледелия с промышленностью*, и остается только два основных ключа: во-первых, *государственная* собственность на землю, во-вторых — *ирригация*, причем, с моей точки зрения, между этими двумя ключами существует неразрывная логическая связь, это — две мысли, которые надо привести к какому-то органическому единству.

Тов. Иолк был бесспорно прав, когда заявлял, что задним фоном теории азиатского способа производства является вульгарный географический материализм. Этот географический материализм приводит

к необходимости признания государства в народном хозяйстве регулирующим аппаратом, приводит к тому положению, что государство сосредоточивает в своих руках средства производства, и вот почему ирригационные работы, которые вытекают из географических условий, сосредоточиваются в руках государства.

Но мне кажется, эта мысль у сторонников теории азиатского способа производства не доведена до конца, ибо она ведет к тому, о чем говорил т. Ковалев, иллюстрируя свое положение на примере древнего Египта — государство забирает в свои руки все народное хозяйство, становится единственным органом, распоряжающимся прибавочным продуктом общества. Азиатский способ производства это и есть общественный строй, при котором весь прибавочный продукт достается государству. Примите, прежде всего, во внимание, что по терминологии Маркса государственная собственность на землю означает то, что рента и налог совпадают. А так как мы имеем дело с обществом, которое, по существу говоря, является почти исключительно земледельческим, то земельная рента и является естественно синонимом прибавочного продукта. Если рента и налог совпадают, если государство сосредоточивает в своих руках прибавочный продукт, то, поскольку накопление возможно только за счет прибавочного продукта, — постольку и все средства производства находятся также в руках государства.

Теперь нужно сделать еще один шаг, чтобы дойти до теории «социальной равнины» Витфогеля и Канторовича. Если весь прибавочный продукт сосредоточен в руках государства, а все население получает лишь необходимый минимум, то это и значит, что мы имеем социальную равнину, над которой возвышается грандиозная гора, — государственная власть, которая держит в своих руках весь прибавочный продукт. Вот единственно возможное понимание азиатского способа производства.

Теперь разрешите с точки зрения этого понимания немного рассмотреть историю Азии. Я постараюсь здесь это сделать как можно короче. С этой точки зрения я считаю наиболее трагическим положение гг. Кокина и Папаяна. Труднее всего найти эту систему именно во времена династии Чжоу. Прежде всего нужно сказать несколько слов об орошении. Те из вас, кто читал новую книгу Витфогеля, должны были убедиться в том, что искусственное орошение в Китае, если и обуславливало потребность в обобществлении земельной собственности, то лишь на известном этапе исторического развития китайского общества, а именно в после-Чжоускую эпоху. Характерно, что азиатский способ производства строится для периода Чжоу на основе колодезной системы. Колодец был средством орошения для отдельных общин. Вся страна как бы распадается на маленькие ячейки, на маленькие квадратики. В центре каждого квадратика — свой колодезь. Древний Китай строил свои земледельческие работы на колодезной системе. Как правильно подчеркивает Витфогель, в этом смысле можно резко противоположить древний Китай современной Индии, где необходимость регулировать водоснабжение из больших рек выдвигает в качестве основного способа орошения канал. Канал — символ централизации, колодезь — символ децентрализации ирригационной системы.

Всем давно известно, что эпоха Чжоу как раз была классическим периодом господства феодализма в Китае. Те из вас, кто читал книжечку Жакова о феодализме у Мэн-цзы, знают, какой там собран бога-

тый материал для доказательства этого тезиса. Далее нельзя не указать на непреодолимую трудность, возникающую для Кокина и Папаяна при объяснении перехода от Чжоу к Цинь. Как известно, именно в этот период возникает в Китае частная собственность на землю. При Чжоу, при отсутствии единой централизованной монархии, существовал будто-бы азиатский способ производства, а при Цинь, когда установилась частная собственность, возникает централизованная деспотия.

Здесь «азиатский способ производства» как бы остается нетронутым в своих основах на протяжении веков. Интересный в этом отношении материал мы находим у преподобного Джонса, как известно, одного из тех авторов, чтение которых более всего искушало Маркса признать азиатский способ производства самостоятельной формацией.

Вы помните, вероятно, что в своей «Теории прибавочной стоимости» Маркс разбирает соответствующие взгляды Джонса и в частности цитирует мнение Джонса о том, что «добавочный доход с земли, единственный значительный доход, кроме дохода крестьян (в Азии, именно в Индии), распределялся государством и его чиновниками». Маркс делает примечание к этому месту: «Это следовательно объясняется формой землевладения в Азии». Эта цитата была впервые найдена Сафаровым. Как вы видите, в ней нет ни полного одобрения тому, что говорит Джонс, ни полного отрицания. Так вот этот самый Джонс в своей теории распределения довольно подробно останавливается на особом виде земельной ренты, свойственном азиатским странам, который он называет рентой райотвари. Этот вид ренты встречается в Индии, Турции, Персии и т. д. Джонс определяет ее как

свойственную Азии продуктовую ренту, уплачиваемую производителем, который получает заработок с земли, причем суверен, государство, является собственником.

Ярким примером отношений, возникавших на этой почве, может служить система эксплуатации населения одним из раджпутских правителей Центральной Индии, Зелим Сингхом. Вот что рассказывают о последнем:

Он управляет своим королевством как именьем. Он является банкиром, предоставляющим займы производителям, в такой же мере, как и правителем, которому они платят доход. И взимаемый им процент на капитал так же высок как у наиболее прижимистых ростовщиков. Этим закрепляется полный его произвол над непосредственными производителями, и, чтобы еще усилить эту зависимость, он имеет принадлежащие ему несколько десятков тысяч плугов с наемными работниками, которые употребляются не только для того, чтобы пустить под обработку пустующие земли, но и для немедленной посылки на обработку тех полей, которые крестьяне отказываются обрабатывать на том основании, что рента слишком высока.

Так было в прошлом. Но кто поручится, что в настоящее время в туземных княжествах не найдутся пережитки только что приведенных порядков?

Т. е. другими словами, когда гибнет азиатский способ производства, остается идеологическая надстройка, которая вызывается азиатским способом производства.

Но мы должны признать, что на дальнейших путях развития Китая, если взять особенно танскую эпоху до монголов — мы имеем наиболее широкое развитие государственной предпринимательской деятельности. И настолько это мощно отразилось в сознании современни-

ков, что даже Япония делает попытки копировать китайские образцы: она создает в сущности пародию на колодезную систему.

Если возьмем индийскую историю, то, насколько можно судить по имеющимся материалам, эпоха централизованной монархии здесь имеется только во времена Ашоки и вообще во времена Маурийской династии. Но если даже в тот или иной момент истории отдельных азиатских стран мы видим усиление хозяйственной деятельности государства или сосредоточение в руках последнего преобладающей доли прибавочного продукта, значит ли это, что мы имеем дело с азиатским способом производства?

Здесь мы подходим к пункту, который я считаю решающим и который заставляет отказаться от теории азиатского способа производства.

Мы исходим из неправильного представления об азиатской деспотии — *модернизуем* это представление, вкладываем в него современное содержание. Мы представляем здесь чиновников, получающих в определенные числа жалованье, положенное им из казны, и т. п. Такого типа азиатской деспотии не было. Чиновник был по существу тем же феодалом.

Разрешите процитировать из недавно вышедшей книги по китайской истории Франке:

Уже со времен Чжоу сложилось обыкновение, переросшее затем в конце концов в твердое государственное установление, которое должно было стать весьма опасным для самостоятельности центрального властителя. Высшие государственные должности захватывались ленивыми князьями или их сторонниками и родней. Начало этой системы уходит корнями в глубокую древность. Если эта традиция была прервана управлением Цинь, то при Ханях она немедленно вновь получила распространение. Таким образом возникла... при дворе наследственная — частью чиновная, частью нечиновная феодальная аристократия, которая вместе со своей свитой во всякое время могла заставить служить своим интересам слабавольного монарха.

Вот как, товарищи, складывается дело. Вы можете назвать этих мнимых чиновников сатрапами, пашами или другими обидными и не-обидными наименованиями, но, по существу, это не чиновники. На протяжении всей азиатской истории, какую бы страну вы ни взяли, мы не имеем момента, где была бы ярко выражена чиновничья физиономия правящего класса. Остается еще возможность представлять себе дело так, будто прибавочный продукт достается не отдельным конкретным носителям власти, а государству, как таковому. Но опять недопустимая модернизация, так как нельзя сочетать с азиатской деспотией мысль о регулярном бюджете, через который государство присваивает себе частное накопление. Тут кстати отметить, что, когда т. Ковалеву подали записку относительно средне-вековой церкви и спрашивали, была ли церковь коллективным собственником, он сказал: «Конечно, нет».

Ему ясно, что каждый отдельный храм или монастырь был собственником своей земли. Но почему же он допускает существование коллективной собственности при азиатском способе производства? Мы не можем рассматривать государство как абстрактную сущность. Нужно конкретно рассматривать этот процесс присвоения прибавочного продукта. И если прибавочный продукт достается не «государству как таковому», а отдельным конкретным чиновникам, а последние по существу являются теми же феодалами, то для азиатского способа производства не остается места.

В этом отношении интересна напр. Индия времен Акбара. Часто указывается, что это была типичная централизованная монархия. Между тем в работе Морленда об аграрной системе мусульманской Индии говорится, что наиболее характерными фигурами этой эпохи являются вотчинник и откупщик. Это предполагает, что, если человек и занимал должность чиновника, то все-таки у него было много общего с феодальной фигурой. Эти чиновники были типичными феодалами, присваивающими прибавочный продукт в типично-феодальном порядке. Оброк является характерным показателем.

Я мог бы на этом остановиться, если бы мне не хотелось сказать о некоторых мнимых пережитках азиатского способа производства в современности. В отношении Китая вопрос достаточно освещался. Интересно остановиться на нем в приложении к современной Индии. Сторонники теории азиатского способа производства должны признать и раджей втуземных княжествах представителями азиатского способа производства.

Недавно я прочитал в «Quarterly Journal of Ind. Economics» очень красочное, идиллическое описание земельных порядков, земельной эксплуатации, существующей в одной деревне на территории современного туземного княжества, где сообщается, что эксплуатация — «не жестокая», князь берет «всего» 50% валового продукта, и все обстоит в высокой степени благополучно. Очень боюсь, что мы здесь имеем дело с прямой линией от этого Зелим Сингха. Отсюда опасность, что сторонники теории азиатского способа производства легко могут обнаружить его черты даже в индийской современности.

В связи с этим мне бы хотелось отметить еще один вопрос. Тов. Сейгель, анализируя формы землевладения в Индии, различает районы помещичьих земель — латифундий, государственного землевладения и крестьянских земель. Между районом государственных и крестьянских земель точного разграничения нет. Как известно, в том и другом районе существует система райотвари. Повидимому Сейгель считает, что в одном случае государство полностью забирает прибавочный продукт — все 50%, а в другом случае значительная часть остается в руках крестьянина, что дает ему возможность идти по линии капиталистического развития. Здесь, пожалуй, т. Сейгель согрешил. Из того факта, что государство присваивает значительную часть прибавочного продукта, может быть все 50%, — из этого факта делать вывод, что государство в данном случае является собственником земли, со всеми вытекающими отсюда последствиями, не совсем осторожно. Эта позиция ведет к азиатскому способу производства.

Вот почти все, что я хотел сказать. Еще только в двух словах я хочу отметить, что на мой взгляд тем не менее нельзя думать, что современная теория феодализма является достаточно разработанным орудием для уяснения всей сложной истории многовекового развития Азии.

Та теория феодализма, которая у нас есть, — это типичная теория европейского феодализма. В частности, в Европе централизованная монархия возникает уже в период разложения феодализма торговым капиталом. В Азии же мы видим, что широкое развитие государственной собственности и государственного хозяйства может быть и в период экономического расцвета. Теория феодализма подлежит поэтому дальнейшей разработке, для того, чтобы она могла вместить в себя и те теории феодальных порядков, которые были в Азии.

■
А. Поляков.

Дискуссия о теории азиатского способа производства фактически является дискуссией о применении марксистско-ленинской теории общественных формаций к конкретному материалу истории восточных стран. Ни в каком другом разрезе ее, конечно, рассматривать нельзя, и уже по одному этому она приобретает исключительное значение и оказывается теснейшим образом связанной как с вопросами обще-методологическими, так и с вопросами политическими.

Тов. Годес в начале своего доклада говорил о двух линиях в оценке социально-экономического строя Китая: одной линии, отразившейся в выступлении Ломинадзе на XV съезде, и другой линии — линии Радека. Это нужно, по моему, сформулировать по другому. Если брать в вопросах революционного движения в восточных странах политические группировки, которые вели борьбу против линии партии с характерными для них особыми теоретическими базами, то их надо разбить на два лагеря, исходя из нашего основного деления уклонов на ультра «левую» и правую. Это будет с одной стороны Чэнь-Ду-Сю, с его право-оппортунистическими извращениями, и с другой стороны Троцкий, с его «лево»-оппортунистической линией, к которому примыкали и Радек и Ломинадзе. «Теоретической» базой Чэнь-Ду-Сю была либеральная, фактически относящаяся пренебрежительно к марксизму — «концепция» общественных формаций, которую он применял к анализу социально-экономического строя Китая. Из игнорирования марксистско-ленинской теории общественных формаций вытекало, что он не видел феодализма в Китае, а о соотношении классовых сил в Китае говорил: «Все классы находятся под гнетом милитаризма». Милитаризм берется у него как какая-то надклассовая группировка.

Еще более тесная связь теоретических вопросов с практической политикой проявляется в троцкистской позиции. Как вы знаете, у Радека в основу была положена теория торгового капитализма. Эта теория должна была непосредственно служить для подкрепления политических выводов о том, что в Китае нет феодализма, что там мы имеем «торговый капитализм». Если мы рассмотрим в этой связи теорию «азиатского способа производства» в ее конечных выводах, мы увидим, что она приводит к тем же в корне неправильным выводам, что в Китае нет феодализма, а есть специфический «азиатский способ производства». Этого мало. Дальше эта теория приведет нас к тому, что в Китае борются не те классы, про которые говорят постановления партии и Коминтерна, а что крестьянской массе и рабочим противостоит один основной эксплуататорский «класс» милитаристов и джентри.

Товарищи, которые выступают в защиту азиатского способа производства, должны четко указать, какие господствующие классы мы имеем в Китае; когда дана будет эта формулировка, мы увидим, к каким вреднейшим политическим выводам приводит теория «азиатского способа производства», при котором единственным правящим классом являются «чиновники, выделившиеся из общины». В значительной степени на теории «азиатского способа производства» лежит вина также за то, что у нас так мало сделано для того, чтобы выяснить, что представляют собой китайские помещики. Эта теория, не считаю-

щая помещиков основным эксплуататорским классом, мешает плодотворной работе в этой области.

Если мы возьмем концепции относительно наличия в Китае одного правящего «класса», то, собственно говоря, то же самое мы найдем у Радека. Он говорил:

Половина крестьянских хозяйств являются арендаторами и полуарендаторами, причем аренда эта является не полуфеодальной, а капиталистической, и помещики являются торговыми капиталистами, чиновниками, купцами, которые помещают свои деньги в займы, даваемые ими в деревню. Можно с уверенностью сказать, что поэтому союз рабочих и крестьян будет тут сильнее, чем у нас в 1905 г., и этот союз будет бить не по двум классам, а по одному — буржуазии.¹

Если мы возьмем вопросы индийской революции, то мы увидим и там теснейшую связь оппортунистических уклонов с неверными теоретическими установками. Либеральное игнорирование марксизма мы видим у Роя. Работая по вопросам Индии, он ни разу не обращался к Марксу, игнорировал Маркса. Рой заявляет, что

вопреки распространенному мнению Индия не является феодальной страной. Феодализм здесь был разрушен или точнее подорван не путем насильственной революции, как в Европе, но в процессе сравнительно мирного и постепенного развития... Последние остатки феодальной власти были уничтожены с подавлением восстания 1857 г... После подавления восстания 1857 г. капиталистическая эксплуатация (?) фактически распространилась на всю страну.²

Ясно, что в своих политических установках он также исходит из того, что пережитков феодализма в Индии нет. Проблема поддержки британским империализмом феодальных классов и создания этим самым одного из основных препятствий для развития производительных сил Индии снимается. Мы видим, что позднейшие оппортунистические выводы Роя теснейшим образом увязаны с его «теоретической» базой.

Что же с другой стороны дает в применении к Индии теория «азиатского способа производства»? Как известно, т. Мухарджи заявлял о признании им этой теории. Правда, т. Мухарджи отказался потом от того, что он говорил, но так как его неверные политические выводы несомненно теснейшим образом связаны с тем, что он стоял на теоретической позиции «азиатского способа производства», мне придется остановиться на этом. Тов. Мухарджи в предисловии к своей книге «Англия и Индия» говорит:

В Азии переход от азиатского способа производства к античному или феодальному был совершенно различным в Египте, в Вавилонии, Индии или Китае... С I века после Р. Х. мы имели процесс феодализации с охотенелыми кастами в качестве фундамента... ислам не был в состоянии совершенно разрушить азиатский метод в Индии. Касты остались. Мусульманское управление развило крепостное право и торговый капитализм крепостников. На этой стадии развития Англия пришла в соприкосновение с Индией.³

Тут мы имеем сразу и «торговый капитализм» и «азиатский способ производства». На предыдущей странице т. Мухарджи определенно заявляет о признании им «азиатского способа производства» особой общественной формацией, которая «специально присуща Азии» и которая характеризуется особым способом эксплуатации — «касто-

вой системой» (?). Совершенно ясно, что эта концепция не могла не привести так же как «концепция» Роя к недооценке роли феодальных пережитков и факта консервации их британским империализмом. Несомненно, в связи с этой же неверной теоретической концепцией в работах т. Мухарджи нет четкой характеристики класса индийских помещиков. И, наконец, в тесной связи со своими теоретическими установками т. Мухарджи пришел к неверным политическим положениям, характер которых хорошо известен по соответствующим рецензиям и от которых сам т. Мухарджи впоследствии отказался.

Эти примеры, которые я привожу дополнительно к тем, которые уже приводились предыдущими товарищами, по моему, в достаточной степени показывают, что теория «азиатского способа производства» — теория беззубая. Она не может дать правильного теоретического анализа социально-экономического строя стран Востока, она не дает возможности выяснить классовую структуру данной общественной формации, а в практических вопросах неизбежно должна привести к неправильным политическим выводам, совпадающим с теми, к которым приводят теория «торгового капитализма» и либерально-оппортунистические «теории» Чэн-Ду-Сю и Роя. Теория «азиатского способа производства» мешает правильному исследованию проблемы классового строения стран Востока, мешает тому, чтобы выявить во всем ее неприглядном виде фигуру помещика на Востоке. Эта теория является базой для возникновения всевозможных уклонов, потому что неправильная трактовка проблем аграрного строя, проблем аграрной революции неизбежно приводит к оппортунистическим политическим выводам.

Тов. Иолк в начале своего выступления заявил примерно следующее:

Я хочу предостеречь от этой теории, самое важное политически разоблачить ее, а не устанавливать «чистую истину» относительно того, существовал ли «азиатский способ производства» или нет.

По моему, едва ли можно признать правильной такую постановку вопроса. Установление истины, действительной истины, нашей истины — истины восходящего класса пролетариата — необходимо, и только это сделает наше теоретическое и политическое оружие наиболее острым. В первую очередь нужно разрешить вопрос, принадлежит ли концепция «азиатского способа производства» как *особой формации* Марксу. Второй вопрос, который надо разрешить, это вопрос о том, существовал ли «азиатский способ производства» в исторической действительности. И тут нам придется выяснить, где, в какой стране и в какую эпоху тт., которые защищают эту теорию, находят в наличии «азиатский способ производства».

Так, мы имеем прямые высказывания т. Мадьера, что такой способ производства существовал в Китае, до проникновения туда иностранного капитала. Из основных положений статьи т. Фокса в последнем номере «Летописей марксизма» вытекает, что той формацией, с которой пришел в столкновение британский капитализм, должен был быть «азиатский способ производства». И, наконец, «несокрушимую» цитателю «азиатского способа производства» мы имеем на территории древнего Египта и Вавилона. Целый ряд специалистов (Жовалев, Струве) стоят на той точке зрения, что в этих странах господствовал этот спо-

¹ «Проблемы Китая», № 3, стр. 196; из доклада тов. Коммунара о Чэн-дусюизме.

² «Новая Индия», 1923 г., стр. 9 — 10.

³ Англия и Индия, 1929 г., стр. 11.

соб производства. На той же точке зрения стоят тт. Кокин и Папаян в своей книжке.

Вопрос о том, был ли в указанных странах какой-то особый «азиатский способ производства», отличающийся от тех, которые господствовали в Западной Европе и России в докапиталистическую эпоху, может быть решен лишь на основании анализа конкретного материала. И целый ряд конкретных данных, касающихся социально-экономического строя этих стран, которые мне сейчас к сожалению из-за недостатка времени не представляется возможным привести, со всей убедительностью доказывают, что основным способом производства, господствовавшим в восточных странах (и в значительной части их господствующим в лице своих пережитков и сейчас) является *феодализм*, а не особый, специфический «азиатский способ производства» (в другом месте можно документально доказать это положение в частности для Египта, как Нового и Среднего, так и Древнего царств, для Вавилона и для Индии и Китая).

Была ли у Маркса концепция «азиатского способа производства», выставлял ли Маркс этот «способ производства» как специфическую общественную формацию? Я отвечаю, что теории такой специфической общественной формации в работах Маркса найти нельзя.

Возьмем классическое определение основных элементов общественной формации, данное Марксом в предисловии к «К критике политической экономии»; там выделены четыре основных элемента: производственные отношения, соответствующие определенному уровню производительных сил, правовая и политическая надстройка и идеология. Посмотрим, приписывает ли Маркс этим элементам общественных формаций восточных стран специфические особенности, настолько важные, чтобы можно было говорить о наличии в его работах теории особой «азиатской формации».

Начнем с производственных отношений. Есть ли у Маркса какие-нибудь указания на то, что в восточных странах когда-либо существовали какие-то особые производственные отношения, отличные от производственных отношений между рабовладельцем и рабом, бароном и крепостным? Нет, у Маркса таких указаний мы не найдем ни в одной из его работ. Маркс для восточных стран ни одной специфической особенности в классовой их структуре не указывает. Итак *базис* «азиатского способа производства» оказывается не существующим в работах Маркса. Но можно ли сказать, что Маркс и Энгельс не указывали ни на какие специфические особенности социально-экономического строя стран востока. Нет, это не так. И Маркс и Энгельс указывали в своих работах на целый ряд специфических особенностей («вариаций и градаций»), характерных только для стран Востока, но эти особенности относились главным образом к надстройкам (напр., государство) и частично к характеру производительных сил (роль орошения). Что же касается производственных отношений в странах Востока, то Маркс и Энгельс отмечали лишь специфичность их «юридического выражения» — формы имущественных отношений, отношений земельной собственности. И Маркс и Энгельс неоднократно писали, как о специфической особенности стран Востока, о наличии там государственной собственности на землю. И действительно, в истории восточных стран мы находим такие периоды, когда форма владения землей в значительной степени

подходила под понятие государственной собственности. Но значит ли это, что в таком случае государство выступало как «класс», как представляют себе это сторонники «азиатского способа производства»? Конечно, нет. И нигде Маркс и Энгельс не указывают на наличие в странах Востока какого-то особого «государства-класса», как они вообще *нигде не говорят об особых классах на Востоке*. Если в странах Востока в определенные периоды государство и выступало как собственник земли, то оно безусловно выступало как государство, опирающееся на определенные классы (г о л о с: Какие?). На класс помещиков-феодалов (г о л о с: А где же государственная власть?). Там, где всегда бывает в зависимости от помещиков, в подчинении им. Такая государственная власть, которая существует сама по себе, в виде «правлящего класса» существует только в работе тт. Кокина и Папаяна или в других столь же теоретически неверных работах.

Итак, можем ли мы на основании того, что Маркс говорил о наличии государственной собственности на землю на Востоке, как о специфической особенности социально-экономического строя восточных стран, не говоря ни слова о какой бы то ни было специфичности основной сущности производственных отношений — классовых отношений и не говоря о каких бы то ни было «особых» классах на Востоке, можем ли мы на основании этого утверждать, что Маркс выдвигал концепцию особого «азиатского способа производства». Несомненно нет. Следующее указание Маркса о специфичности социально-экономического строя восточных стран относится к характеру производительных сил. Он как и Энгельс неоднократно говорит о большой роли орошения и водозащитных сооружений на Востоке. Насколько на основании этих положений можно говорить о каком-то специфическом «азиатском способе производства», достаточно говорят указания Маркса на роль водозащитных сооружений и в Нидерландах и в Италии.

Наконец вопрос о «восточной деспотии». Тут вопрос об «азиатской» специфичности опять отпадает, так как Маркс говорит об «азиатской форме деспотии» в Испании, а Энгельс говорит о специфичности этой формы государства «от Индии до России».

Итак из основных особенностей социально-экономического строя, которые были бы специфичны только для восточных стран, о которых говорят Маркс и Энгельс, мы видим только две: государственная собственность на землю и роль оросительных и водозащитных сооружений. Совершенно ясно, что на основании указаний в работах классиков марксизма на наличие в социально-экономическом строе восточных стран лишь этих двух основных специфических особенностей, ни в коем случае нельзя приписывать им концепцию особого «азиатского способа производства».

Если, наконец, взять два единственные места у Маркса, где он употребляет выражение «азиатские способы производства»¹ (в одном из этих двух мест Маркс говорит: «древне-азиатские»), то при внимательном разборе выясняется, что там речь идет о различных способах производства, господствовавших в древней Азии до того, как сложился

¹ Предисловие к «К критике» и первая глава I тома «Капитала». Как уже указывал т. Иолк, точным переводом соответствующего места из «К критике» будет именно «... азиатские (и др.) ... способы производства» (во множественном числе).

античный способ производства, а отнюдь не о специфическом «азиатском» — тогда уже «азиатских» (?) — способе производства. Сам Маркс в этом смысле изменил эту формулировку во французском издании I тома «Капитала». Вместо формулировки «старо-азиатские способы производства и т. д.» там сказано: «способы производства древней Азии, древнего мира в целом». Формулировки «азиатские (древние) способы производства» там нет. Там совершенно точно сформулировано, как я перевел («Le modes de production de la vieille Asie, de l'antiquité en general», «Le Capital», Paris, 1873-75, p. 31, c. 2), т. е. *по другому*, чем в немецком издании 1867 г. («Altasiatischen, antiken und s. w. Produktionswesen»). Таким образом является бесспорным, что формулировка Марксом была изменена.

Перейдем к конкретной исторической действительности и остановимся на Китае. Если мы возьмем Китай конца Минской династии (конец XVI и первая половина XVII вв.), то относительно этой эпохи имеются определенные указания на то, что там был феодализм, страна была покрыта феодальными поместьями, царскими хуторами, и эти царские хутора принадлежали правящей Минской знати, которая эксплуатировала крестьян на чисто феодальной основе оброчных и барщинных отношений. Налицо были два основных феодальных класса — помещики и зависимые крестьяне. Если мы возьмем другой момент — завоевание Китая манчжурами (1644 — 83 гг.), то увидим ли мы там установление нового способа производства? Ничего подобного. Опять таки на юге — большие феодальные княжества с той же классовой структурой: владелец земли, крупный феодал, имеющий десятки или сотни тысяч му (имелись и гораздо большие владения), владеет землей и получает прибавочную стоимость с основных масс крестьянства. На севере помещик-феодал помельче, но способ эксплуатации тот же. Всю эту эпоху господства манчжур в Китае — китайское государство было государством, где господствующим классом были помещики. Пусть гг. Папаян и Кокин попробуют это отрицать. Мы имеем определенные указания не только на существование латифундий в сотни тысяч му, но и латифундий по несколько миллионов му (это будет сотни тысяч га). На такой классовой базе было основано китайское государство, централизованное, бюрократическое государство (централизованное, правда, в значительной мере по внешней форме). Участие в этой власти принимали и торговый капитал и банковско-ростовщический капитал. Всем известно, например, влияние на манчжурское правительство шаньсийских банков.

И когда есть налицо четкая связь помещичьего класса с государством, когда есть четкая связь банковско-ростовщического капитала с этим государством, которое выступает как представитель помещиков и частично торгово-ростовщического капитала, когда мы имеем совершенно четкую, определенную картину, подтверждающую марксистскую теорию государства, классический образец помещичье-феодального государства, зачем выдвигать «азиатский способ производства» с его теорией «государства класса»?

Китайский социально-экономический строй — это несомненно социально-экономический строй феодальный, и китайское государство было (и с поправкой на блок с буржуазией есть) орган помещиков. Вот как только и можно формулировать этот вопрос. В Китае, в эпоху,

когда он столкнулся с мировым капитализмом, мы «азиатского способа производства» не найдем.

Итак, товарищи, подведем итоги: политически теория «азиатского способа производства» играет вреднейшую роль; эта теория не является теорией Маркса; в его работах мы не найдем такой концепции; в истории стран Востока, в частности в истории Китая за последние столетия, мы не обнаруживаем никаких следов какого-либо специфического отличного от феодального «способа производства». Единственным нашим выводом может быть: теорию «азиатского способа производства» надо выкинуть за борт марксистско-ленинского востоковедения.

В. Струве.

Дискуссия по азиатскому способу производства для меня лично началась уже довольно рано. Я имел удовольствие слышать доклад Михаила Соломоновича Годеса три года тому назад, должен сказать, что его доклад толкнул меня на путь проработки всего этого материала, в первую очередь египетского, отчасти и вавилонского; это заставило меня проработать этот материал, и если я три года тому назад бесспорно выступал полным и абсолютным сторонником Михаила Соломоновича, то в данном случае, после проработки всего этого материала, я начал сперва с сомнения и пришел к несколько иному взгляду, к тому, что действительно в Египте существовала какая-то особая формация, которую мы феодальной назвать не можем.

Я знаю, что мне предоставлено короткое время, тем более, что мне предстоит в апреле прочитать большой доклад в ЛОКА в отделении древней истории, где я попытаюсь все то, что я здесь скажу, привести с основными источниками.

Скажу по трем разделам — по методологической части, в особенности по выступлению т. Полякова, который, согласно образному выражению Годеса, грешит, но при этом хочет сохранить невинность. Затем попытаюсь очертить по мере возможности на конкретном материале ту формацию, которую мы можем установить в древнем Египте, и наконец коснусь вопроса о разложении этой формации в Древнем Египте.

Что касается методологии, то первое замечание таково: т. Годес указал в своем докладе на то, что Мадьяр сам сближает азиатский способ производства с феодализмом, «экономическая форма высасывания прибавочного продукта в виде налога, который совпадает с рентой, несомненно сближает этот способ эксплуатации с феодальным». У многих сторонников теории азиатского способа производства мы как раз находим указания на эту близость. Я могу сказать только то, что когда Маркс говорит о четырех формациях, то он эти четыре формации не ставит на одну плоскость, но различает среди них несколько подгрупп. Маркс прямо противопоставляет все три докапиталистические формации одной капиталистической формации. Мы имеем также одно прямое указание Маркса — это как раз то место в третьем томе «Капитала», которое стоит перед важным определением значения своеобразной экономической формы высасывания неоплаченного прибавочного труда и непосредственного производителя, на которое, я должен сказать, впервые в свое время обратил внимание т. Годес, — в этом месте, непосредственно пред-

шествующем указанному тексту, мы имеем такое указание, что здесь (т. е. при отработочной ренте) непосредственный производитель работает собственными средствами производства, ведет самостоятельно свое земледелие и т. д. и т. д. Здесь он говорит о том, что это относится также и к земледельцам индийской общины. Затем дальше имеется известное место о том, что если на частной земле нет собственника, а государство непосредственно взимает ренту, как это наблюдается в Азии, то рента и налог совпадают. Как раз в этом месте мы видим определенное сопоставление этих двух элементов — азиатского способа производства и феодального, они сопоставляются в одну группу и противопоставляются третьей — рабовладельческому способу производства. Таким образом, мы имеем места, где сопоставляются три докапиталистические формации и противопоставляются одной капиталистической формации, и, наконец, мы имеем прямое указание на то, что Маркс две из этих докапиталистических формаций сближает и противопоставляет третьей, рабовладельческой формации. Я полагаю, что всякие утверждения о том, что Маркс подразумевал не формацию, говоря об азиатском способе производства, действительно являются ошибочными. Я полагаю, что те, кто прочитал работу Фокса, рассеяли последние сомнения на этот счет. И характерно то, что именно тов. Годес три года тому назад в своем докладе указал на то, что Маркс действительно говорил о том, что азиатский способ производства является социально-экономической формацией. Таким образом выходит, что Маркс не резко различал между собой азиатский способ производства и феодальный. Если говорить, что все является феодализмом, то мы получаем феодальную кашу в буквальном смысле от Вавилона до Наполеона. У Маркса мы имеем указание на то, почему он отличает все же азиатский способ производства от феодального способа производства. Я полагаю, что это кроется в тех словах, где он говорит о непосредственных отношениях собственников условий труда по отношению к непосредственным производителям. Здесь он говорит, что это каждый раз зависит от степени развития общественной производительности труда. В этом по моему кроется то отличие, которое существует между азиатским способом производства и феодальным способом.

Что характерно для феодального общества? Для феодального общества характерны невозможность ведения крупного хозяйства и разделение земли на мелкие части, которые являются самостоятельными хозяйствами. Для феодального крестьянина является характерной именно полная самостоятельность. И надо сказать одно — что для феодализма регулирование хозяйственных отношений играло действительно второстепенную роль, подсобную роль. Наоборот, крестьянин в феодальном обществе, поскольку он работал на своем участке, выступает и как организатор своего производственного труда.

Что мы видим в Египте? Если перефразировать слова Маркса, крупное хозяйство вызывалось необходимостью общественно контролировать разлив Нила, использовать в хозяйственных интересах, сдерживать его разрушительное действие, причем сооружения для этого возводились руками подчиненного земледельческого населения.

Обвинения тех лиц, которые являются сторонниками теории азиатского способа производства, поскольку они подчеркивают его классовый характер, в том, что они — противники марксистского метода —

и считаю бесспорно неправильными, соглашусь в этом отношении с тем, что говорил т. Ковалев. Надо ставить вопрос так, как ставит его в одной части своего доклада т. Годес: существует ли такой азиатский способ производства, о котором говорили Маркс и Энгельс? Действительно вполне возможно, что если мы подойдем к этому, то в конце концов окажется, что такой формации, которую мы могли бы назвать азиатским способом производства, в природе не существует. В этом и лежит задача всех специалистов, которые так или иначе работают над Востоком, над современностью, над средними веками, или как я над Древним Востоком.

Для характеристики азиатского способа производства можно просто взять два признака, которые дает Маркс в «Письмах об Индии». Он говорит, что стационарный характер вполне объясняется двумя главным связывающими условиями: общественные сооружения являлись делом центрального правительства, и наряду с этим все государство, насчитывающее несколько больших городов, состояло из сельских общин, имевших совершенно замкнутую организацию и представляющих каждая самодовлеющий маленький мир.

Когда мы будем говорить об азиатском способе производства, то мы не должны подменять социальных производственных отношений техническими производственными отношениями. Мы не можем говорить о внеклассовом характере азиатского способа производства, поскольку оно связано с государством.

Любопытно, что у Рязанова, сторонника азиатского способа производства (см. его введение к «Письмам об Индии»), в тексте редактируемого им произведения, в примечании к «Ницше философии», говорится об азиатском обществе, предшествующем классовым формациям, он сам не слишком четко подчеркивает классовый характер азиатского общества в примечаниях к «Анти-Дюрингу». Мы здесь должны с необходимостью подчеркнуть то, что «организаторы» общества в Египте были сконструированы сперва как класс. Вспомним слова Маркса о том, что:

капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием — наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист.

Лишь тогда, когда первобытная община разложилась настолько, что из нее выделилась верхушка, по отношению к которой непосредственные производители попали в положение подчиненное, мог создаться азиатский способ производства. Сперва и в Египте образовался класс, а затем он стал организатором, а не наоборот. Таким образом, я полагаю, что мы имеем перед собой в Египте уже в древнейшую эпоху класс землевладельцев. Но в этот момент землевладельцы, ради усиления своего экономического благополучия, ради того, чтобы выжать в большей степени неоплаченный прибавочный продукт из подчиненного непосредственного производителя, путем улучшения ирригационной системы, начинают создавать отдельные области, самодовлеющие в ирригационном отношении, и начинают конструировать таким образом отдельные небольшие государства — номы. В этот самый момент знать землевладельческая превращается в организаторов и обрастает бюрократическим аппаратом. Она не может подобно феодальной знати Европы просто пользоваться тем прибавочным

продуктом, который производится подчиненным крестьянством, как самостоятельными хозяевами, она может высасывать этот прибавочный продукт именно только организуя хозяйство и обрастая чрезвычайно мощным бюрократическим аппаратом. При чем надо сказать, что именно этот способ высасывания при сравнительно больших потребностях деспотии является настолько жестоким, что о какой-нибудь идеализации азиатского способа производства, конечно, речи быть не может. Насколько действительно жестоко в этом отношении обращались, я могу указать на такой факт, что арендная плата, которую получал владелец за свою землю, согласно одному папирусу Нового царства, равнялась половине жатвы. Но этот владелец получал половину жатвы не от непосредственного производителя, а от жреца, который наверное не сам обрабатывал землю, а передавал в аренду царским крестьянам. Спрашивается, сколько же получится от жатвы у такого несчастного крестьянина после всех этих вычетов.

Работа над ирригационной системой сохранила эту первобытную общину, по крайней мере организацию ее, и после выделения из нее эксплуатирующей ее верхушки, которая, ставши классом, начала регулировать хозяйство. Лишь при сохранении этой общины можно было проводить те общественные работы, которые необходимы были для поддержания ирригации и, таким образом, для возможности усиленного высасывания прибавочного труда из непосредственного производителя. Для азиатского способа производства характерно то, что община именно благодаря необходимости института публичных работ по орошению не распадалась, а искусственно сохранялась, и любопытно то, что это сохраняется вплоть до самого последнего времени, вплоть до Птолемеевой эпохи. Я нарочно буду касаться материала сравнительно позднего эллинистического Египта вот почему: материал ранний дошел до нас все-таки в фрагментарном виде, а от эллинистического Египта дошло довольно много материала, и тут мы имеем возможность лучше видеть те социальные экономические отношения, которые в более раннюю эпоху могут быть установлены только с большим трудом.

Если возьмем древнюю общину Птолемеевского времени со старшиной — жрецами и чиновниками, которые следят за орошением, за пашней и жатвой, которые следят за хранением зерна, то все это чрезвычайно напоминает нам ту общину, которую описывает Маркс. Египетский город назывался городом, но в сущности было «Коме» — деревней, и так называем греками. В египетских городах были ремесленные мастерские, существовали и кварталы ремесленников, при чем люди одного ремесла сосредотачивались в одном квартале и были организованы чиновниками как воины в отряде. По остроумному замечанию Годеса европейские цехи при застое могли развиваться в касты; должен сказать, что это замечание заслуживает внимания, так как касты позднего Египта развились из отрядов ремесленников и воинов более ранних эпох. Поскольку мастерские в городе были большие, это были преимущественно мастерские царские.

Города Египта были тесно связаны с другой стороны с земледелием, как например Иермополь, Текне, о которых мы имеем на этот счет определенные указания. В деревенских поселках земледельцы были вместе с тем и ремесленниками. Это можно доказать на основании эллинистического материала; указание на то, что крестьянки были

ткачихами, мы находим в папирусах доэллинистической эпохи.

Любопытно прибавить то, что говорил Плиний относительно Месопотамии. Месопотамия, первоначально принадлежавшая ассирийцам, была покрыта деревьями; затем македонцы захватили ее и покрыли городами, которых до греков по наблюдению Плиния не было. Что касается вопроса о тех общественных работах, которые могли проводиться только при организации населения в эти деревенские общины, то о них мы узнаем в древнем царстве из декретов, в эпоху нового царства из призывов населения к общественным работам, к устройству дамб, тасканию камней, использованию с.-х. рабочих и т. д. и т. д. При ежегодной работе над устройством каналов и дамб в Птолемеевскую эпоху продолжали работать как раз египетские деревни в порядке барщины, как говорят папирусы. Что касается организации общественных работ именно в этом виде, то это продолжалось в очень позднее время.

Теперь, что касается орошения, то мной собран ряд материалов, которые действительно доказывают, что орошение в Египте играло чрезвычайно крупную, чрезвычайно важную роль, но я не коснусь его здесь за недостатком времени.

Теперь я постараюсь перейти к тому, чем отличалось положение непосредственного производителя, крестьянина, в Египте, от положения крестьянина феодального.

Крестьяне Египта и до-Птолемеевой эпохи и Птолемеевой были крепостными. Для того, чтобы утверждать это, мы имеем целый ряд данных. Они были прикреплены и, таким образом, напоминают крестьян феодальных. То же относится и к тем городским рабочим, которые работали в больших городских мастерских. Крестьяне царя, крепостные царя передавались в другие руки, причем они передавались не в собственность, а в управление и при случае снова переходили к царю. В до-эллинистическую и эллинистическую эпоху царские крепостные работали и на частновладельческих землях. Каково было положение такого непосредственного производителя? Тут мне хотелось бы указать на одну вещь: поскольку государство в Египте вело крупное хозяйство, постольку положение непосредственного производителя в Египте должно было быть несколько иным, чем положение феодального крестьянина. Крестьянин в Египте, во-первых, во многих случаях, владея землей, не владел водой, он пользовался ею только. Возьмем такое выражение в Египте — для того, чтобы сказать, что я нахожусь в подчинении кого-нибудь — говорится — я нахожусь на воде такого-то, я нахожусь на канале такого-то. Мало того. При таком крупном ведении хозяйства крестьяне не обладали собственным скотом; скот получали из рук землевладельца или из рук государства. Посевное зерно, во всяком случае в эллинистическую эпоху тоже выдавалось крестьянину. Таким образом получалось, что непосредственный производитель в Египте начинал терять характер самостоятельного хозяина. Это сказалося например в своеобразном подходе — каким образом доставлялась жатва: вся жатва собиралась чиновниками, так называемыми охранителями жатвы, привозилась в государственную ригу, здесь обмолачивалась и здесь производились расчеты, причем те крестьяне, которые должны были уплатить за посевное зерно, за пользование скотом, должны были

здесь же уплатить. Если они находились во владении частного владельца, они должны были уплатить ему через руки государства то зерно, которое ему полагалось. И лишь только то, что оставалось после всех вычетов, попадало в руки крестьянина.

Таким образом получалось, что крестьянин, непосредственный производитель, работал не как самостоятельный хозяин, и это напоминало положение раба. Любопытно, что в Египте иной раз непосредственный производитель и называется таким выражением, которое мы переводим словом «раб». Мы имеем ряд текстов, где указывается, в каком несамостоятельном положении находятся такие производители. Любопытно, что в этих египетских текстах Птолемеевского времени крестьяне, которые привлекаются для общественных работ, прямо называются словом «раб»; будучи земледельцами, самостоятельными хозяевами в тот момент, когда они отрываются от земли и сгоняются в казармы, работают под кнутом, они называются греческим писателем — «сомата». Мне кажется, что может быть здесь и кроется то объяснение слов Энгельса, что в азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство.

Относительно положения рабов надо сказать, что они находились в особом положении. Различие между крепостным и рабом было очень текучее. Государство рассматривало раба таким образом, что раб мог выступить на судебном процессе в качестве свидетеля против своего господина.

Хотелось сказать о сложности того государственного аппарата, который создала азиатская деспотия. Он был во много раз сложнее, чем то, что знает феодальное государство.

Относительно положения чиновников. Те товарищи, которые указывают, что чиновники это не люди 20-го числа, бесспорно правы. В той работе, которую я пишу, я хотел бы указать, что то своеобразное положение чиновников, откупщиков, которое было в эллинистическом Египте, восходит, кажется, к древнему Египту. Много в этом чиновнике есть от феодала.

Позвольте коснуться вопроса относительно собственности на землю. Это вопрос важный. Надо сказать, что мы имеем ряд указаний в древних египетских текстах, в завещаниях на продажу и куплю. Когда я в свое время выступал на докладе три года тому назад, я приводил примеры продажи и купли. Это казалось бы доказательно, но т. Томсинский указывал правильно на возможность, что частное земледелие в Египте не являлось доминантным. К сожалению, в виду фрагментарности наших источников, трудно сказать, доминантно оно или не доминантно.

Теперь я могу привести новый материал. Мне пришлось работать в последнее время над демократическими текстами. Среди демократических текстов, изданных Шпигельбергом, есть группа текстов, которые говорят о продаже земли со всеми юридическими клаузулами, которые характерны для купли и продажи и которые, казалось бы, должны совпадать с правом собственности.

Когда вы взглянете в эти тексты, то оказывается, что земли, которые продаются, как казалось бы, в полное владение, в сущности не являются частновладельческими землями, а являются землями храмовыми и даже царскими. Те издатели, которые занимались этим,

приходят к выводу, что здесь перед нами не продажа в собственность, а отдача в наследственную аренду.

Относительно вопроса так называемого «государственного капитализма» я должен сказать, что те тексты, которые приходилось собирать, относительно купцов и торговли, указывают, что в тех случаях, когда мы можем проследить, кто такие эти купцы (по контексту), это оказывается — государственные купцы, а в эпоху разложения и купцы храмовые, которым государство предоставляет право на это.

И, наконец, последний момент. Я скажу несколько слов вот о чем — о разложении азиатского способа производства. Именно в тот самый момент, когда крупное земельное хозяйство в государственном масштабе начинает разлагаться — о причинах нам здесь не приходится говорить, мы имеем таких примеров несколько в египетской истории, скажем, в эпоху разложения древнего царства, в эпоху разложения Птолемеевского Египта, — государство, отказываясь от своих прав, дает иммунитеты, дает освобождения от государственной повинности этим отдельным помещикам, этим отдельным землевладельцам, которые откалываются от общегосударственной организации и становятся по отношению к своим крепостным тем, что мы могли бы назвать феодалами; государство уже крепостными не владеет, государство от них отказывается. Мы имеем ряд примеров такой передачи, таких иммунитетных грамот в эпоху разложения. Государство распадается на номы, но в пределах этих номов знать начинает снова организовываться вокруг номархов в целях регулирования ирригации, и происходит новое возрождение азиатского способа производства до известных пределов. Если меня спросят, до какого момента я считаю в Египте наличие азиатского способа производства, то я полагаю так — до эпохи Рима, когда римское владычество принесло иную формацию, чем та, которая существовала до этого.

■
И. Лурье.

Товарищи, политическое значение тех ошибок, которые влечет за собой признание азиатского способа производства как особой экономической формации, было, мне кажется, достаточно хорошо очерчено т. Иолком. В виду того, что времени дается мало, я не буду вторично к этому возвращаться.

Мне хочется здесь остановиться на том, что говорил т. Ковалев. В его выступлении азиатский способ производства получил наиболее четкое и ясное оформление. Именно поэтому его выступление дает гораздо больше материала для того, чтобы показать, насколько неправильно признание такой теории.

Тов. Ковалев очень красочно описывал здесь, каким образом возникает общество с азиатским способом производства, господствующим классом, в котором является класс организаторов производства.

Уже проф. Струве приводил цитату из Маркса, показывающую, насколько неправильно искать причину возникновения господствующих классов в их организаторской роли. Маркс говорит, что организаторская роль капиталистов в капиталистическом производстве бесспорна, но что это следствие, а не причина господства буржуазии

в капиталистическом обществе. Таким образом нельзя искать объяснения господства каких бы то ни было классов, в частности «икс»-ового класса, господствующего при азиатском способе производства, в организаторских функциях. (К о в а л е в с места: Ни слова не говорил об организаторах). Если то, что я говорю, не соответствует вашим словам, то это можно будет выяснить по стенограмме. Во всяком случае то, что класс, господствующий в азиатском способе производства, выделяется на основе его организаторских функций — это точка зрения сторонников азиатского способа производства.

Тов. Ковалев говорил о том, что в азиатском обществе мы имеем дело с недифференцированной частной собственностью на землю. Но вместе с тем т. Ковалев говорил о том, что господствующим классом являются землевладельцы, жрецы и воины. Каким образом при этом получается недифференцированная собственность на землю, — по моему это совершенно непонятно.

Если обратиться к тому материалу, который мне известен больше чем какой-нибудь другой, о котором перед мной говорил проф. Струве, то там мы как раз найдем в очень ярком виде то, что земельная собственность — это собственность дифференцированная. Я должен сказать, что проф. Струве, который выступал в пользу существования азиатского способа производства в древнем Египте, на самом деле говорил в пользу того, что там мы имеем дело с феодализмом. Он указал, что в Египте было крупное землевладение, указывал на документы, из которых видно, что земля являлась объектом продажи, объектом передачи по завещанию и т. д. Документы эти, правда, разрозненные — никаких документов, дающих статистические сведения о земельной собственности в древнем Египте, нет. Однако, можно привести тексты, относящиеся к наиболее древнему периоду египетской истории (эпоха третьей династии), надпись Метена, где говорится о том, что Метен получил по обмену (или по купле) 200 мер земли, вместе с многочисленными царскими людьми. В другом месте этого же самого текста говорится, что тот же Метен получил 200 мер земли, вместе с людьми царскими. Имеется указание, что мать Метена передала ему 50 мер земли по наследству, имеются и другие аналогичные документы. Это называется «недифференцированная земельная собственность»?

Затем имеются в достаточном количестве иммунитетные грамоты, утверждающие исключительные права, исключительные привилегии храмов. Иммунитеты эти даются и царской властью и вельможами. Они ограждают храмы от выполнения различных повинностей, являющихся обязательными для земель всех земледельцев. Если вспомнить указание Маркса о том, что право-привилегии является характерной чертой именно феодального способа производства и что иммунитетные грамоты свидетельствуют именно о таком праве-привилегии, то станет совершенно понятным, как можно говорить применительно к Египту об азиатском способе производства.

Имеется, наконец, документ XX династии — папирус Харрис, в котором описываются владения храмов, находящихся в разных местах Египта.

По суммарной сводке выходит, что во владении храмов находилось 864.168 мер земли, т. е. 14 проц. всей удобной пахотной земли Египта. Земельная собственность эта очень подробно описывается — сколько

мер земли имеет такой-то или такой-то храм, где она расположена. Говорить по отношению к Египту о недифференцированной земельной собственности, мне кажется, совершенно невозможно.

Еще несколько слов о Египте. О каком времени говорил проф. Струве? Он брал эллинистическое время и доказывал существование азиатского способа производства в Египте в ту эпоху. Между тем все сторонники азиатского способа производства, которые выступали здесь или в других дискуссиях или печатно, говорят, что основной азиатский способ производства является необходимость государственного регулирования водопользования. В Египте же в эллинистическую эпоху мы имеем дело с новым элементом в системе орошения, (может быть существовавшим и до того, но это точно установить нельзя) — с наличием колодезной системы орошения (сакие). Колодезная система орошения является таким образом той системой орошения, при которой, по проф. Струве, существовал азиатский способ производства.

Азиатский способ производства в эллинистическое время построен на воде и поэтому, как остроумно сказал т. Годес, сильно подмочен. Такими же подмоченными являются рассуждения о существовании в более древнем Египте азиатского способа производства.

Разрешите еще несколько слов сказать относительно общих теоретических положений, касающихся вопроса об азиатском способе производства. Тов. Иолк приводил здесь цитату из Ленина, которую я позволю себе повторить. В этой цитате Ленин пишет о землевладении в России:

Большей же частью хозяйство ведется крепостнически, т. е. помещики кабалят крестьян, как это было и 100, и 300, и 500 лет тому назад, заставляя их крестьянской лошадей, крестьянскими орудиями обрабатывать помещичьи земли. Это не капитализм, это не европейский способ хозяйства, это по старо-китайски, это по турецки, это по-крепостнически.¹

Для того, чтобы не было сомнения в том, что Ленин понимает под крепостничеством, привел несколько слов из другой статьи Ленина. Здесь Ленин касался вопроса о введении земского самоуправления в Архангельской губернии. Он пишет так:

Почти полвека существует земство дворянское, обеспечивающее безусловно преобладание помещика феодального (по-русски — крепостнического) типа.²

Таким образом в цитате, приведенной т. Иолк, Ленин говорит о феодальном способе производства в старой Азии. Это опровергает утверждение т. Кокина о том, что у Ленина нет ничего решительного ни за, ни против азиатского способа производства.

Можно привести еще слова Ленина из его наброска тезисов по национальным и колониальным вопросам:

По отношению к государствам и нациям более отсталым, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений, надо особенно иметь в виду...

(далее указывается, какие меры надо принять, чтобы преодолеть эти трудности).³ Таким образом никакого азиатского способа производства нет, а есть остатки феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений.

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 459.

² Там же, стр. 254.

³ Там же, стр. 289.

Дальше, в другой статье, которая называется «Пробуждение Азии», Ленин пишет:

Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни в борьбе за азбучные права человека...

Таким образом «одичавшего в средневековом застое» азиатского способа производства как будто не видать. Ленин и здесь довольно четко указывает на то, что мы имеем дело с остатками именно феодальных отношений, а не отношений, возникающих при азиатском способе производства.

В связи с этим я позволю себе вернуться опять к т. Ковалеву и остановиться на его указании о том, что азиатский способ производства так же, как и античный способ производства, никуда не растет. Тов. Ковалев заявил о том, что современного Востока он не касается и что он не оспаривает того, что в современном Востоке мы имеем дело с остатками феодальных отношений. Если это так, то совершенно естественно возникает вопрос, каким образом из азиатского способа производства, который никуда не растет, возникает феодализм, с остатками которого мы имеем теперь дело. Следовательно, приходится предположить либо, что азиатский способ производства куда-то растет, либо что сюда феодализм был принесен европейцами. И то и другое является, мне кажется, достаточно сомнительным предположением. Утверждение о том, что здесь мы имеем дело с остатком феодального способа производства, и с которым тов. Ковалев согласился, само по себе исключает возможность предполагать, что здесь когда-то был никуда не растущий азиатский способ производства.

Не было азиатского способа производства и в Египте. Об этом говорил я, и это же, думается, было ясно для каждого, кто слушал проф. Струве, хотя он и пытается обосновать азиатский способ производства в Египте. В древнем Египте азиатского способа производства не было, не было его и в других странах современного Востока, не было его и в Китае, как здесь товарищи доказывали и, мне кажется, совершенно резонно доказывали. Там был феодализм, со своими, конечно, специфическими особенностями. Совершенно естественно возникает вопрос — а что же делать с теми замечаниями Маркса, которые дают основание говорить о том, что он высказывался о каком-то специальном способе производства, называя его азиатским. Тов. Иолк число таких замечаний сводит к минимуму, и я думаю, что он прав, но все же какой-то минимум остается; бесспорно, что вся та концепция, которую развивают сторонники азиатского способа производства, никакого отношения к Марксу не имеет. Но Маркс все же пишет, что был азиатский способ производства — это остается. Как это понимать?

Я не берусь настаивать на том, что мое понимание правильно. Мне кажется, что здесь следует иметь в виду вот что: везде, где Маркс расшифровал то, что он имеет в виду под азиатским способом производства, везде он говорит об общине. Мне кажется, что вот это является правильным пунктом для правильного понимания выражения «азиатский способ производства».

Если вы помните, тов. Иолк уже указал, что в лекциях о государстве у Ленина нет ни одного слова об азиатском способе производства. Вместо азиатского способа производства, первой общественно-эконс-

мической формации, у него фигурирует общинный способ производства. Некоторые товарищи, не помню точно, кто из тех, которые выступали здесь, говорили, что это, дескать, потому, что Ленин говорил не перед широко подготовленной аудиторией и потому упростил дело. Так понимать Ленина не приходится. Несмотря на то, что ему пришлось излагать сугубо-теоретические проблемы, он всегда излагал их так, что они были понятны самой низовой аудитории. Если Ленин в данном случае не говорит ничего относительно азиатского способа производства, то это не случайно и не объясняется желанием упростить сообразно с уровнем той аудитории, для которой он читал, свои лекции, а объясняется тем, что Ленин правильно понимал замечания Маркса об азиатском способе производства, как указания на общинный способ производства. Если Маркс называет этот способ производства азиатским, то это объясняется тем, что в то время, когда писались его работы, остатки общины в наиболее полном сохранившемся виде были засвидетельствованы для Азии. Я думаю, что это так и что этим объясняется и та последовательность общественно-экономических формаций, которая дана у Ленина.

Вместе с тем, если понять это таким образом, отпадают всякие сомнения относительно того, почему Маркс ничего не говорит о доклассовых общественных формациях. Тогда оказывается, что у Маркса 4-членная формула охватывает и доклассовое и классовое общество. Повторяю: азиатский способ производства был назван Марксом азиатским потому, что в наиболее сохранившемся (правда, разложившемся) виде община сохранилась именно в Азии. Я думаю, что это можно в какой-то мере установить и из третьего черновика письма Маркса к В. Засулич, где Маркс пишет:

Сельская община, будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным фазисом к вторичному образованию, т. е. переходным фазисом от общины, основанной на общей собственности, к общине, основанной на частной собственности. Вторичное образование, разумеется, охватывает ряд общин, покоящихся на рабстве и крепостничестве.

Ни одного слова об азиатском способе производства. Вторичное, т. е. классовое образование, «основанное на рабстве и крепостничестве», т. е. античный и феодальный способ производства.

Таким образом, сельская община — переходная форма от доклассового общества к классовому обществу, — очевидно, и есть та форма, которую Маркс называет азиатским способом производства.

Я думаю, что при таком понимании весь вопрос и вся сложность его, вызванная неправильным пониманием указаний Маркса, относящихся к азиатскому способу производства, сами собой отпадают, и мы получаем совершенно ясную концепцию, нисколько не противоречащую всем основным положениям марксизма.

П. Осипов (Чжу-у-Шан).¹

Все авторы азиатского способа производства и все выступавшие здесь товарищи, мне кажется, довольно много цитировали Маркса и

¹ По техническим причинам везде опускаются иероглифы.

Энгельса; теперь мне придется только доказать вам на фактах, был ли действительности в Китае т. н. азиатский способ производства или нет.

Ввиду ограниченности времени я остановлюсь только на Чжоуской эпохе; если в этой эпохе не было азиатского способа производства, то его не могло быть и позже.

Специфическими чертами азиатского способа производства считаются: 1) искусственное орошение, 2) деревенская община, 3) деспотизм, 4) отсутствие частной собственности на землю.

I. Искусственное орошение. Так как китайская культура зародилась вдоль Хуан-Хэ, на которой происходили частые наводнения, то до эпохи Чжоу, вероятно, производились работы против этих наводнений. К эпохе Чжоу, когда расселение расширилось к северу и югу от Хуан-Хэ, по китайской равнине, эти работы уже не имели особого значения. Орошение специально для земледелия начало производиться главным образом после эпохи Чжоу, а именно в период Чжань-Го, Хань и позднее, когда нужно было увеличивать доходы и расширять эксплуатацию крестьянства. Если речь идет об искусственном орошении в Чжоускую эпоху и о его существовании в цзин-тянь, *то это является чистой выдумкой ученых в эпоху Хань.*

Орошение в т. н. цзин-тянь было якобы сделано очень искусно и в большом масштабе, как например: имелись каналы сю, гоу, си, куай (сю — шириной и глубиной равнялся по 2 чи (чи-футу), гоу — по 4 чи, си — по 8 чи, куай — по 16 чи). От каждого канала была проведена дорога, а именно от сю дорога цзин, по которой могла пройти корова и лошадь, от гоу — дорога чжень, по которой могла проехать большая телега, от си — дорога ту, по которой могла проехать одна пассажирская телега, от куай — дорога дао, по которой могли проехать две такие телеги. Все вышеуказанные каналы соединялись в один большой канал чуань, от него шла дорога лу, по которой могли проехать три пассажирских телеги. Эта дорога шла до столицы Чжоу. Это была система орошения в эпоху Чжоу.

Такие работы по орошению мы видим только в теперешней Америке, *а возможно ли это было при низкой технике и небольшой мощности такого государства, как Чжоу?* Это можно подвергнуть сомнению. Это во-первых.

Во-вторых, так называемая система цзин-тянь, согласно Мэн-цзы и «Чжоу-ли», была не на близлежащих к императорской столице землях (так называемых сян-суй), а на отдаленных, пограничных (так наз. ду-би); в то время, как нам известно, что те земли, которые лежали ближе к столице, были равнинные, а отдаленные — гористые. *Каким же образом можно было осуществлять орошение и систему цзин-тянь в этих гористых местностях?*

Это опять подвергает систему орошения сомнению.

В-третьих, в достоверных древних книгах, напр. «Ши-цзин», «Чунь-цю» и других не упоминается об искусственном орошении. Поэтому слова Маркса и Энгельса о роли искусственного орошения в Чжоуской эпохе *не применимы* тем более, что Маркс и Энгельс непосредственно о существовании азиатского способа производства, в частности об искусственном орошении — в Китае *не говорили.*

II. Деревенская община. Как правильно отмечали сторонники азиатского способа производства, деревенская община, как

соединение земледелия с домашней промышленностью, является характерной чертой всех докапиталистических формаций, но той роли, которую они ей придают в связи с искусственным орошением, ей придавать нельзя.

III. Деспотизм. Мне, товарищи, кажется, что деспотизм является *специфическим видом абсолютной монархии при феодализме в Китае.*

От Чжоу и после китайскому государству в течение нескольких тысяч лет приходилось вести борьбу с кочевниками и против крестьянских восстаний. Напр., Чжоу через жестокую борьбу против Инь, захватили власть; после чего сразу же подавили восстания Гуань-Шу и Цай-Шу. Затем Чжоу-Гун в начале Чжоуской эпохи совершил трехлетнюю восточную экспедицию.

Исходя из этого, ясно, что *Чжоуское государство и его центральная власть возникают вовсе не из общественных функций, исполняемых ими для благополучия всего народа, в виде искусственного орошения, а путем классовой борьбы, путем подавления восстаний.*

После длительной борьбы победившая группа захватывает власть в свои руки и создает свою абсолютную монархию в форме деспотизма, передавая ее по наследству. Роль искусственного орошения *не объясняет* возникновения деспотизма, как не объясняет возникновения государства вообще, поскольку лишь после установления власти в форме деспотизма государство может взять на себя задачи по регулированию орошения, как часть своего государственного дела, если есть в орошении необходимость.

IV. Отсутствие частной собственности на землю. Это является самой характерной чертой азиатского способа производства. Нам надо к рассмотрению этого вопроса подойти со всем вниманием. Нельзя на основе Мэн-цзы «Чжоу-ли», «Гу-лян-чжуань» и европейских трудов, основанных на тех же источниках, строить теорию о существовании цзин-тянь. *Надо подходить к источникам критически, а не тенденциозно.*

Ведь ни для кого не секрет, что такие книги, как «Чжоу-ли», написаны не самим Чжоу-Гуном, а учеными эпохи Хань. Такие случаи для нас не новость.

После сожжения древних книг императором Цинь-Ши-хуаном древней литературы до эпохи Цинь, их осталось очень незначительное количество. В ханскую эпоху и позже, по известным причинам, было написано очень много ложных книг под именем авторов древности, как, например, «Чжоу-ли», которая была, якобы, написана Чжоу-Гуном, «Гуань Цзы» написана, якобы, Гуань-Чжуном, или же в содержание древних книг были включены ложные добавления, напр. к книге «Шан-шу» и пр.

С течением времени шло дополнение этих ложных книг все дальше и глубже. И ложные представления, заложенные в первоначальных неверных источниках, все более усложняются, и в результате получают такие теории, как теория существования цзин-тянь. Иностранные авторы создали целый ряд своих трудов, основываясь на этих недостоверных источниках.

Например, в сочинениях Инь-Чжэна в книге Шан-шу отмечен факт затмения солнца во время императора Чжун-Кана династии Ся.

Этот факт вызвал споры среди западно-европейских ученых. Фактически же сочинения Инь-Чжэна недостоверны и написаны не в эпоху Ся, а в эпоху Дун-Цзинь. Поэтому существование императора Чжун-Кана и факт затмения солнца еще не известны достоверно; а западно-европейские ученые вели об этом споры, основываясь на ложных фактах, подобно тому, как теперь ведутся дебаты о существовании колодезной системы, сведения о которой взяты из недостоверных источников.

До Мэн-цзы никто ни слова не упоминал о книге «Чжоу-ли», и даже больше того, сам Мэн-цзы, говоря о колодезной системе, основывался вовсе не на «Чжоу-ли», а на книге «Ши-цзин». Отсюда ясно, что «Чжоу-ли» написана не Чжоу-Гуном в эпоху Чжоу, а уже после Мэн-цзы.

А как Мэн-цзы вывел систему цзин-тянь?

Мэн-цзы взял за основу следующие слова из «Ши-цзина»:

Сначала дождь идет на общественное поле, а потом на мой частный участок. Только при налоговой системе чжу могут быть общественные поля, следовательно при Чжоуской эпохе была налоговая система чжу (т. е. цзин-тянь) — сказал Мэн-цзы.

Все это довольно ясно показывает, что Мэн-цзы, так косвенно доказывая существование колодезной системы в Чжоускую эпоху, очень туманно представлял себе реальную действительность Чжоу, то-есть Мэн-цзы действительно не знал, какая же система была в эпоху Чжоу. Вот по каким соображениям предположение о колодезной системе у Мэн-цзы неосновательно.

Теперь напрашивается вопрос: а почему же нужно было Мэн-цзы создать теорию о существовании колодезной системы? До и в эпоху Чжань-Го отдельные удельные князья-феодалы вели непрерывные войны между собою за земли, что вызывало крупные и длительные беспорядки. Мэн-цзы, думая найти метод прекращения этого, хотел прежде всего определить границы владений между отдельными князьями, это с одной стороны, и с другой стороны — определить границы между землями отдельных помещиков (цин, да-фу и др.) внутри территорий князей. Поэтому Мэн-цзы, в конце своего ответа тэнскому князю, говорил:

... Гуманная политика начинается всегда с установления границ... Если так, то каждый имеет определенный участок земли, получает определенные доходы, и все везде благополучно.

Таким образом, Мэн-цзы, используя авторитет древности Чжоу-Гуна, создал систему цзин-тянь, которая по существу в Чжоускую эпоху не была.

После Чжань-Го в Циньскую эпоху, вследствие развития торгового капитала, происходила дифференциация землевладения, о чем говорят все китайские историки.

В Ханьскую эпоху эта дифференциация усиливается еще более; например, в докладе Дун-чжун-шу говорится:

Бедные не имеют земли, а обрабатывают ее у богатых и платят за это 50% урожая помещикам.

В Ханьскую эпоху у богатых имеются сотни тысяч му земли, а у бедных — негде воткнуть иголки.

Отсюда ясно, что Ханьские ученые, при таком положении, используя высказывания Мэн-цзы, написали «Чжоу-ли», «Ван-чжи» и др. книги.

Так как тогда имелись необработанные земли, требующие орошения, и которые можно было использовать, Ханьские ученые, говоря о колодезной системе на основе «Мэн-цзы», «Гун-ян-чжуань», «Гу-лян-чжу-ань», прибавили еще к ней и искусно проведенное орошение. Правда, орошение имело место в эпоху Хань, но оно ни в Хань, ни в Чжоу и ни в какую-либо другую эпоху не являлось основной функцией государства, не являлось специфической чертой особой общественной формации.

Теперь я перейду к вопросу о действительном положении в Чжоускую эпоху.

Мне кажется, что в начале эпохи Чжоу Чжоу в своей территории, которая охватывала, примерно, теперешние провинции Хэ-нань, Шань-си, частично Шэнь-си, Хэ-бэй, Шань-дун, Гань-су, была феодальным государством, вокруг которого еще существовали многочисленные родовые группы и кочевники. В центральной территории тогдашнего Китая уже существовала феодальная частная собственность на землю.

В древней истории Китая часто встречаются факты, подтверждающие это положение. Например, такой факт, что в начале Чжоу, когда Чжоу еще не захватили в свои руки власть, феодал Юй и феодал Жи спорили о том, кому из них принадлежит данный участок земли. Является ли этот факт доказательством того, что существовала государственная или частная собственность, можете сами судить, по моему же это доказывает наличие частной земельной собственности.

Дальше. В «Ши-цзине» в отделе Да-Я (глава Чжен-Ан) говорится:

У других есть земля, а ты ее захватил; у других есть человек (по-моему, здесь подразумевается раб. — П. О.), а ты его взял.

Опять — разве это не доказывает факт существования феодальной частной собственности?

Дальше. В начале Чжоу, во время императора Чэн-Вана князь Вей подарил землю Чжун-Шу и Юй-Шу. Во время императора Сян-Гуна князь Чжен подарил Цзы-Чжан 8 уездов, и Цзы-цзо 6 уездов. Случаи, подобные этим, встречаются довольно часто.

Если бы земля принадлежала государству, то каким же образом могли феодалы дарить ее друг другу? Книга «Чунь-Цю» рисует полную картину борьбы феодалов за землю. Будь земля государственной собственностью, такой борьбы не могло бы быть. Все это лишь доказывает, что в эпоху Чжоу существовала частная собственность на землю феодалов и помещиков.

При Чжоу император и удельные князья являются крупными феодальными помещиками, наряду с которыми и ниже которых существуют мелкие феодальные помещики, как, например, Цин, Да-Фу, Ши и др.

«Ши-Цзин» обрисовывает только земельное положение и дела императора и князей, поэтому получается, что будто вся земля принадлежит государству, причем создается впечатление коллективной эксплуатации ими крестьян. На самом же деле это эксплуатация крупных феодалов. И если «Ши-цзин» говорит, что территория всего

мира принадлежит государю, а весь народ есть его слуги, то это не что иное, как обыкновенное выражение феодалов, стоящих наверху феодальной лестницы и считающих всю территорию своей, а нижестоящих феодалов, находящихся в сеньеральных отношениях к ним, своими слугами.

Только так, а не иначе мы должны понимать вышеприведенные выдержки «Ши-цзина». Ведь на самом деле разве в Чжоускую эпоху все население было слугами? Ясно, что слова, выше приведенные из «Ши-цзина», не доказывают принадлежности земли государству.

Когда Чжоу захватили власть от династии Инь, а затем подавили восстания Гуань-Шу и Цай-Шу, и Чжоу-гун совершил восточную экспедицию, то в результате они получили в свои руки много земель. У столицы Чжоу земли обрабатывались крестьянами (мне кажется, рабским трудом), а центральное правительство посылало отдельных лиц (в «Ши-цзине» они носят название «тянь-цзюнь») для управления на полевых работах и для сбора дохода. Это отнюдь не значит, что Чжоу не являлись помещиками-феодалами. На самом деле земли Чжоу (мне кажется, они и являлись тем, что называют Гун-тянь) есть не что иное, как один из видов частной собственности на землю, который и теперь еще существует в Китае. Земли такого вида свободно дарятся и продаются; поэтому земли Гун-тянь вовсе не являются государственной собственностью, так как, кроме земель Гун-тянь, существуют земли князей, Цин, Да-Фу и др. в виде феодальной собственности.

Урожай и продукты домашней промышленности с земель Гун-тянь представитель Чжоуского правительства Тянь-цзюнь собирал и часть сдавал Чжоу. Поэтому крестьяне эксплуатировались Чжоускими феодалами и тянь-цзюнями, или же другими феодалами и помещиками.

«Ши-цзин» довольно ясно обрисовывает это тяжелое положение крестьян. Например, в главе Ынь-фын, в отделе «7 месяц», читаем:

В дни 1-й луны раздаются рога (холодный ветер),
В дни 2-й луны сильный холод,
Без платья, без сермяги,
Как можно кончать год?

Здесь ясно выражена бедность крестьянства, эксплуатируемого крупными феодалами.

Д а л е е:

В 7-й луне поет Цзю.
В 8-й луне прядут (красят) красным и желтым.
Из моего пурпурового самого блестящего
Делают юбку для княжеского сына.

Сопоставив эти две выдержки, видим, что крестьяне, не имея своего платья, из самого лучшего делают одежду для князей-помещиков.

В 6-й луне едят сливы и вишни.
В 7-й луне варят мальву и горох.
В 8-й луне обивают жужубы.
В 10-й луне собирают рис,
Делают из него это весеннее вино
Для представления старости.

Этим всем пользуются помещики, а каково положение крестьян?

В 7-й луне едят тыкву.
В 8-й луне разрезают (вырезают из горлянки) сосуды.
В 9-й луне собирают конопляное семя.
На овощи — цикорий, на дрова — бузину.
Для прокормления нас земледельцев.

Опять сопоставив два последние абзаца из «Ши-цзина», видим положение помещиков и крестьян.

Далее:

В 9-й луне убирают ток в городе (заготавливают гумно).
В 10-й берут (т. е. убирают) хлеб с соломой и зернами.
Просо и пшено (клейкое) долго и скороспелое.
Хлеб (рис), пеньку, горох, пшеницу.
Ай, наши земледельцы, когда приберут хлеба,
Поднимаются держать дворцовые, домовые работы,
Днем за осокою (на покрывку домов),
Ночью выют веревки.
Поскорее принимайтесь за дом,
Этим начинается сеяние ста сортов хлеба.

Все эти выдержки ясно нам показывают отношение феодалов-помещиков к крестьянам при «добродетельном» Чжоуском правительстве, которое, якобы, существует для общего благополучия всего народа, как часто говорили Конфуций, Мэн-цзы вплоть до современных наших Кокина и Папаяна.

Со времени Чжоу-сюань-Вана (т. е. 800 год до нашей эры) была длительная война за большее овладение землей. Вообще говоря, в начале Чжоу было 1 800 государств, затем остается десять слишком. Во время Чжань-Го существует только 7 крупных князей. До и во время Чжань-Го мы имеем только факты, говорящие о концентрации земли, о дифференциации социальных группировок, «о бедствиях населения от феодальных войн». В «Ши-цзине», в главах «Шо-чжи-хуа», «Хэцао-бу-хуан», «Сяо-я: да-зун», «Вей-фын: фатань» довольно ясно обрисовывают это положение, как например:

Ай, мы взяты на эту экспедицию,
Как будто мы не люди...

Затем:

Если бы я знал, что я так,
То лучше б я не родился...
Люди едят, а никто не сыт...
Не сеешь, не жнешь,
Как же берешь хлеб с 300 закромов.
Не ловишь, не охотишься,
Как же я вижу на твоём дворе повешенного барсука.

Исходя из вышесказанных фактов, мы можем убедиться в том, что, во-первых, государственной собственности на землю не было, а земля принадлежала отдельным феодалам-помещикам, которые вели беспрерывные войны за расширение своих земель. С развитием торгового капитала земли все более и более концентрируются в руках феодалов.

Во-вторых, эксплуатация крестьянства является жестокой эксплуатацией феодалов, что вызывало крайнее бедствие среди крестьян и социальную дифференциацию.

В третьих, деспотия, как форма государства, есть *специфический вид абсолютной монархии в Китае при феодализме*. Создание концентрированной власти, ее укрепление и существование, обуславливается частыми подавлениями крестьянских восстаний и борьбой с кочевниками.

В четвертых, искусственное орошение в Чжоу и позже не являлось *главной работой государства, на базе которого возникает централизованная власть*. Наоборот, Чжоу захватили власть в свои руки и создали централизованную власть лишь через жестокую борьбу, которая шла по двум направлениям: 1) борьба с другими феодалами, 2) борьба с крестьянскими восстаниями.

Поэтому эпоха Чжоу, как общественная формация, являлась *специфическим видом феодализма*, имевшая свои специфические отличия феодализма других стран, как, например, германский феодализм имел свои специфические черты, в отличие от русского, русский от французского и т. д. Но эпоха Чжоу отнюдь не являлась как общественная формация так называемым азиатским способом производства; совершенно правильно по этому поводу подчеркнуто в резолюциях VI съезда КПК, под руководством Коминтерна, что если говорить, что общественная экономика Китая и сельское хозяйство перерастают из азиатского способа производства в капитализм, то это является ошибкой, так как отличительные черты азиатского способа производства, в особенности отсутствие частной собственности на землю, противоречит действительности Китая.

Т. Кокин и Папаян, как вы думаете, это верно или нет?

В виду ограниченности времени, я не останавливаюсь на высказываниях Маркса и Энгельса об азиатском способе производства и на политических оценках этой неправильной точки зрения об азиатском способе производства и присоединяюсь к выступлению по этому пункту т. Иолка.

Хочу еще сделать одно замечание относительно *классовой сущности джентри*. Джентри по нашему есть шень-ши, или хао-шэнь, они происходят из бывших ши, да-фу, т. е. феодальных помещиков, как дворяне в старой России. Почти все из них имеют землю, но даже те, которые земли не имеют, все равно используют политические привилегии, эксплуатируют крестьян, организуют минь-туани и подавляют крестьянские восстания. Фактически *джентри есть политические представители помещичьего класса*. VI съезд КПК верно отметил в своих резолюциях по этому вопросу следующее (курсив мой. П. О.):

«Эксплуатация крестьянства в системе аренды земли, не только из аренды частной собственности помещиков, но и из аренды общественных земель, как, например, клановых, земель кумирен и храмов предков. Рента с так называемых общественных земель внешне кажется доходом общественного учреждения, а фактически является доходом джентри. Джентри, держа общественные земли, получая ренту от арендаторов, экономически есть помещики. Джентри есть название классов древних китайских ши, да-фу (аристократии); теперь чиновники, офицеры, даже богатые купцы, все называются «джентри-купцы». Раньше всего в Китае класс помещиков — есть класс джентри. Сейчас в китайской деревне все люди, сдающие землю в аренду, и богатые, все являются джентри и имеют кое-какие политические привилегии. Джентри, обанкротившиеся, хотя сами и не владеют землей, однако, имея политические привилегии, часть из них могут, держа так называемое общественное имущество, фактически являются помещиками. Класс джентри-помещиков есть господствующий класс при китайском феодализме, есть класс,

который осуществляет политическое угнетение китайского крестьянства. Имеется другое явление, помещики для подавления крестьянских протестов организуют минь-туани, вследствие этого они имеют возможность захватить территории и превратиться в милитаристов, еще сильнее эксплуатируют крестьянство, захватывают крестьянские земли и превращаются в еще более крупных помещиков».

Отсюда ясно, что джентри не являются *вовсе пережитком азиатского способа производства, а есть не что иное, как пережитки феодализма — помещики*; именно исходя из этого, КПК выдвинула лозунг «Долой джентри!»

Наконец, по мнению Кокина, в Китае существовал азиатский способ производства, а теперь существуют пережитки феодализма. Спрашиваю, когда был переходный период от азиатского способа к феодализму? Я думаю, что т. Кокин не может дать нам удовлетворительного ответа и даже не сможет ответить вообще, а признание Кокина пережитков феодализма в Китае есть не что иное, как признак его отказа от неправильного взгляда на азиатский способ производства. Мне кажется, т. Кокин теперь занимает по этому вопросу примиренческую позицию; мы пока еще ждем его полного отхода, чтобы вместе бороться за марксистско-ленинскую точку зрения, извращение которой приводит к *ошибочным выводам*. Поэтому эта борьба является одной из важнейших задач на фронте марксистов-востоковедов.

И. Плотноков.

Товарищи, тут нужно прежде всего покончить с одним недоумением. Часть выступавших докладчиков, с речами которых я имел, к сожалению, возможность познакомиться лишь по стенограммам, не всегда верным, в частности т. Годес и отчасти т. Иолк, старались провести такую точку зрения, что Маркс не знал особого азиатского способа производства. Нужно во всем знать меру. Когда мы имеем совершенно ясные, недвусмысленные высказывания Маркса по этому вопросу, то только схоластическая или талмудическая интерпретация Маркса может показать то, чего у него нет.

Тут неоднократно ссылались на предисловие к «К критике политической экономии». В предисловии совершенно ясно сказано, и каждый может прочесть, что Маркс рассматривает четыре способа производства: азиатский, античный, феодальный и капиталистический способ производства. Тов. Иолк пробовал доказать, что здесь речь идет о способе производства в узком смысле слова, как тогда, когда Маркс говорит о ремесленном или мануфактурном способе производства и т. д.

Если слово «азиатский» возбуждает такого рода недоразумения, то есть три остальных способа — феодальный, буржуазный и т. д. Трудно говорить, что Маркс подразумевает под ними такие способы производства, как ремесленный и другие. Дело безнадежное — пытаться доказать, что Маркс не написал того, что он написал.

Я не являюсь сторонником того взгляда, что каждую букву Маркса надо понимать так, как она написана. Мы были свидетелями многих примеров, что люди, составлявшие свои произведения из цитат из Маркса, расходились в этих произведениях коренным образом со взглядами Маркса. Но во всяком случае я думаю — это результат

моего долгого опыта — что раньше, чем мы решаемся отбрасывать то или другое мнение Маркса, необходимо иметь совершенно достаточные основания для того, чтобы его отбросить, совершенно достаточный фактический материал для того, чтобы это сделать. Между тем, этого фактического материала, который позволяет утверждать, что Маркс ошибался — лучше, честнее уже так говорить, это говорил т. Годес — этого фактического материала, достаточных оснований они не имели.

Я имел возможность недавно познакомиться с двумя интересными произведениями по Китаю, с новейшими произведениями буржуазной мысли, с трудами Масперо и Гранэ. Здесь мы находим действительно феодальный способ производства в Китае, это сказано совершенно ясно. Хотя это говорится сторонниками, представителями буржуазной мысли, нет ничего плохого — учиться у своих противников, если есть к этому достаточные основания. Но когда я читал эти книги, то у меня получилось впечатление, что речь идет не столько о подлинном истолковании фактов китайской истории, сколько о перенесении на Китай тех отношений, которые воспитаны всей классической (латинской, греческой) культурой и позаимствованы из Европы, перенесены на отношения, существующие в Китае. Например, Масперо, говоря о времени династии Чжоу и о более древних временах, видит перед собой Илиаду Гомера и переносит гомеровские отношения на Китай. Здесь сказывается, прежде всего, неумение подходить конкретно к историческим вопросам, привычка мыслить готовыми формами и готовыми образами.

Можно было бы поставить вопрос таким образом:

Знал ли Маркс феодализм? Насколько я мог уловить мысль Годеса по стенограмме, он считает, что мы не должны держаться за высказывания Маркса 1847 года, но установку ясную, недвусмысленную, об азиатском способе производства мы находим в предисловии «К критике политической экономии», которое написано в 1859 году и которое является, нужно это подчеркнуть, окончательным резюме выработанных уже за 14 лет до этого времени в «Немецкой идеологии» взглядов, завершивших материалистическое понимание истории.

Знал ли Маркс, спрашиваю я, феодализм? Конечно, Маркс многого не знал, так, например, он не знал до-классовых общественных отношений — об этом прямо говорит Энгельс в известном примечании к «Манифесту коммунистической партии». Но что касается феодализма, то Маркс несомненно имел о нем гораздо более отчетливое представление, чем обо всем предшествующем. Об этом свидетельствует хотя бы степень развития исторической до-буржуазной науки о феодализме в Европе. Об этом свидетельствует также целый ряд замечаний, которые мы находим в «Капитале». Надо сказать, что Маркс — и Энгельс об этом говорит в «Анти-Дюринге» — глубоко и основательно изучал до-капиталистические общественные отношения. Рассматривая вопрос о том, в чем выражаются заслуги Маркса в области ознакомления человечества с ходом его экономического развития, Энгельс говорит, что Маркс по отношению к капитализму дал нам экономический закон движения общества. Энгельс, как известно, в этой части высказывается в пользу политической экономии в широком смысле слова и продолжает: то, что сделал Маркс по отношению к капиталистическому обществу, того не было сделано еще по отношению ко всем прошлым

общественным формациям, но все, что существует на этот счет, — дано Марксом. И Маркс неоднократно касается вопросов прошлых общественных отношений. Известны, конечно, всем его главы в III томе «Капитала», где он рассматривает до-капиталистические формы и их разложение. Мы не имеем систематической работы в этой области, но знаем, что Маркс интересовался не общими схемами. Он делал выводы свои на изучении конкретного материала. Одним из любимых его произведений, относящихся к античной истории, которой Маркс так много занимался, является известное сочинение Аппиана относительно гражданской войны в Риме. Из писем мы знаем, что он читал ряд появившихся произведений, касавшихся мусульманского Востока и тех общественных отношений, которые там были. Индией он чрезвычайно много занимался, как со стороны теоретической, так и со стороны политической, потому что понимал огромное значение, которое имеет Индия для господства Англии. Следовательно, Маркс изучал весь тот материал, который тогда имелся. Но если мы возьмем большие произведения буржуазной науки, относящиеся к Китаю, которые я упоминал, то прежде всего бросается в глаза то положение, что они вообще не знают и даже не имеют представления о том, что существуют хотя бы предположения об азиатском способе производства. Буржуазная наука в этом отношении, вообще говоря, всегда очень пренебрежительно относилась к марксизму, одно время пытаясь доказать, что это вообще не научная теория и т. д., часто хоронила марксизм, хотя заимствовала из его арсенала целый ряд идей. Это делали, повторяю, представители буржуазной науки. Гранэ и Масперо вообще не знают, что кто-то когда-то защищал существование азиатского способа производства. Получается впечатление, что они просто переносят на Китай те обычные представления, к которым они привыкли в процессе своего индивидуального развития на основании изучения Европы. Ясно, что такая точка зрения не может считаться ни доказательной, ни убедительной.

Я говорил о том, что Маркс основательно изучил материал своего времени и что допустимо критическое отношение к Марксу, если существует новый материал.

Перечитывая внимательно стенограммы, я не видал, чтобы кто-нибудь из авторов указывал на существование такого нового материала.

Перехожу к картине, к схеме азиатского способа производства. Первый упрек по адресу выступавших товарищей заключается в том, что они выявили себя чистокровными социологами, рисующими схему, но совершенно не интересующимися тем конкретным важнейшим историческим материалом, известное чутье и понимание которого должно быть, конечно, у каждого историка. Индивидуальное, особенное у них совсем исчезло.

Начнем прежде всего с упрека, который делает в своей речи т. Иолк, а именно, что признание влияния географической среды на развитие общества — есть механистическая ошибка. Совершенно правильно, что у Плеханова в некоторых его высказываниях влиянию географической среды придано чрезмерное значение. Однако, на ряду с этим, мы находим у него совершенно правильные мысли по этому поводу. Неверно, будто основная марксистская мысль заключается в том, что географическая среда не оказывает влияния на ход исторического

развития. Марксистская мысль гласит, что непосредственного, прямого влияния географическая среда на «дух народов», как говорили в начале XIX столетия, не имеет, а есть влияние через посредство процесса производства. Это называется косвенным влиянием, и оно, конечно и несомненно, существует.

Это значит, когда речь идет, скажем, о Гегеле, о схеме, данной им в «Философии истории», то он, как на частностях показал т. Ковалев, высказывает довольно здравые материалистические мысли о влиянии материальной среды, но целиком и полностью для его схемы материальные условия развития человечества не играли никакой роли, это был процесс развития человечества к свободе. Материалист так не может подходить к этому вопросу. Люди, и это основа учения Маркса, — вынуждены бороться с природой, ее преобразуют, на этой основе изменяются их производительные силы, и в известной степени их развитие определяет форму производственных отношений, которые сами становятся формой или законом дальнейшего развития производительных сил до известного предела, когда развившиеся в ее недрах производительные силы больше несовместимы с ее формой отношений; люди борются с природой не в безвоздушном пространстве, а в определенной природной среде, и отвлекаться от этих условий — значит не быть марксистом.

Могу привести несколько примеров для доказательства этого положения. Скажем, когда мы рассматриваем античный способ производства, развитие античной рабовладельческой общины, мы видим очень определенную существовавшую связь рабовладельческого способа производства с известным географическим местоположением. Это в основном средиземноморская культура, идущая на запад, с одной стороны, и на восток — с другой стороны, доходившая в известные эпохи вплоть до Индии, до Британии, до Урала и т. д. Но целиком и полностью ее расположение, ее стержень, ее основа — есть определенные торговые пути, и расположение этих торговых путей несомненно связано с известными географическими условиями, от которых ни в каком случае отвлекаться нельзя.

Мы находим в той же самой Греции в эпоху расцвета Эллады районы, резко различные по своему социальному уровню. Скажем, — отсталую, феодальную Фессалию или Беотию рядом с пышным расцветом Афин или Коринфа. В чем причины этого? Для меня нет сомнения, что если брать исходную эпоху Греции, то состояние греческих городов, разбросанных в разных частях полуострова, было приблизительно одинаково. Дифференциация наступила позже. Дифференциация эта находилась в связи с развитием торговли, которая оказала в этом отношении большое влияние на те районы, которые находились в наиболее благоприятных для торговли условиях. Известно, что в западной Азии мы находим впервые наибольшее развитие торговых отношений и всей античной культуры в тех частях, заселенных греками, которые расположены на малоазиатском побережье. Тут совершенно очевидно влияет определенное географическое положение не в смысле климата или почвы, а географическое положение по отношению к более развитым, чем греки, культурным народам. Значит, утверждать, что, вообще говоря, марксист не должен ни в коем случае касаться при изучении развития человеческой истории географических условий, именно в том

смысле слова, о котором я говорю, это по существу значит не быть марксистом, это противоречит целому ряду высказываний того же Маркса и Энгельса. Не географические условия сами по себе, а географические условия, как та материальная основа, на которой люди борются с природой и которая не может не оказывать влияния на их развитие, должны безусловно приниматься во внимание. Нужно строго подчеркнуть следующее обстоятельство: исторические законы, т. е. законы социального развития, не суть законы географические. Скажем, если Нилу принадлежит большое значение в истории древнего Египта, то законы, которые лежат в основе развития древнего Египта, не суть законы, связанные с Нилом. Это законы, связанные с определенной общественной формацией, социальные законы. Но это общество развивалось определенным образом потому, что людям приходилось бороться с природой в определенных естественных условиях, — общество развивается по тем законам, которые вытекают из данной социальной формации. Почему я останавливаюсь на этом вопросе? Я останавливаюсь на нем потому, что, как известно, в целом ряде высказываний Энгельса и Маркса придается огромное значение и рассматриваются по существу, как специфическая область так называемого азиатского способа производства, те районы, в которых в борьбе земледельческого населения на ранних ступенях развития с природой большую роль играло регулирование орошения, борьба против наводнений, одним словом, большую роль играла та вода, относительно которой довольно удачно острит т. Годес, что она подмачивает все построение. Ничего не поделаешь — она подмачивает не только построение, но и людей, которым приходилось с этой водой бороться и ее регулировать.

Тов. Ковалев ссылался тут на историю древнего Египта, который действительно можно считать одним из наиболее чистых типов азиатского способа производства, хотя он расположен в Африке. Известно, это установленный факт, на который, однако, буржуазные исследователи обращают недостаточное внимание. Интересно влияние этих фактов на социальную структуру; какую огромную роль играли работы по орошению и регулированию орошения рек в древнем Египте, какое влияние они оказали на структуру общества, — не Нил, как таковой, а необходимость для людей в борьбе с природой иметь дело с определенными условиями производства, совершающегося и не могущего не совершаться в определенных естественных условиях.

Маркс и Энгельс в своих высказываниях, наоборот, подчеркивали важное влияние этих отношений, этих моментов. Теория, которая стремится показать весь ход развития человечества, совершенно отвлекаясь от естественных условий, в которых имеет место это развитие человечества, от условий борьбы человека с природой, такая теория скорее может быть названа гегелианской, но ни в каком случае не может быть названа марксистской теорией.

Заметим, что это относится не только к древним культурам, к которым относится в большей степени, но и к новым культурам. Это особенно важно знать историкам. Совершенно очевидно, что историк, который изучает современную Европу, развитие капиталистических государств, должен будет считаться с целым рядом условий, относящихся к географической среде; как, например, с положением Англии, без этого

он ничего не поймет. У Маркса в одном месте в «Манифесте коммунистической партии» высказаны соображения на счет причин развития капитализма. Тут мы сталкиваемся с одним чрезвычайно интересным вопросом мировой истории. В Европе мы находим феодализм, феодальные отношения. Представители того взгляда, что не существует особого азиатского способа производства, — феодальные отношения находят повсюду, во всем мире. Я покажу, что это не случайно, что они пощадили античный способ производства. У них получается только две формации, если отвлечься от данного класса, от данной общественной формации: до-капиталистическая, феодальная формация и капиталистическая формация — больше ничего нет. А между тем является несомненным факт, что если это признать, то надо признать, что классовое общество возникло в центрах древней культуры, за много тысячелетий до появления классового общества в Европе. Существовал феодализм, и он никуда не шел, ни во что не развивался; в Европе он просуществовал максимум 700 — 800 лет, от IV — V века нашей эры до XIII — XIV века; в одних странах до XV, в других — как в итальянских республиках — до XII века. Затем стал развиваться в направлении капитализма.

Я рекомендовал бы сторонникам этого взгляда подумать, чем объясняется тот замечательный факт, что только в этом маленьком уголке земного шара начал развиваться капитализм. Маркс указывает на причину этого. Знаете, в чем он видит причину — ужасная вещь — в географическом факторе, в открытии Америки. Если бы не была открыта Америка, то может быть феодализм (я не утверждаю этого, но поскольку Маркс говорит о влиянии открытия Америки, то может быть) продолжал бы дальше существовать. Во-первых, на существование феодализма в течение многих веков повлияло не открытие Америки, как таковое, а то, что связано с этим, те изменения в общественных отношениях, в развитии торговых путей и мирового рынка, который значительно, в огромной степени расширил возможности и формы сбыта продуктов, производимых в узких рамках ремесленных цехов и ограниченных районов, выбрасывание этих продуктов на обширный мировой рынок, вынужденный переход к новым, более развитым формам производства, создание капиталистической кооперации, создание широкого рынка, для которого недостаточно было цеховое, ремесленное производство — вот то, что в высокой степени содействовало, если не было причиной превращения Европы феодальной, перехода ее в капиталистическое общество.

Что в этом взгляде есть несомненно доля правды (а взгляд этот нуждается в дальнейшем углублении и развитии) — показывает такой пример.

В Европе капитализм появляется дважды. В первый раз он появляется, начиная с XI — XII столетия, в Италии, в республиках Амальфи, Генуе, Пизе, Венеции, где мы находим даже такие высокие формы капиталистического производства, какой является капиталистическая мануфактура. Это связано было с отношениями довольно широкой мировой торговли того времени. Итальянцы были монополистами торговли с Востоком вплоть до открытия морского пути вокруг Африки, переворота, который положил конец гегемонии и высокому капиталистическому развитию итальянских республик, перенеся центр

тяжести капиталистического развития в соответствующие районы Западной Европы, сначала в Испанию, потом во Фландрию, Англию и т. д., так что капитализм как бы появляется дважды, и оба раза он появляется в связи с развитием, довольно широкой для данной эпохи, мировой торговли.

Все эти факты как будто нам показывают, что действительно нельзя быть марксистом в истинном смысле этого слова, если наплевать на географический фактор, если рассматривать ход социального развития как некоторый имманентный ход, совершенно независимый от условий, в которых человеку приходится бороться с природой. Тут, если вы сказали «а», то необходимо сказать также и «б». Если вы стоите на марксистской точке зрения, которая гласит, что в основе развития человеческого общества лежит трудовая борьба человека с природой, то необходимо условия этой борьбы исследовать. Они представляют собой конкретные, реальные условия, которые не могут остаться без влияния ни на характер производства, ни на структуру общества. Но еще раз повторяю — это не значит, что законы развития общества — географические законы. Это есть социальные законы, но социальные законы, присущие общественной структуре, которая возникает на основе определенной формы борьбы человека с природой. По отношению к азиатскому обществу мы имеем то же самое. Название это не совсем точное, Египет, например, лежит в Африке, да и кроме него можно назвать примеры стран, лежащих даже вообще не в евро-азиатском континенте, например, Мексика, Перу. Достаточно прочесть даже старую книгу, трактующую об этой стране, книгу Прескота. В этой книге вы найдете чрезвычайно большую аналогию во многих отношениях с тем, что можно считать характерным для азиатского способа производства, что встречается в Китае, вплоть до мелочей. В Мексике — говорит Прескот — вся крестьянская земледельческая молодежь, достигавшая определенного возраста, должна была вступать в брак в определенный день. В книге Гране я нахожу то же самое — в Китае фиксировался определенный день, день урожая, когда юноши должны были ухаживать за девушками и заключать браки.

Затем мы находим также указание на большую роль, которую играли общественные склады, служившие для поступающих с населения натуральных поборов, обеспечивавших выполнение общественных работ. Это все характерно для азиатского способа производства, связанного с развитием общества в определенных географических условиях. И напугать нас тем, что признавать значение географических условий значит быть механистом — нельзя. Тогда мы скажем, что не признавать значения географических условий, в которых происходит борьба человека с природой, значит быть идеалистом.

Тут перед нами стоят следующие вопросы: было сказано, это можно подметить в стенограмме, что с точки зрения противников азиатского способа производства в истории классового общества существует только две формации: феодальная формация и капиталистическая формация, ничего другого не существует. Я знаю одного человека, который предложил еще большее упрощение. Он был несколько лет тому назад исключен из итальянской коммунистической партии — это Грациани, который написал ряд книг, где критиковал экономическую теорию Маркса. Он удивляется — зачем Маркс столько рассуждает насчет

капитализма, рассматривает все его формы, когда просто доказать факт эксплуатации рабочих капиталистами. Его рассуждение таково: кто все создает? — Рабочие. Достается все это рабочим? Нет. Значит, они эксплуатируются. А тут написаны три тома «Капитала», чтобы доказать это положение, чтобы установить факт эксплуатации.

Товарищи, защищающие соответствующие позиции, мне очень напоминают рассуждения Грациадеи. Я думаю, что не мешает сказать несколько слов о том, почему Маркс написал три тома «Капитала», а не ограничился тем, что предложил сделать Грациадеи. Это внесет ясность в вопрос о до-капиталистических общественных формациях. То, что предложил Грациадеи — это подошло бы любому утопическому социалисту. Их никогда не интересовали тонкости, их интересовали не грубые конкретные факты. Они рассуждали так: это плохо — надо уничтожить плохое и создать хорошее, чтобы эксплуатации не было. Но Маркс был научным социалистом. Научные социалисты не просто говорят об эксплуатации, об этом и до Маркса говорили и говорили много. Быть научным социалистом — это значит найти в самой общественной форме выход для перехода в новую общественную форму, найти реальное основание для практической деятельности людей. Маркс так хорошо знал Гегеля и замечательное выражение Гегеля о том, что идеал это не хорошая вещь, которая никогда не осуществляется, идеал имеет силу осуществиться, но сила его осуществления кроется в самих общественных отношениях, из которых вырастает то, что является сегодня идеалом, и то, что завтра станет действительностью, новым общественным укладом. Марксу надо было показать, как с неминуемой неизбежностью, подобно историческому року, капиталистическое общество, в силу действующих в нем законов развития, само создает своих могильщиков, само создает те материальные и социальные условия, которые ведут нас к новому общественному строю. Но это не может быть ни доказано, ни показано, если мы будем просто говорить о том, что существует эксплуатация рабочих. Для этого необходимо рассмотреть конкретно, во всех специфических особенностях, общественные формы, ибо внутренне и имманентно социализм вытекает только из капитализма. Что же вытекает внутренне и имманентно из феодализма, из рабовладельческого способа производства? Правда, мы знаем, что там появилось что-то вроде коммунистического идеала, например в «Республике» Платона, но в основах этого способа производства не было имманентности, здесь не был заложен переход к социализму. А чтобы доказать это, нужно рассмотреть определенные формы, в каких формация развивается, рассмотреть все противоречия, вытекающие из ее специфических свойств.

Тов. Годес и другие защитники той же точки зрения все крайне упрощают. Выходит так, что в истории существуют только две формы присвоения прибавочного продукта, присвоение прибавочной стоимости и прибавочного продукта. И там, где эксплуатация производится в форме присвоения прибавочного продукта — там феодализм, где эксплуатация производится в форме присвоения прибавочной стоимости — там капитализм. Такая точка зрения неверна, коренным образом неверна (Г о л о с: Интересно, где она была высказана? Другой г о л о с: Здесь. Это я в стенограмме совершенно определенно прочитал. Ну, допустим, я поставлю вопрос условно — если в свете двух форм, тогда то, что я

сказал, совершенно правильно: одна форма — прибавочный продукт, другая — прибавочная стоимость. Азиатского способа производства вы не допускаете, самое большое, на что вы соглашаетесь, — существование античного способа производства. Предполагая, что вы его допускаете, спрашиваю, что вам придется сделать с тем, что по-вашему является основным моментом, определяющим развитие общественных формаций, с формой присвоения прибавочного продукта, по отношению к античному способу производства? В чем специфичность этой формы присвоения прибавочного продукта? Единственная специфичность, которую вижу и которая отличает античное общество от феодального общества, заключается вот в чем: раб работает не на свое хозяйство, не существуют рядом хозяйства помещика и хозяйства раба, крепостной отдает часть продуктов своего хозяйства и часть своего труда, работая в хозяйстве помещика. Все это характерно для феодализма, этого нет в античном способе производства, где имеются громадные латифундии, рабы работают в этих латифундиях, и весь продукт принадлежит рабовладельцу, он получает все и часть этого продукта дает тем, кто его вырабатывал, для непосредственного существования. Это является довольно значительным различием, а с вашей точки зрения различия не существует. То, что получает рабовладелец в первом случае и феодал во втором, — можно назвать прибавочным продуктом несомненно, потому что это не прибавочная стоимость. Значит, вам приходится различать между самим прибавочным продуктом. Говорить только о форме высасывания прибавочного продукта для определения общественных формаций еще очень недостаточно. Это, пожалуй, напоминает выражение Грациадеи, что рабочий не все получает, значит его эксплуатируют и нечего мудрить. В истории надо немножко побольше мудрить, надо немножко побольше тонкостей, побольше конкретности, иначе у вас получается голая схема, с которой ничего не сделаешь, тем более вам, историкам, быть сторонником голой схемы, отворачивающейся от всего своеобразия фактов, совершенно не подходит. Если мы не ограничимся фактом, что во всех общественных формациях происходит эксплуатация, и пожелаем выяснить формы этой эксплуатации, то тогда окажется, что нам нужно в до-капиталистическом обществе различать несколько формаций. И Маркс различал несколько формаций, подмечая специфические особенности и характерные черты каждой. Тов. Годес по существу соглашается с этим, он согласился с тем, что в Китае был своеобразный феодализм, не такой, как в Европе, а со своими своеобразными чертами. Однако, весь свой доклад он построил на том, чтобы доказать, что ничего своеобразного в Китае не было.

После критической части, разрешите мне остановиться на части положительной. Вопрос, серьезный вопрос, о котором хотя и много говорили но все-таки очень мало сказали, — это вопрос об общине. А, между тем, формы ее разложения являются чрезвычайно важными для выяснения того классического общества, которое возникает из этого разложения.

Я обращаюсь к историческому материалу и вижу три формы разложения общины. Одну форму разложения я нахожу в античном обществе. Известно, что античное общество с начала своего исторического существования ни в Греции, ни в Риме не знает крестьянской общины, а имеет частную собственность на землю. В средние века известна об-

щина, которая присуща германским народам в первые века нашей эры и о которой пишет Цезарь в своих «Комментариях к галльской войне». В эпоху написания «Варварских правд» (VI — IX век нашей эры) окончательно сформировалось феодальное общество. Никто не поставил так вопрос: чем отличается азиатская община, индусская община от европейской? Слово «община» всем знакомо, но это понятие историческое, и необходимо напомнить, что надо быть конкретным. Что представляла из себя европейская община, походила ли она на индусскую или не походила?

Индусская община, о которой говорил Маркс, представляет из себя коллективное хозяйство. Это общее хозяйство, которое организует всестороннее удовлетворение нужд своих членов и внутри которого обмена не существует. Европейская община не была таковой. К тому времени, как она сложилась, уже перестала быть коллективным хозяйством, но коллективным хозяйством была раньше, в некоторых странах Европы очень поздно, в России до XIX века в некоторых районах, — как доказала Ефименко в своем исследовании, посвященном русским патриархально-родовым отношениям в некоторых северных губерниях.

Что представляла собой европейская община? Индивидуальные крестьянские хозяйства, которые сообща распоряжались землей; эта земля делилась между отдельными крестьянскими дворами, получавшими определенный надел, ставший очень рано наследственным наделом, и даже наделом, дробившимся между этими дворами; затем — угодья общего пользования. Уничтожение этих угодий впервые произошло в Англии в XVI веке и затем в большей степени в XVIII веке. Наша русская община сохранила эти особенности самая последняя. Исторически вопрос шел о том, что представляют принудительные переделы, происходившие там. Русская история доказывает, что эти переделы, которые мы не встречали в позднее время в европейской общине, были связаны с фискальной политикой московского государства. На индусскую общину эта община не похожа. Вот вам одно различие, может быть несущественное. В выступлении т. Иолка есть такая замечательная фраза: «Класс собственников ничего не меняет в сущности производственных отношений», а Маркс говорил, извольте ли видеть, в предисловии к «К критике политической экономии», что собственность и формы собственности — это то, что различает общества различных формаций, потому что для Маркса форма собственности есть не что иное, как оборотная сторона производственных отношений. Он различает феодальную собственность, буржуазную собственность и т. д. — тут перед нами определенные формы собственности. И тут коллективная, в известном смысле слова, собственность и там коллективная собственность, но там коллективная собственность — в Индии, в восточной общине, другого типа, чем в азиатской общине. Различие этих форм и типов вызывает также и различие в их разложении.

Теперь вопрос о классах, о возникновении классов. Как произошел феодализм, как возникли феодалы в Европе? Это очень большой вопрос. Если можно здесь ограничиться тремя словами, то надо сказать, что они возникли из имущественной дифференциации. Характерное доказательство этому я вижу в целом ряде указаний, относящихся к XI — XII вв., о том, что имеются поместья помещиков, расположен-

ные рядом с крестьянскими землями — они подвергнуты той же самой череполоснице и даже по величине своей мало чем отличаются от обычных крестьянских наделов. Совершенно очевидно, что ранняя форма собственности, которую мы видим в азиатской общине, коллективная собственность, должна была изменить такие формы ее разложения. В этом отношении чрезвычайно своеобразна старая книга, написанная в 70-х годах прошлого века, книга Лавеле, который говорит об общественном землепользовании и землевладении на Востоке. Там есть интересные указания на попытку голландцев уничтожить на острове Ява азиатский тип общины, связанный с орошением. Они это сделали, вводя искусственную налоговую систему, которая коренным образом расходилась с типом этой общины — они обложили каждого крестьянина отдельно. Что сделали крестьяне? Они соединили все обложение в общую сумму, и выплачивал ее глава этой общины, потому что община держалась на некотором прочном внутреннем основании, и эта мера голландцам не удалась. Маркс очень красочно пишет об одном англичанине, который сделал попытку перевести капитализм в Соединенные Штаты в XVII — XVIII столетиях. Он повез туда 50 000 фунтов стерлингов и несколько сот рабочих. Но только он приехал туда, как остался без единого слуги.

Я подчеркиваю, что вопроса этого я не знаю по существу, вопрос этот мало изучен — нужно детально и конкретно познакомиться с различными общинами. Довольно играть словами и говорить — тут община, там община, тут феодализм, там феодализм. Так не решается ни один конкретный исторический вопрос. Надо точно знать все разнообразные формы отношений, все особенности этих отношений. Надо помнить, наконец, слова Маркса о том, что для Гегеля идея — демиург действительности. А что такое идея — демиург действительности? Это — схема. На основании схемы нельзя решать ни одного вопроса. Надо изучать конкретные действительные отношения, используя при этом соответствующие указания Маркса об основных общественных формациях.

Существовали ли классы в восточном обществе? Это тоже одна из выигрышных сторон позиции наших противников, которые пускаются по этому поводу на длительные рассуждения и вспоминают все грехи, все провинности Маркса и Энгельса, какие только они делали — как Маркс ошибался на счет революции 48-го года, как Энгельс ошибался в том или ином случае.

Речь идет о том, как возникли классы в этой общине. Известно, что позиция Энгельса и Маркса (не разделяйте их) в данном вопросе заключалась в том, что классы возникли в связи с выполнением определенных общественных функций, возникновение классов вытекает из специфического характера земледелия. Эти функции передали в распоряжение определенной группы лиц известные средства, и определенная группа располагала средствами и трудом общины.

Я ставлю так вопрос — имеет ли место в старых отношениях Китая или Индии, связанных с орошением, выполнение определенных общественных работ? В Мексике были такие же общественные работы по орошению, по постройке дорог. Как производились эти работы? Будьте добры показать. В распоряжении правительства, власти концентрировались определенные материальные средства — поборы, на-

туральные повинности с крестьянского населения. Это одно. Во-вторых, в распоряжении власти концентрировались права над трудом этого населения.

Только сегодня я прочел в одном месте у Гране о том, как при постройке китайских феодальных городов применялись определенные общественные повинности; как после уборки жатвы часть крестьян вынуждена была выполнять эти работы для феодалов. Но здесь ничего нет специфически азиатского. Здесь происходит то же, что в России допетровской эпохи, или в петровскую эпоху, когда строился Петром такой город, как Петербург, собирались тысячи и десятки тысяч крестьян крепостных, обязанных, которые должны были выполнить эти работы. Приблизительно так же обстояло это дело и на востоке.

Но чем отличается в этом отношении община феодальная от общины азиатской? Тем, что эти работы там, во-первых, носили более регулярный характер, ибо постройка дорог в феодальную эпоху не может рассматриваться, как специфически связанное с феодальным делом, потому что эта постройка начинается с развитием торговых отношений и необходимостью этих дорог. Первый способ их устройства — это использование принудительных отношений, которые еще существуют. Там, в азиатском способе производства, это носило характер, неразрывно связанный с фактом, с самой основой этого способа производства, характер более регулярный и характер централизованный.

Тов. Ковалев тут говорил о децентрализации земельной собственности. Это тоже факт — децентрализация земельной собственности в феодальном обществе. А на востоке существует централизация земельной собственности. Вместе того, чтобы объяснить этот факт, говорят, что это одно и то же, что это несущественно, что не существенно, кто собственник, какова собственность; напомним, что собственность — это обратная сторона производственных отношений.

Например, т. Иолк подчеркивал другую мысль, что для Маркса основное различие способов производства заключается в способе соединения материальных средств производства и рабочей силы. Правильно, Маркс об этом говорит во II томе «Капитала». А скажите, пожалуйста, такой способ соединения материальных средств производства с рабочей силой, как он отзывается на форме собственности? Что такое капиталистическая собственность? Капиталистическая собственность обозначает определенные общественные отношения между людьми, это синоним, то же самое. Наконец, напомним известное выражение Маркса в предисловии к «Критике». Он говорит, что люди вступают в определенные отношения, независимые от их воли, в производственные отношения или, выражаясь юридическим языком, имущественные отношения. Каким образом можно после этого утверждать, что форма централизованной или децентрализованной собственности есть форма, не играющая никакой роли, не оказывающая никакого влияния на ход общественного развития?

Нашим товарищам надо было бы заняться вопросом о том, каковы были движущие силы в азиатском обществе, о котором говорил Энгельс, потому что, пока мы не знаем законов движения определенной общественной формации, мы вообще не можем сказать, что знаем эту общественную формацию. Итак, повторяю — это совершенно пустые рассуждения, если не видят этой специфичности.

Тов. Годес, после того, как он признает своеобразие азиатского способа производства, как своеобразного феодального способа производства, доказывает, что между ними нет никакого различия, примерами знаменитой деспотии восточных государств, которые, конечно, решительнейшим образом отличаются от феодального государства, государства — поместья, по выражению Кареева, IX — XII — XIII веков. Тов. Годес находит здесь полное сходство с бюрократическим феодальным государством, носящим название абсолютной монархии, которая возникает во Франции во времена Генриха IV или окончательно складывается во времена Людовика XIII. В других странах то же в разное время. Вот тут, говорит он, то же самое — деспотия, то же самое — но только в разные эпохи.

Что создало абсолютную монархию? На этот счет у марксистов особых разногласий нет. Что уничтожило самостоятельность отдельных феодалов помещиков? Класс помещиков, обладающий монополией на государственную власть, т. е. на официальные должности — административные должности, судебные должности, однако, теперь не имеет уже тех прав, которые имел при феодализме, где, как известно, различия в политическом положении, в политическом суверенитете каждого помещика выражались в частности в праве ставить виселицу для одного — на двух человек крестьян, для других — на шесть человек крестьян и т. д. Теперь они действуют в объединенном государстве, но при этом объединенном государстве остается их экономическая децентрализация. Больше того, как показывает, например, история России, развитие централизации политической власти класса помещиков всегда находилось в соответствии с экономической децентрализацией помещичьего землевладения, с их независимостью в распоряжении своим собственным имуществом. Что же создало эту централизацию? Эту централизацию создал торговый капитал. Развитие торгового капитализма — вот что создало централизацию. Этот вопрос как будто среди марксистов уже решен. Возникает такой вопрос: азиатские деспотии соответствуют этому положению вещей? Возникают на такой основе? Или не возникают? Конечно, не возникают.

Я перейду сейчас, и на этом закончим, к некоторым вопросам, имеющим актуальное политическое значение.

Азиатский способ производства и вопрос о нем приобретают такое боевое значение потому, что этот азиатский способ производства некоторые находят до настоящего времени, или остатки его по крайней мере находят при той или иной характеристике современного экономического положения восточных стран и в классовой структуре. Конечно, оказывает огромное влияние на постановку вопроса о том, — кто с кем борется и во имя чего происходит борьба.

Я должен тут сказать о моей точке зрения на этот вопрос. Я определенно стою на той точке зрения, что азиатского способа производства в Азии давно уже не существует. Для меня азиатский способ производства исторически разлагается и прекращает свое существование с того момента, как начинает развиваться торговля, как начинает развиваться разделение труда, и отношения между разделенными трудом группами организуются на основе торговли. Те очень ограниченные сведения, которые я имею о прошлой истории Китая, о крестьянском движении, о борьбе с торговцами и т. д., показывают,

что эта эпоха наступила очень давно, во всяком случае задолго до нашей эры.

Почему торговля разлагает эти отношения? Маркс во II томе «Капитала» очень много говорит о разлагающей роли торговли по отношению к до-капиталистическим общественным формациям. Основная причина заключается в следующем: экономическая замкнутость и самостоятельность общины прекращается; возникает процесс обмена между городом и деревней, появляются налоги в денежной форме наряду с натуральной формой налогов и повинностей. Это свидетельствует уже о проявлении, хотя в ограниченной степени, товарного денежного хозяйства, в достаточной степени для того, чтобы уничтожить относительную самостоятельность общины. Чем дальше развивается этот процесс, тем больше изменяется вся структура общества. Например, развитие торговли дает государствам новые средства и дает им возможности находить эти новые средства, уже не на основе прежних натуральных повинностей: эти средства появляются в форме обложения купцов, ремесленников и денежной формы обложения крестьян. Поэтому те прежние работы, те общественные повинности, которые играли такую большую роль в структуре общества и государства, начинают выполняться в новых формах; по крайней мере, старые способы теряют свое исключительное значение. Это приводит к разложению общины.

Из одного этого вытекает такой вывод, что аналогия, которую приводит Годес, между абсолютной монархией и восточной монархией, для меня является в корне неверной, потому что абсолютная сословная монархия создается развитием капитала, а восточная деспотия разрушается с появлением торговых отношений. Та абсолютная деспотия, о которой идет речь в древнейшей истории Китая, исчезает; с разложением ее появляется новая форма монархии, новый тип отношений. Это не то, что раньше. Не могу признать аналогии, которую видит т. Годес между монархией на Западе XVI — XVII вв. и древней китайской деспотией.

Теперь дальше: появление торговых отношений, развитие их постепенно ведут к уничтожению того, что Маркс и Энгельс называли азиатским способом производства.

Их основа — натуральная замкнутая крестьянская община, их основа — натуральная повинность продуктами и повинность трудом для государства, эксплуатация на этой натуральной основе организованным в государство господствующим классом крестьянского населения.

Вот почему для меня это вопрос далекого прошлого, а не вопрос современности. В каком отношении этот вопрос может иметь значение для современности? Тут есть два момента. Один момент заключается в том, что азиатская община обладает несравненно большими силами устойчивости, чем обладает ими европейская община, по причине различного характера коллективного землевладения. Второй момент заключается в том, что, понятно, особенности и своеобразие старых устоев общества не могли не отразиться и на формах его разложения. Совершенно очевидно, что в этом смысле, в особенности, до-капиталистические формы обладают большим своеобразием, надолго сохраняющимся. Я знаю только один социальный строй, который обладает колоссальной нивелирующей силой и сглаживает все прежние исторические различия. Этот строй называется капитализмом. Только капитализм об-

ладает способностью во-первых большой силы экспансии, во-вторых способностью уравнивать общественные отношения в самых различных странах. Однако, и тут остаются следы прежней общественной формации. Но что означает переход к торговому хозяйству? Прежде всего разложение прежнего натурального замкнутого хозяйства, появление обмена между городом и деревней? Оно означает, с одной стороны, появление дифференциации в самом крестьянстве, в самой общине, с другой стороны, оно означает новые формы отношений между господствующими классами и эксплуатируемым крестьянством, появление частного землевладения. Этот процесс появления частного землевладения мы видим в истории Китая. Мы находим в истории Китая еще до нашей эры появление частного землевладения — значит, создаются те отношения, которые мы называем феодализмом. Поэтому формы разложения азиатского способа производства, формы разложения, которые мы находим в Китае, которые мы находим в Индии, которые мы находим в Египте на более поздней ступени развития — это формы феодальных отношений, которые носят в себе отпечаток своего исторического происхождения, некоторые остатки прошлого. С моей точки зрения, современное положение в Китае характеризуется тем, что основные борющиеся классы там — пролетариат и буржуазия, но в той или иной степени, в зависимости от районов, в зависимости от условий исторического развития, сохранили в широком размере остатки феодализма. Феодальные пережитки — вот что играет большую роль в современном состоянии Китая. Феодализм не внесен туда европейцами. Феодализм сложился там задолго до появления европейцев, сложились и цеховые организации, сложились мастерские ремесленные, сложились торговые отношения. Мы знаем, что в Китае была торговля и внутренняя и внешняя. Внешняя торговля имеет место опять-таки не только до появления европейцев. Она имела место задолго до нашей эры. Достаточно напомнить появление шелка из Китая — это относится, приблизительно, к VI веку нашей эры, — шелк шел через Персию. Так что, следовательно, эти отношения не были, конечно, импортированы европейцами, а сложились самостоятельно. Основой для их появления, для изменения форм отношений между господствующим классом и крестьянами является развитие торговли и появление экономической дифференциации. Это означает конец азиатского способа производства.

■
Н. Калемин

Товарищи, было бы неверно оценивать теперь наш диспут как имеющий целью лишь разоблачение теории азиатского способа производства тт. Кокина и Папаяна. Их теория потонула в той глубине и широте вопроса, который оформился здесь при первых же выступлениях товарищей.

На диспуте проявился определенный отрыв теории от практики. Этот недостаток, по моему, проглядывал как у докладчика, так и, особенно, содокладчика т. Кокина. Последний просто смутил нас неожиданным заявлением, что данные из истории Китая, которыми обосновывалась его теория, он приведет только в заключительном слове.

Это замечание, повторяю, относится и к большинству выступавших. А в общем проблема азиатского способа производства получила у нас теоретическое освещение и, кажется, с достаточной полнотой. Я не буду останавливаться на этой стороне вопроса. Мне придется лишь определить свое отношение к выдвинутому здесь теоретическим положениям. По моему разумению, полное и исчерпывающее методологическое обоснование азиатского способа производства, как качественно своеобразного и отличного от других, как члена исторической схемы Маркса, дал С. И. Ковалев. В основном с ним нельзя не согласиться. Нельзя отрицать факта исторического существования этого способа производства, так как это логически поведет к отрицанию всей стройной системы Маркса. Но при всем этом я подчеркиваю тот момент, что азиатский способ производства является изначальным в общем историческом развитии. Так он значится в схеме Маркса. И вот в этом отношении, поскольку придется дальше оперировать данными из исторического прошлого Средней Азии, Ирана и отчасти Аравии, я всецело присоединяюсь к положению И. С. Плотникова, что азиатский способ производства давно уже не существует, что он имел место задолго до нашей эры. Он разложился и прекратил свое существование по мере развития обмена, торговли. С развитием торговли необходимо связывалось и установление частной собственности на землю, а с этим, в свою очередь, оформились и новые отношения в производстве — феодальные отношения, феодализм.

Следы исторического существования этого способа производства мы находим в дофеодально-дехканском Иране и Средней Азии. Я имею в виду древнейшую религию иранцев — зороастризм. На мой взгляд, зороастризм, в своем первоначальном виде, есть оформленная идеология тех социальных групп, из которых составляется господствующий слой при азиатском способе производства. Что характерно для зороастризма, так это то, что он предписывает занятие земледелием, проведение ирригационных каналов и борьбу с неблагоприятными условиями природы. Земледелие, а не торговля, как позднее в исламе, является здесь путь благочестия. Обмен, торговля, как фактор последующей хозяйственной жизни, приведший общество к феодализму, здесь не учитывается. К торговцам и ремесленникам, появившимся на известной ступени развития общественного процесса производства, отношение пренебрежительное. Земледельцы составляют почетное сословие наряду с жрецами и воинами. Сам пророк Зороастр — по преданию, — как устанавливает В. В. Бартольд, был первым жрецом, первым земледельцем и первым воином, а трех сыновей своих он сделал одного жрецом, другого земледельцем и третьего воином. Весь вопрос как будто бы в почетном сословном положении непосредственных производителей, как оно представляется зороастризмом. Я не думаю, чтобы в условиях сугубой натуральности хозяйства того времени, в условиях недифференцированности общей массы земледельцев, когда имела место общинная организация труда и общинная собственность на продукт труда, когда эксплуатация ограничивалась лишь «емкостью желудков» царя, воинов и жрецов, когда, наконец, по существу еще не изжиты были известные порядки родового строя, эта личная зависимость, закрепощенность крестьян государству могла низвести их на степень общественного бесправия. В эпоху, которая разделяла предыдущее

равноправие родового строя и последующий феодальный гнет, непосредственные производители-крестьяне жили еще сносно. Не случайно, что уже в последующую эпоху, эпоху феодального гнета и усиленной эксплуатации на основе развившихся товарно-денежных отношений, заданное и ограбленное крестьянство Ирана и Средней Азии охотно восставало под лозунгом восстановления в чистом виде зороастризма. Стоило только Аббасидскому эмиру Абу Муслиму в 748 году н. э. объявить себя новоявленным Зороастром, как за ним пошла масса местного Хоросанского крестьянства. Лишь этим вовлечением крестьянства определился успех Абу Муслимовской авантюры против Омеядов. По данным историка Табари (X. в.) в течение только одного дня к Абу Муслиму присоединились крестьяне 60-ти деревень.¹

Феодализм в Иране и Ср. Азии — непререкаемая историческая истина. Но дехкане-феодалы, как устанавливает В. В. Бартольд, совершенно не упоминаются в священных книгах Зороастра. Этот — последующий — феодальный общественный строй не был освящен этой религией. В народном предании об установлении феодальных отношений, по Бартольду, говорится, что

мифический царь Меночахр считался создателем справедливого строя, идеалом справедливости, и ему приписывается, что в каждой деревне он избрал одно лицо, которое назвал дехканом, и все население деревни подчинил ему — одел в одежду унижения.²

Здесь важно то, что царь Меночахр создает справедливый строй на место предыдущего строя, ставшего несправедливым. Здесь один общественный строй сменяется другим, и при том эта смена еще в X веке н. э. жила в народном предании.

Азиатский способ производства мог появиться и появился не только при известном уровне развития техники в земледелии, но, что важно, при технике в ирригации. Его производственный основой было не просто натуральное крестьянское земледельческое хозяйство с подсобной кустарной промышленностью, а натуральное крестьянское *поливное* земледельческое хозяйство с подсобным домашним ремеслом. Его основная сфера производства была *поливное* земледелие. Я подчеркиваю здесь именно поливной характер земледелия, именно ирригацию, канализацию, воду. Вода, орошение, при климатических и почвенных условиях, свойственных известной географической территории, составляет не только неотъемлемый, но и решающий материальный производственный фактор в земледельческом хозяйстве востока. Земля без воды, без полива не имеет здесь ценности. Не орошенная земля — «мертвая» говорят на востоке, и, чтобы ее использовать, чтобы она могла стать средством производства, ее нужно «оживить», оросить, полить. Если говорят здесь о земле, подразумевают в основном поливную землю. Условием земледелия здесь является орошение. Землевладение в этих условиях неразрывно связано с водопользованием, и в правовых отношениях землевладельцев воде принадлежит доминирующее значение. Вода, ирригация, водопользованию в мусульманском и местном обычном праве уделено исключительное внимание.

Этот момент по-моему не был серьезно разобран у нас. Орошение, канализация, вода часто, правда, упоминались, но только в цитатах из

¹ Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 198.

² Бартольд, К вопросу о феодализме в Иране, «Новый Восток», кн. 28.

Маркса-Энгельса или составляла объект для неудачных острот т. Голдеса. Между тем ирригация, вода, входя в качестве элемента в систему производительных сил азиатского общества, придают этим движущим силам общества специфически своеобразный характер. И на этой специфической своеобразности производительных сил, на известной ступени развития их, естественно и необходимо возникает, также качественно своеобразный, т. н. азиатский способ производства. Я не буду говорить о том, как Маркс-Энгельс характеризуют этот способ производства. Здесь достаточно об этом говорилось. Но для определения огромной роли и значения ирригации для хозяйственной и общественной жизни, для исторического развития азиатского общества займу несколько минут.

Одним из характерных проявлений ирригационной системы земледелия на востоке является постоянная нехватка земли, постоянный земельный голод. Спрос на землю в районах поливного земледелия всегда превышал наличие культурной поливной площади ее. А это очень важно. Вот вам некоторые данные: в до-революционной Бухаре

только одна десятая часть... территории занята культурными землями, остальные девять десятых представляют собой пески, солончаки, неорошенные земли, горы и т. д. Дехканин остро страдал от недостатка земли. И это не потому, что земли не было, или она была захвачена крупными помещиками, земля была, вся наличная культурная площадь обрабатывалась дехканами, крупные поместья едва ли владели одним процентом земель, *но не хватало воды*. Ирригационные сооружения частью пришли в упадок, частью были недостаточно мощны, чтобы оросить удобные земли... На душу крестьянского населения Бухары приходилось до войны в среднем 0,75 десятины культурных земель, как обрабатываемых, так и не обрабатываемых... Только немногие районы обеспечены землями, большая же часть испытывала в них острый недостаток... Удовлетворены земель только от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{3}$ сельского населения... Из $2\frac{1}{2}$ миллионов дехканского населения 67% — более миллиона — безземельных и малоземельных.¹

Такое же примерно положение было свойственно и всей Средней Азии. В китайском Туркестане дело обстоит еще хуже. Середняком там считается владелец только 10 чайриков земли (1 чайрик = $\frac{1}{22}$ десятины), т. е. 5/11 десятины и % безземельных и малоземельных еще выше. Что дает нам это для уяснения исторического прошлого? На мой взгляд — многое. Ирригация, поливное земледелие в Ср. Азии, Иране, Аравии возникло в глубокой древности. Физико-географические условия стран, наличие солончаков, пустынь, песков, гор, размер водных бассейнов, надо полагать, не претерпели особых изменений. В частности эти условия, вряд ли, изменились со времени эпохи возникновения т. н. азиатского способа производства. Населения было меньше, но и ирригационная техника была примитивнее. Во всяком случае, и в ту эпоху, на известном уровне развития производительных сил и количественного роста населения, недостаток орошенной земли необходимо имел место. Как теперь, так и тогда, при этом малоземелье, одна необходимость существовать для крестьянина заставляла его налегать на подсобное кустарное ремесло. Именно в этом проявлении ирригационной системы земледелия, именно в определившейся нехватке орошенной земли, земельном голоде нужно усматривать основной, первоначальный и при том мощный стимул к развитию кустарной техники. Именно этим объясняется раннее развитие ремесла, обмена, городов на

востоке. Не случайно, что первенство во времени возникновения и развития кустарной промышленности и городов принадлежало востоку и в первую очередь Китаю. По данным Ауфи (XIII в.) и Клавиho (XV в.) китайцы по праву считали лишь себя «зрячими» в кустарном производстве. По китайским источникам во II веке до н. э. в одной Фергане насчитывалось 70 городов, а Греко-Бактрийское царство времен Евкратиды во II веке до н. э. называлось «царством 1000 городов». В первой половине VII века н. э. китайский путешественник Сюань-Цзань, описывая Среднюю Азию, отмечает наряду с феодальной раздробленностью страны наличие торговых городов, полей, оросительных каналов, и далее, что лишь половина жителей занимается обработкой полей, а половина занята торговлей.

Но если характер поливного земледелия, в виде свойственного ему малоземелья, в основном определил здесь раннее развитие ремесла, обмена городов, то в последующую феодальную эпоху он обусловил одну из основных причин застойности в экономическом развитии востока. Малоземелье в деревне необходимо предугадывает развитую домашнюю кустарную промышленность в хозяйстве местного крестьянина. Без нее он не проживет на своем клочке земли. Малоземельем также объясняется громадное количество городской черни, питавшей городскую кустарную промышленность рабочими руками. Таким образом, когда с VIII-IX до XIII-XIV веков район торговли для ср.-азиатских и иранских купцов начал постепенно обнимать почти всю Азию, от Дальнего Востока до передней Азии, северную Африку, южную и восточную Европу, то соответственные требования к местной кустарной промышленности покрывались предложением продуктов деревенской-домашней и городской-цеховой. Мануфактуры Ср. Азии не знала до XIX века, а в китайском Туркестане цеховой строй остается преобладающим и поныне. Цеховой строй, как общественное и хозяйственное явление на определенной ступени развития общественного процесса производства, как видите, в специфических условиях поливного земледелия остается и при последующих хозяйственных порядках. В ряде других причин именно малоземельем, громадным количеством городской черни нужно объяснять тот чрезвычайно строгий режим регламентации, которым отличается цеховой строй на востоке. Здесь корпоративно организованы не только многочисленные виды кустарного производства, но и муллы-попы, земледельцы, четыре вида торговцев и, наконец, т. н. «борцы за веру», а по трудам арабского географа X века Макдизи, просто «айяр» — мошенники, разбойники. Все они имеют определенный цеховой устав. Но вернемся к азиатскому способу производства.

Развитие кустарной промышленности в этих условиях малоземелья, при известной эксплуатации непосредственных производителей царями или сатрапами, воинами и жрецами, только и давало возможность крестьянину развивать условия своего существования, которыми он мог тогда располагать. При малоземелье земледелец той эпохи мог иметь излишек от «собственного потребления и после уплаты натуральных налогов и повинностей» лишь при условии развитой ремесленной техники. И, пожалуй, с этой ступенью развития в общественном процессе производства нужно связывать возникновение обмена, возникновение городов, как основного и необходимого условия для тор-

¹ М. Н., Под знаком ислама, «Новый Восток», кн. 4. (Курсив мой. — Н. К.)

говли. А с этим через развитие товарного хозяйства — установление классовой дифференциации в азиатской общине и установление частной собственности на землю.

Впрочем, возникновение и развитие обмена и торговли обосновано и другими условиями географического и естественного порядка. Дело в том, что в странах востока, в громадном большинстве из них, со времени возникновения оседлой земледельческой культуры, в непосредственном соприкосновении с оседло-земледельческими оазисами находятся и степи с кочевниками-скотоводами. Таким образом, в непосредственном соприкосновении

различные человеческие общества находят в окружающей их природе различные средства производства и существования, отсюда различия в их способах производства, образе жизни и продуктах. Эти-то естественные различия и вызывают обмен продуктов, вследствие этого превращение продуктов в товары.¹

Надо ли доказывать, что это обстоятельство форсировало развитие обмена и, при обратном взаимодействии, создавало из него последующий мощный стимул к развитию ремесла, городов и торговли. В этих условиях, при известном взаимодействии приведенных факторов, необходимо происходили ускоренное развитие производительных сил и процесс развития разделения труда. На востоке, раньше чем где бы то ни было, мы имеем купцов, а с этим уже создавались возможности расширения торговли за пределы города, оазиса, района и дальнейшего развития товарности хозяйства. Кстати, античная торговля, как известно, в большой мере обусловлена востоком.

Естественно, что при этом положении хозяйственные общественные порядки, свойственные азиатскому способу производства, конечно, должны разложиться. При чем создание основной предпосылки для установления феодальных отношений — частной собственности на землю — имело место на востоке слишком рано. Это по времени соответствует возникновению и развитию обмена, торговли, городов, т. е. задолго до нашей эры.

Как видите, при известных особенностях естественной и географической среды, специфичность производительных сил азиатского общества определяет раннее возникновение предпосылок для оформления феодальных отношений на востоке. Этого всего не учитывают или не хотят учитывать те из сторонников азиатского способа производства, которые доводят процесс «разложения», процесс «феодализации» его до «подчинения стран востока действию законов капиталистического мира». Так устанавливают известные своей работой по Киргизии тт. Погорельский и Батраков. Эту точку зрения разделяют и многие другие товарищи, занимающиеся Средней Азией. Наконец на такой позиции стоят и наши тт. Кокин и Папаян. Отсюда у них пережитки и остатки этого способа производства в современных азиатских обществах. Такие теории — вымученные, абсурдные, дефективные теории, теории, грубо насилюющие исторический процесс, историю азиатских стран. Они извращают правильное представление об этапах социально-экономического развития стран востока. Эти теории «вредительствуют» при определении направления решающего удара в происходящей революционной борьбе на востоке, борьбе, которая должна вывести эти

страны на новые пути исторического развития. Азиатский способ производства изжит очень рано и настолько давно, что теперь говорить о его остатках, пережитках совсем не приходится. На востоке мы имеем остатки и пережитки феодализма. И капиталистический мир на востоке застал феодальные отношения, феодализм, и при том в последней фазе своего развития. Базис его в то время уже начал разлагаться. Это утверждается всей историей азиатских стран. Вот вам данные по Аравии, Ирану и Средней Азии.

В южной Аравии, например, феодализм установился за 10 веков до нашей эры. Историк Крымский, основываясь на детально разработанной Хартманом («Der islamische Orient» (II) 1909) истории Йемена с «экономической точки зрения», в 1913 г. в № 4 «Древности восточные», так определяет социально-хозяйственную структуру т. н. Микейского и Сабейского царств.

Йемен, как под властью прежних царей минейских, так и под властью царей сабейских не представлял из себя единого централизованного государства с неограниченным повелителем-деспотом великоазиатского типа, как Ассирия и Египет. Напротив южная Аравия — это было аристократическое феодальное государство, состоявшее из многих, более или менее самостоятельных, ленных и вассальных владений со своими феодальными наследственными династиями, или знатными родами, представители которых имели права и титулы, соответствующие европейским феодальным князьям, баронам, графам, дворянам и т. п. Простой народ, который занимался хлебопашеством и плантациями (плодовых деревьев, пряностей, благовоний), состоял в ближайшей зависимости экономической и социальной, от своих поместных господ-феодалов, и чем обширнее были земельные владения какого-нибудь феодала, тем выше было его значение среди соседей.

Историк Крымский не марксист. Но вряд ли кто из присутствующих здесь представителей разных толков в определении феодализма мог быть в особой претензии на то, что Крымский не дал основных элементов в определении феодализма в Йемене того времени. Все кажется на месте. Теперь учтите, что тот же Крымский устанавливает, что Йемен находился тогда на торговом пути между Индией и странами Средиземного моря. Здесь очень рано развился оседлый земледельческий быт и развилась торговля. Был ли Йемен таким в третьем тысячелетии до н. э., неизвестно. Но факт тот, что северная Аравия жила первобытной жизнью. Заметьте, что Йемен того времени имел речную оросительную систему. Магрибская плотина составляла жизненный нерв страны. Во II — III веке нашей эры уже происходит ожесточенная борьба между царем и вассалами. Какова была роль в этой борьбе городского населения — неизвестно. В III веке в результате этой борьбы устанавливается деспотия. VII век н. э. в исторической жизни Аравии отмечается, как известно, исламом — оформленной классовой идеологией местной торговой буржуазии. Последующие 2 — 3 века — грандиозной завоевательной экспансией, вызванной в основном изменением направления тогдашнего мирового торгового пути, оставившего Аравию в стороне от международной арены.

В Иране и Средней Азии феодализм устанавливается позднее, для Ирана, кажется, — в III — VI веке, если говорить о развитой его форме. В Средней же Азии наиболее развитые феодальные отношения относятся к последним векам до-арабского завоевания. Феодализм в Иране и Средней Азии в эти века, как определенная ступень в историческом развитии этих стран, вне сомнения. Достоверность его основывается не на работах буржуазных историков, которым, как здесь говорилось,

¹ Маркс, Капитал, т. I.

свойственно мышление готовыми формами, а на китайских, арабских и персидских источниках. Авторы последних вряд ли отличаются этим отрицательным качеством. Этим еще не отрицается историческое существование здесь азиатского способа производства. Зороастризм тому пример. К тому же необходимо подчеркнуть тот момент, что как в Персии, так и в Средней Азии феодальным отношениям свойственны развитый обмен, торговля, города, развитая товарность хозяйства, городская кустарная промышленность, что для азиатского способа производства исключается. Вряд ли ошибусь, если скажу, что именно в феодальный период Персия начинает ожесточенную, решительную борьбу с Византией за мировой торговый путь, оттесняет ее от берегов Каспийского моря и с этим заполучает в свои руки караванную и морскую торговлю с Индией и Китаем. К VII веку Персия переживает уже расцвет в торговле и промышленности. Этой же датой отмечается и начало долгой и упорной борьбы за установление централизованного государства, борьбы с феодалами-дежканами, которая продолжалась до XIII века. Лишь монголы окончательно ликвидировали политическую раздробленность страны.

Теперь о положении в Средней Азии. К VII — VIII векам караванный торговый путь отклоняется к северу и проходит через Среднюю Азию. Посредничество в этой торговле между западом и востоком переходит к согдийцам. Известно, что в 567 г. согдийские купцы в поисках рынка для сбыта китайского шелка побывали в Константинополе. Впрочем о согдийцах, как о посредниках в сухопутной торговле, говорят еще греческие историки. Основной феодальной фигурой в Иране и Средней Азии выступает дежкан. Это монополющий собственник земли и воды — орошения, по отношению к которому непосредственные производители — крестьяне «одеты в одежду унижения». Однако наряду с дежканом в качестве крупных земельных собственников выступают и купцы, разбогатевшие на караванной торговле. «Они владели обширной недвижимой собственностью, жили в замках и по своему положению мало отличались от дежкан», — устанавливает В. В. Бартольд, основываясь на данных историков X века Табари и Нершахи.

Мы не имеем еще марксистски разработанной истории Персии и Средней Азии. Отсюда трудно с определенностью, оперируя конкретными историческими данными, говорить что-либо о процессе оформления феодальных отношений в этих странах. Но на мой взгляд вряд ли этот процесс проходил какими-либо особыми путями. При развитом обмене, торговле, при определившейся при ней частной собственности на землю неизбежно было выделение более мощных хозяйств за счет остальных. Этот процесс через установление кабальных отношений необходимо приводит к крупной земельной собственности и к захвату водных источников. Крупная земельная собственность образуется и в процессе неизбежных тогда войн и грабежей. Это обуславливало разорение крестьян и установление их зависимости от сильных. Внешних форм феодализма — замков, рыцарей здесь хоть отбавляй. Об этом говорят еще историки Александра Македонского. Здесь важно отметить, что положение сеньора связывается с владением истоками ирригационных каналов. Вассальная зависимость — это зависимость по воде. Так, в V веке первенствующую роль для района к югу от Заряфшана играло княжество Маймург. Последнее владело местностью Ва-

рагсар, где начинались головные оросительные каналы, в том числе и канал Даргом, орошающий Самарканд. Самаркандский владетель к VII веку завоевывает Маймург, а с этим к нему переходят и сеньоральные права. Кстати, характерно, что усиление самаркандского владетеля основано уже на торговом значении гор. Самарканда.¹

Объективной необходимостью установления здесь феодальных отношений, на мой взгляд, служила все возрастающая товарность сельского хозяйства. В этом заключалась, пожалуй, сущность справедливости этого строя для мифического царя Меночахра, «одевшего в одежды унижения» население деревни по отношению к одному человеку.

Средняя Азия, как Иран и Южная Аравия, была расположена на перепутьях торговых магистралей. Здесь проходили торговые пути с одной стороны между северными и южными частями Азии и с, другой, между дальним востоком, Китаем и передней Азией. О размерах товарности в сельском хозяйстве того периода можно судить уже по тому, что Хоросан потреблял пшеницу, привозимую из долины Заряфшана, причем, когда этот подвоз пшеницы прекращался, в Хоросане наступал голод. Мусульманскими историками отмечается два случая такого голода. Первый в 733 году, когда долина Заряфшана была захвачена тюрками, второй — в 816 году. И это происходит в феодальный период истории Средней Азии. Кроме того, безземелье обуславливало быстрый рост городов за счет деревни. Если верить китайскому путешественнику Сюань-Цзаню (630 г.), что половина жителей лишь работала на полях, а половина торговала, то, конечно, «торговавшее» население, население городов, потребляло продукты земледельческого хозяйства деревни. О большом количестве городов в Средней Азии еще до нашей эры я уже говорил. О размере городов можно судить хотя бы по тому, что главный город Заряфшанской долины — Самарканд — в X веке насчитывал до 500 тыс. жителей. Это устанавливает В. В. Бартольд. Естественно, при малоземельи и при таком положении вещей поливная земля приобретала большое значение. Отсюда ясно, почему купцы становились крупными земельными собственниками-феодалами. Кстати, большую ценность приобретала земля в окрестностях крупных торговых городов. По данным историка Нершахи в X веке, военная знать при Саманидах в Бухаре скупала землю у купцов, платя за 1 джуфт от 4 тыс. до 12 тыс. дирхемов. В этих условиях, конечно, феодалы-дежкане и феодалы-купцы занимались хозяйством своих поместий, насильно переселяли жителей из других местностей, трудом зависимых крестьян строили плотины, при этом, как правило, не считаясь с интересами соседних районов по общей оросительной системе. Так было в Фергане и в других частях Средней Азии в позднее время, когда ослабевала центральная власть, так было в ранний феодальный период, при феодальной раздробленности страны. Эта феодальная анархия по эксплуатации ирригационной системы необходимо усиливалась по мере возрастания товарности сельского хозяйства. Не приходится говорить, что захват отдельными феодалами воды в ущерб соседних поместий, в первую очередь, разорял крестьян. Разоренное и нещадно эксплуатируемое крестьянство боролось за ликвидацию этой анархии

¹ Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия.

в водопользовании, за ликвидацию феодальных поместий, родовых имений и вообще крупной земельной собственности, совмещаемой с владением водными источниками. Оно боролось против этой феодальной эксплуатации, против феодального гнета помещиков, дехкан и купцов. Частые и бурные восстания крестьян в Персии и Средней Азии с VII — VIII в. известны под общим названием шиитских движений.

Приведенная мною форма феодального, крепостнического хозяйствования в Персии и Средней Азии была ликвидирована лишь к XIII веку в результате ожесточенной классовой борьбы, борьбы городов, крестьян и усилившейся торговой буржуазии против феодалов дехкан. Эта форма хозяйствования уже не соответствовала достигнутой степени в экономическом развитии страны. Она шла в разрез с интересами городов, торговой буржуазии, с интересами развития капитала.

Развитию товарно-денежных отношений, товарности хозяйства, развитию торговли, кустарной промышленности, росту и усилению городов в Персии и Средней Азии много помогло арабское завоевание. С ним впервые Средняя Азия была политически объединена с передней Азией. При них установилась известная безопасность от нашествий кочевников, безопасность торговых передвижений, феодальные стеснения для торговли и городской кустарной промышленности были ослаблены, производились ирригационные работы и т. д. Под охраной арабов возникают и развиваются новые торговые города. Города дехкан, феодальные города приходят в упадок, и этим, между прочим, наносится первый удар феодалам. О степени развития производства и размера торговли в Средней Азии к IX веку можно судить по данным арабского географа Макдизи (X в.). Он пишет:

Что касается товаров, то вывозятся следующие: из Тармиза мыло и *asa foet ida*; и Бухары — мягкие ткани, молитвенные коврики, ковры, ткани для настилки полов в гостиницах, медные фонари, табаристанские материи, лошадиные подпруги, выделяемые в местах заключения, ушмунские ткани, жир, овечья шерсть, масло, которым мажут голову; из Кермани — салфетки; из Дебусии и Вадара — ведарийские ткани, сделанные как бы из одного куска; я слышал, как один из султанов в Багдаде называл их хоросанской парчей; из Ребинджана — зимние плащи из красной шерсти, молитвенные коврики, оловянные сосуды, кожи, крепкая конопля и сера; из Хорезма — меха соболей, горностаев, хорьков, ласок, куниц, лисиц, бобров, зайцев и коз, также свечи, стрелы, кора белого тополя, высокие шапки, рыбий клей, рыбы зубы, касторовое масло, амбра, выделанные лошадиные кожи, мед, лещинные орехи, соколы, мечи, панцири, березовая кора, славянские рабы, бараны, коровы — все это (получалось) от болгар, кроме того виноград, много изюма, миндальное пирожное, сезам, ткани из полосатого сукна, большие куски сукна, парча для подношений, покрывало для мullahам, замки, ткань, арандж, луки, натянуть которые могут только самые сильные люди, рахбин, сыворотка, лодки. Из Самарканда (вывозятся) ткани серебристые (симгун) и самаркандские, большие медные котлы, изящные кубки, палатки, стремена, удила, ремни; из Дизака — хорошие сорта шерсти и одежды из нее; из Бенакета — туркестанские ткани; из Шаша — высокие седла из лошадиной кожи, колчаны, палатки, кожи (привозимые от тюрок и подвергаемые дублению), плащи, молитвенные коврики, наплечники, хлебное зерно, прекрасные луки, иголки низшего качества, вывозимая к тюнкам, и красные ткани, известные под названием мамарджиль, ткань синизи (полотняная), много шелку и шелковых тканей, лещинные и простые орехи; из Ферганы и Исфиджаба — тюркские рабы, белые ткани, предметы вооружения, мечи, медь, железо; из Тарази (Таласа) — козья шерсть; из Шульджи — серебро; из Туркестана в эти места пригоняют лошадей и мулов и таким же образом из Хуттала. Не имеет равных, — заключает Макдизи, — бухарское мясо и род

бухарских дынь, известных под названием ашшак (или аш-шаф), хорезмийские луки, шашская посуда и самаркандская бумага.¹

Как видите, специализация районов и городов по той или иной отрасли производства, а с ней и товарность сельского хозяйства и городской промышленности, уже к IX веку в Средней Азии достигли высокой ступени развития. К X веку, помимо передней Азии, торговля местных купцов распространяется на бассейн Волги с болгарами и через них с Россией, на восток — западный Китай, Монголия. К XI в. чрезмерный вывоз серебра в южную Россию приводит к серебряному кризису. Вместо серебряных дирхемов чеканятся медные. В XII веке мусульманские купцы захватывают всю торговлю между Монголией и Китаем, а в XIII в. с завоеванием края монголами район торговли обнимает почти всю Азию и большую часть восточной Европы. Здесь уже определились все предпосылки для политического объединения феодально обособленных областей. В IX — X вв. мы видим уже сословные монархии Саманидов в Средней Азии и Тахиридов в Хорасане. Дехкане-феодалы в ожесточенной борьбе теряют свое политическое значение и, сохраняя землевладение, образуют привилегированное сословие. Из них и частью из личной гвардии Саманидского «сеньора» в Бухаре составляется главный орган управления — дергах (дворец). Второй же — диван — орган чисто купеческий и духовенства. Уже при Саманидах бюрократическая система достигает высшего своего развития. Бартольд устанавливает:

У Нершахи мы находим название десяти бухарских присутственных мест, расположенных вокруг регистана: 1) Диван везира, 2) диван казначея (мустафи), 3) диван «опоры государства» (амид-ал-мулык), 4) диван начальника гвардии (сахиб-шурат), 5) диван начальника почты, 6) диван мушрибов, 7) диван собственных владений (государя), 8) диван мухтасиба, 9) диван вакфов, 10) диван казая.² Если до IX века подать с Бухары достигала суммы в 200 000 дирхемов, то в IX в. уже до 1189200 дирхемов. Идет процесс обезземеливания крестьян. На почве этого в IX-X веке происходят бурные их восстания. Крестьяне громят родовые имения феодалов — дехкан и других крупных земельных собственников. В IX и X веках восставшие крестьяне захватывают целые области в Табаристане и Средней Азии и ставят в них своих правителей. Вот классовая оценка этих восстаний историка Бируни:

Феридун (мифический царь. — Н. К.) назначил людей правителями домов своих семейств и потомков и дал им название кетхуда, что значит — господин этого дома. Ан-Насир ал-Утруш (вождь восставших крестьян. — Н. К.) уничтожил этот обычай и вернул те времена, когда разбойники были такими же кетхуда как настоящие люди.³

Кстати подчеркиваю указание здесь о тех временах, «когда разбойники (крестьяне. — Н. К.) были такими же кетхуда, как настоящие люди». «Те времена», — это тот же строй, который оказался несправедливым для другого царя — Меночахра и был заменен справедливым.

Последующее развитие товарно-денежных отношений и торговли вскоре же обнаружило неудовлетворенность усилившейся торговой буржуазии достигнутыми результатами в борьбе с дехканами-феода-

¹ Бартольд Л. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 245 — 246.

² Там же, стр. 238.

³ Там же, стр. 221.

лами в IX-X вв. Крупное землевладение последних, правда, при сильно урезанных политических правах, шло вразрез с интересами развития капитала. И мы видим, что до XIII в. происходит еще более ожесточенная борьба с дехканами. Центральная власть принимает еще более крутой характер. В условиях этой борьбы и крестьянских волнений большую важность приобретает должность т. н. «начальника стражи», по существу — палача. Его служебные функции, между прочим, выражены в словах халифа Мамуна (по Низам-ал-Мульку):

У меня два начальника стражи; дело обоих — с утра до вечера рубить головы, отсекают руки и ноги, бить палками и сажать в тюрьму.¹

В процессе борьбы дехкане-феодалы нередко прибегают к вооруженной помощи кочевников, и в XI веке прямо выступают как союзники завоевателей тюрков. Но колоссальная сила денег уничтожает дехкан-феодалов и побеждает самих тюрков. К XIII веку дехкане, как феодальные владетели и как особое привилегированное сословие, сходят с исторической сцены. Окончательно ликвидируется феодальная анархия по эксплуатации ирригационной системы, ликвидируется непосредственное хозяйствование крупных земельных собственников в своих поместьях. Все хозяйственные функции по водной системе концентрируются в руках центральной власти азиатской деспотии, которая по существу являлась классовой властью — торговой буржуазии. Так закончился «классический» период «азиатского» феодализма. Очередная фаза в его развитии характеризуется установлением т. н. ленной системы. Военная знать наделяется землей, деревнями, но к непосредственному хозяйствованию там не допускается. Ибо это поведет опять к установлению прошлой, с таким трудом изжитой, анархии по использованию водной системы, к неизбежному при этом общему расстройству хозяйства и к возврату непосредственного закрепощения крестьян. Собственники ленов находятся при «сеньорах» и получают ту же ренту, но при посредстве государственного аппарата.

Наделение такими ленными владениями обусловливается определенными обязанностями по отношению к сеньору. Не приходится доказывать, что данная система не изменяла сущности феодальных производственных отношений, феодальной эксплуатации непосредственных производителей-крестьян. Важнейшее средство производства — земля, вода, находятся в монопольной собственности азиатского деспота, военной знати, духовенства. Им противостоят непосредственные производители-крестьяне, владеющие и обрабатывающие отдельные участки земли своим инвентарем. Весь прибавочный продукт в виде денежной и в меньшей части натуральной (продуктовой) ренты отчуждается собственниками условий производства. Эксплуатация эта проявляется в известной форме личной зависимости, в форме вне-экономического принуждения. Но личная несвобода зависимого крестьянства здесь уже выступает в смягченной форме. Она обусловлена здесь той уже развитой ступенью в общем экономическом развитии, которой соответствует денежная форма ренты. Маркс устанавливает:

При денежной ренте традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и между земельным собственником необходимо превращается в дого-

ворное, определяемое точными нормами положительного закона, чисто денежное отношение. Поэтому возделыватель — владелец фактически становится простым арендатором. Это превращение, при наличии прочих благоприятных общих отношений производства, с одной стороны, утилизируется для того, чтобы постепенно экспроприировать старых крестьян-владельцев и заменить их капиталистическим арендатором; с другой стороны, оно ведет к тому, что прежний владелец выкупает свое обязательство, уплачивает ренту и превращается в независимого крестьянина с полной собственностью на возделываемую им землю.¹

Мне нет необходимости представлять вам процесс разложения базиса этой ренты в условиях Средней Азии на основе последующего экономического развития страны. В этом отношении я считаю достаточным привести лишь выдержку из юридического сочинения Шарх-уль-Фераида, установлениями которого строго руководствовались в Средней Азии задолго до завоевания края русскими. По нему

земли по владению делятся на две части: амляк и мильк, т. е. на владение государственным и частное; частное же, в свою очередь, делится еще на три: хурри-халис, ушри и хераджи, т. е. владение: 1) освобожденное от всяких государственных и других повинностей, 2) платящее казне 10-ю часть доходов деньгами и наконец 3) отправляющее хераджную повинность хлебом. Владетели вышеозначенных собственности: — мильки-хурри-халис, мильки-хераджи и мильки-ушри, — могут завещать в пользу своих потомков или в пользу мечетей и медресе или отдавать в залог кому-либо, или наконец распоряжаться ими вообще по своему усмотрению. Амляк же (т. е. собственность казны или находящееся в ленном владении. — Н. К.) частные лица (т. е. обрабатывающие его — крестьяне. — Н. К.) не имеют права ни завещать в чью бы то ни было пользу, ни обращать в вакуфы, ни отдавать в залог, ни заявлять на таковую иска.²

Договорное, денежное отношение между крестьянином и земельным собственником (по амляковым землям), т. е. казной, ленным собственником, духовенством, здесь доходило до того, что крестьянин мог продавать и продавал другому право на возделывание его участка. Мильковая собственность образовалась путем выкупа крестьянином своего обязательства уплачивать ренту. Крестьянин платил собственнику амляковой земли тройную цену за определенную площадь или выплачивал, предположим, за 30 танацов земли, из них 20 он возвращал собственнику, а 10 составляло уже полную (хурри-халис) собственность крестьянина. Не приходится говорить, что этим путем выкупавшие землю состоятельные крестьяне, в свою очередь, обрабатывали ее зависимыми крестьянами. При таком положении можно ли говорить о недифференцированности в азиатской общине? Боюсь утверждать, но мне кажется, сторонники азиатского способа производства типа тт. Кокина и Папаяна, а в Средней Азии — тт. Погорельского и Батракова, эту последнюю фазу в развитии феодализма на востоке не считают «азиатским способом производства». Так же — деспотия, государственная собственность на землю, зависимые крестьяне, чиновничество и т. п. И если это так, то тем хуже для них и для их «теорий».

А. Мухарджи³

Хотя я целиком согласен с т. Годесом в основной установке его доклада о так называемом «азиатском способе производства», я не

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2, стр. 273.

² М. Н. Ростиславов, Очерк видов земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестане, 1876 г.

³ Речь т. Мухарджи была произнесена по-английски.

¹ Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, стр. 237.

согласен с ним в том, что Маркс сделал ошибку в его «К критике политической экономии», где он классифицировал социальные формации как азиатский, античный, феодальный и капиталистический способы производства. Я не могу согласиться с товарищами, утверждающими, что Маркс недостаточно знал восток, так как в его время «наука» и европейское знание о востоке были недостаточно развиты, и именно поэтому Маркс пришел к этому заключению.

По моему, вопрос об «азиатском способе производства» мы должны разделить на две части: 1) азиатский способ производства, как Маркс берет его в качестве определенной социальной формации, которая предшествовала античному или рабовладельческому способу производства, и 2) азиатский способ производства в том смысле, в каком он изложен в новейших марксистских работах, появившихся с 1925 г. и отрицающих феодальное развитие в Азии, в частности в Индии и Китае.

Я держусь того мнения, что при уничтожении бесклассового общества рабовладение не было первой классовой формацией и не могло ею быть. Не может быть сомнения в том, что тогда существовал род весьма примитивной классовой формации как в Европе, так и в Азии. Одна из характерных черт этой формации — «примитивные общины». Примитивные общины ни в коем случае не были особенностью Азии, это была универсальная формация. Но, кроме общин, были, конечно, другие пути, о которых я не могу сказать вам подробно, потому что я не знаю их, никто из нас их не знает, они еще должны быть исследованы. Многие из этих признаков были «национальными» в связи с географическими и климатическими условиями древней жизни. Эти особенности, однако, были различными в деталях. По моему, Маркс и имел в виду эту примитивную формацию, когда он писал свою «К критике политической экономии». Он называл ее азиатской потому, что значительная часть признаков и характерных черт этого примитивного общества сохранилась в наши дни в неразвитых восточных странах, а не потому, что существовала какая-либо специфическая формация в Азии, как это многим кажется.

Я сказал, что «сельские общины» были одной из форм такой примитивной формации. Прежде всего надо отмечать различие между общинами и общинами. Маркс в своих работах об Индии точно осветил три или даже четыре формы общин, включая общины, основанные на рабстве и кастовом рабстве. В частности, Маркс охарактеризовал четыре отличных друг от друга типа крепостничества: старый римский тип, при котором крепостной не был прикреплен к определенному участку земли, английский тип, который прекратил свое существование к XII столетию, положив начало существованию мелкого свободного крестьянства с феодальными правами на землю, германский тип «*Seileigenschaft*» и русский тип — «крепостничество». Теперь вам ясно, что если мы читаем об общинах в Индии и Китае, то вовсе не обязательно делать отсюда вывод, что они представляют азиатский способ производства в смысле общественной формации.

Наоборот, в третьем томе «Капитала», в своих высказываниях о ренте, Маркс, — если меня не обманывает память, — ясно говорит, что индийские сельские общины являются общинами такого же типа, как и средневековые европейские.

С другой стороны, не может быть сомнения в том, что примитивные общины были одним из основных признаков общественной формации после разрушения бесклассового общества.

Я думаю, что ни одно положение еще не опровергло Маркса в этом пункте, и мы можем спокойно принять марксову формулу, как несомненно правильную. Тов. Поляков говорил здесь о моем упоминании об этом в моей работе «Англия и Индия». Я признаю, что формулировка, которую я там дал, не совсем правильна, как и взгляд на роль «торгового капитала». Я признаю азиатский способ производства как особую общественную формацию только в той формулировке, какую я даю сейчас. Тем не менее я заявляю, что я готов пересмотреть свой взгляд, если кто-либо даст мне доказательства противного.

Теперь по второму пункту. Из этой формулировки Маркса некоторые товарищи сделали тот вывод, что на востоке, и в Индии и в Китае, не развился ни античный, ни феодальный способ производства, а что там господствовал лишь азиатский способ производства.

Первоначально эта теория была создана Максом Вебером, Канторовичем и Рязановым. Я не должен вам характеризовать каждого из них в отдельности, т. к. вы достаточно хорошо их знаете. Но, основываясь, главным образом, на их концепциях, по крайней мере вдохновляясь ими, т. Мадьяр пришел к заключению, что по Марксу и Энгельсу

в Индии до завоевания ее англичанами было восточное общество, азиатская деспотия и что именно англичане способствовали оформлению на севере Индии феодальных образований в земельных отношениях. («Правда», № 169 (4001), от 22 июля 1928 г.).

О применении этой теории к Индии я и буду говорить сегодня. Что писал Маркс об Индии? Я лично не могу указать все те места, где Маркс пишет об азиатском способе производства в Индии до прихода англичан. В том, что я смог собрать, этот термин употреблен Марксом только один раз — в «К критике политической экономии». В его работах часто можно встретить «восточный деспотизм», «восточное общество», «индийские сельские общины» — и только.

Теперь на минуту — только ради аргументации — давайте согласимся с т. Мадьяром в том, что азиатский способ производства и азиатский деспотизм является одним и тем же. По Мадьяру, он представляет собою до-феодальное общество. В таком случае существование его и преобладание в последней части XVIII и в начале XIX веков (после британского завоевания Индии, которое вполне закончилось в 1848 г., хотя и началось в 1757 г.), приводит нас к логическому выводу, что все общественное развитие Индии было в застойном состоянии. Маркс сам в своих поисках базиса азиатского деспотизма ответил на этот вопрос. Он писал Энгельсу:

Мне думается, что едва ли можно отыскать более солидную основу для застойного азиатского деспотизма.¹

Эта фраза убедительно доказывает, что азиатский способ производства и азиатский деспотизм не могут быть одним и тем же. Здесь я считаю необходимым отметить, что «азиатское общество» несомненно

¹ «Переписка», нем. издание, т. I, стр. 420.

имеет свои особенности, если его сравнить с Европой, особенности, характеризующие его, как таковое. Эти особенности заключаются в консерватизме кастовой системы в Индии, которая является очень ранней формой разделения труда.

Говоря об этой кастовой системе, Маркс правильно отмечал, что «эти касты — самое решительное препятствие на пути к индийскому прогрессу и индийскому могуществу». («Письма об Индии в «Нью-Йоркской Трибуне» 1853 г.).

Признавая это, нужно решительно и до конца бороться против таких выводов, как те, которые сделал Мадьяр, что является ревизией Маркса и что не в интересах индийской революции. Я не буду пускаться в подробности, цитируя высказывания Маркса об Индии. Вы знаете их так же хорошо, как и я, их можно прочесть в работе Штуссера. Но я хочу обратить ваше внимание на характеристику до-британского способа производства, существовавшего в Индии, сделанную Марксом. Он говорил:

Ручной ткацкий станок и веретено, которые систематически давали заработок миллионам ткачей и прядильщиков, составляли фундамент структуры этого общества.

Такие семейные общины зиждились на кустарной промышленности, на специфическом объединении ручного тканья, ручного прядения и ручного земледелия, которое делало их самоснабжающимися.¹

Эти особенности ни в коем случае не определяют особой формации в Индии, мы видим их при феодализме во всех странах, и Маркс неоднократно напоминает нам в «Капитале», так же, как и в других своих работах, что эта «формация» и «сельские общины» в Индии были идентичными с феодальной Европой. Нет оснований думать, что этой формацией Индия отличалась от Европы.

Ленин в своей полемике против Булгакова ясно доказывает, что капитализм мог развиваться и развивался в отсталых странах, несмотря на значительную роль крепостного права и сельских общин с общинным землевладением. Применяя этот неотразимый аргумент к индийскому обществу, мы не видим причины утверждать, что сохранение кастовой системы и сельских общин в Индии или подобных этому других остатков до-феодалных формаций могут служить основанием для отрицания развития феодализма в Индии. Тем не менее фактом является то, что Маркс вместо отрицания рабства в Индии просто указал на то, что оно было основой сельских общин в том виде, в каком они существовали в XVIII столетии.

В некоторых из этих общин земля деревень обрабатывается сообща, в большинстве случаев каждый обрабатывает свой собственный участок. Внутри общины продолжают существовать рабство и кастовый строй. Пустыри — для общих пастбищ. Жены и дочери занимаются домашним ткачеством и прядильной работой.²

Маркс также не отрицал существования феодальной собственности и феодализма в Индии. Он не соглашался с Энгельсом по этому вопросу, но есть достаточные основания утверждать, что Энгельс также изменил впоследствии свое мнение по этому вопросу. Маркс, в ответе на хорошо известное письмо Энгельса, где тот отрицал существование феодального землевладения в Азии, писал:

¹ Штуссер, Маркс и Энгельс об Индии, стр. 20.

² Там же, стр. 40.

Что касается вопроса о собственности, то среди английских писателей об Индии в этом пункте серьезные разногласия. Повидимому, собственность на землю существовала в отдельных горных областях к югу от Кришны.¹

Таким образом нет оснований предполагать, что Маркс пришел к заключению о том, что частная собственность феодального типа не существовала в Индии. Наоборот, мы теперь имеем гораздо больше документальных доказательств, говорящих о том, что Маркс был совершенно убежден, отвечая на вопрос, поставленный ему Энгельсом. Напр., «Такур» — вид собственности в Индии, или собственность «Джагир», «Инам», «Маурави», «Хот» и т. д. и т. д. и ряд других им подобных, говорят о феодальной частной собственности. Наконец государственная собственность на землю, как ее строго требовал Акбар, была не чем иным, кроме того, что выражается Марксом следующими словами: «суверен — абсолютный собственник земли», или «король является абсолютным и единственным собственником всей земли в стране». Маркс даже цитировал Энгельсу законы Ману, чтобы показать ему, что это было не так, как представлял себе Энгельс. Здесь крестьянин был государственным крепостным, а не «свободным крестьянином», как ошибочно понимают его индийские националистически настроенные экономисты, и каковой ошибкой я был также частично введен в заблуждение. Крестьянин здесь должен был обрабатывать землю и отдавать всю продукцию государству, оставляя себе ничтожную часть для удовлетворения своих собственных потребностей. Кроме того он должен был оплачивать в установленные сроки труд свободных за ирригацию, за постройку дорог, за транспорт, а также бесплатно обрабатывать владения собирателей ренты. Владения, известные под названием «Хамар», «Хот», «Сир», являются просто чистейшей «барщиной». Крестьянин был крепостным в полном смысле этого слова. Нам также говорят источники, что крестьянин, когда эксплуатация была велика, «покидал» свои земли и «сбегал». Почему «сбегал»? Потому что он был прикован к земле и не имел права ее покинуть по своему желанию, что очень напоминает русского крепостного. Действительно, около 1835 г. англичане издали закон, дающий крестьянам Бомбея право оставлять свои земельные участки по своей воле. Восточный деспотизм был формой феодализма, основанной на естественных экономических условиях, крепостничестве и феодальной монополии всего богатства общин; они (восточные деспоты) были первыми владельцами всего этого.

Довольно цитат из Маркса, давайте взглянем на факты из истории Индии до-британской эпохи.

Я цитирую следующее из Баден-Пууэлла:

В наиболее раннем распределении продукции и уплате налогов в натуральной форме мы находим право земледельца, собственника, короля и т. д., отмеченное терминами, оканчивающимися на «варам», т. е. *полная продукция*. Так, мы имеем «варампат», или полная площадь, приносящая «варам», или делимую продукцию; «мел-варам», или доля короля, «гунду-варам», или доля собственника и «куди-варам», или доля земледельца (арендатора).

Когда собственник отказывался от своей доли по какой-либо причине, он оставлял маленькую часть, называемую «свами-вогам», которая является как раз «маликана» Бенгалии и Северной Индии, — маленький доход, который лишившийся владений собственник получал в знак своих первоначальных прав...

¹ Там же, стр. 42.

Когда король делал пожалование, это состояло (первоначально) из «мел-варам» — только его зерновой доли, без посягательства на права собственников. Но поскольку такие пожалования часто делались брахманам, или членам правящих семей, последние, благодаря своему влиянию, добивались успеха в овладении землей, и таким образом скоро оказывались собственниками целой деревни.¹

Брахман так же как и другие собственники, широко использовал рабов для обработки земли для себя; и эти рабы рассматривались, как «glebe adscripti».

Любопытно то, что эти рабы также называли себя «миразидар» (наследственный держатель указанного поля). Они получали дом и двор бесплатно и подарки одеждой, зерном и деньгами в определенные праздники. «Рабство» было таким образом не слишком тяжелыми окладами и никаким мучениям и передвижениям (рабы) «парияр» не подвергались.

Любой мог быть номинальным собственником, или какими угодно могли быть условия времени, они (рабы) находятся в безопасности в своей незначительности и продолжают и всегда будут продолжать обрабатывать землю, которую до того обрабатывали их предки. Это рабство не было результатом иностранной работорговли, но было чисто местным.

Какая же разница существует между этими «собственниками» и феодалами? Эти «собственники» не только обладали правом на землю, но это право не могло быть отнято даже приказом короля; в случае же отчуждения права, они все же продолжали получать небольшой доход. И вот Баден-Пуэлла пишет:

Отличительной чертой было то, что собственники, получая свою долю с деревни, ничего не должны были отдавать королю, помимо обычной доли «собственников» со сданных в аренду земель.²

Что же касается названия «рабы», это просто извращение индийского термина. В Европе под крепостным понимают земледельца, владеющего своим маленьким куском земли, которую он сам обрабатывает, и кроме того еще обязанного в определенные дни недели работать бесплатно на земле своего лэндлорда.

Согласно вышеприведенной цитате, «раб» — земледelec, посаженный на маленький кусок земли («двор») владельца, обрабатывающий свой собственный кусок земли помимо полей владельца, которые он обрабатывает бесплатно. Земля, на которой он сидит, рассматривается в качестве наследственного владения «маурави». Она передается из рук в руки, но никто не затрагивает его владения до тех пор, пока он отдает свой «рабский» труд, будь то старому или новому собственнику. Кроме того, он прикреплен к земле, и как раб не имеет права покинуть ее по собственному желанию.

Нет существенной разницы между этими двумя формами. Баден-Пуэлла отмечал, что это не является особенностью южной Индии, а имеет место также и на севере. И действительно, обе эти формы «владельца» и «раба» были общими чертами для всей Индии. Маркс это предполагал, но мы это знаем теперь определенно. Например, сэр

Джордж Гирсон в своей работе «Крестьянская жизнь Бихара», объясняя местные термины, писал:¹

«Харбаджиратия» буквально — землепашец, слуга, синоним «нищего», «принудительный труд» — рабочие, которые получают землю, свободную от ренты, и работают без вознаграждения на своего хозяина в периоды земледельческих работ. Подобно этому, они называются на северо-западе «паривайя».

Крестьянские владения, под названием «комиату», «харвар», «харайру», «хараур», являются участками земли, данными землепашцу в уплату за его труд.

«Гаом, банвайч, гохар» являются неоплачиваемыми услугами, даваемыми лэндлорду арендаторами целиком. «Духао» — взимание лэндлордом молока и особых продуктов. «Хару» — свободный труд, который должны были земледельцы отдавать, вспахивая землю лэндлорда. «Джар» — плата за разрешение на постройку дома. «Матарна» — земельная рента от ремесленников и торговцев, проживающих в деревне. «Садуат» — плата лэндлорду за разрешение на женитьбу девушки или юноши. Последняя плата взималась со всех, кроме брахманов, раджпутов и других высших каст» (стр. 317).

«Местное название для лэндлорда — «гонтатур», т. е. владелец деревни» (стр. 322).»

«Гудаста» и «гора» — привилегированное землевладение, с которого взималась раз навсегда установленная рента, могло быть отчуждаемо без согласия лэндлорда (даже если лэндлордом было государство). Они фактически являются свободными владельцами, с которых взималась арендная плата. Они обычно находятся во владении раджпутов и брахманов, предки которых завоевали страну, и которые обязаны снабжать армию лэндлорда, в случае войны. Держатели являются основной частью крестьянских собственников, их положение очень обеспечено по сравнению с другими землевладельцами. Владение ограничено точно определенными пределами вне зависимости от количества земли. Рента не изменяется, если даже земля будет оценена выше чем ее приблизительная оценка при первоначальном поселении.²

Эти термины, как объясняет Гирсон, являются до-британскими и указывают на тогдашнюю сельскую организацию. И они указывают на чисто феодальные земельные права, как и на крепостнический способ производства.

Королевская комиссия по земледелию в своем отчете также упоминает о существовании старого крепостничества в Бихаре даже в наши дни — в 1928 г.

Затем нужно посмотреть на структуру местных государств Раджпутаны, где сохранились старые формы, которые являются чисто феодальными. В виду недостатка времени я не буду подробно говорить о них, но призову вас взглянуть на исследования Лиги наций о рабстве; не потому, что я соглашаюсь с этим империалистическим собранием, которое именуется Лигой наций, основанной специально для того, чтобы продолжать колониальную грабеж и бороться с пролетарским государством, но потому, что собранные ею материалы ценны.

Таким образом, мы не находим ни в работах Маркса, ни в фактах индийской действительности ничего, что бы говорило в пользу существования азиатского способа производства в до-британской Индии, и ничег такого, что могло бы давать основание для отрицания феодального развития.

¹ Изд. 1926 г., стр. 313.

² Там же, стр. 325.

¹ Баден-Пуэлла, Земельная система Британской Индии, т. III, стр. 120—122.

² Там же.

У меня мало времени, и я не могу сейчас вдаваться в подробности, но из индийской истории видно, что процесс феодализма начался в Индии с Маурийской империи—за 320 лет до нашей эры. В литературном памятнике того времени «Арташастра» (II книга, I глава) мы находим данные о наследственном землевладении, с правом продажи (?) и передачи, которые дают ясное представление о раннем процессе феодализма. Это было в большей или меньшей степени усовершенствовано к концу династии Гупта (VI век), но достигло апогея при мусульманском завоевании. В XIII веке мы видим императора Фироза, с одной стороны, развивающего земледелие путем ирригационных работ, а с другой стороны, жалующего придворной знати большие земельные участки (феоды), что было основной формой земельной налоговой системы. Он и его преемники даривали даже деревни своим «друзьям», которые считали их своей собственностью, и часто продавали право на нее, но еще чаще закладывали ее ростовщикам за проценты. Мы находим и такие факты, как напр. после большой победы или завоевания императоры требовали от знати, чтобы она доказала «дарственными грамотами» свое право на землевладения, и санкционировали эти права, если они были доказаны и если данный человек считался благонадежным.

В течение царствования Акбара мы находим не только завершение феодального развития, но и централизованную феодальную империю. В ту пору образовались владения «джагио» и «алук» почти в той же форме, в какой они известны нам теперь, т. е. в форме несомненно феодальной, что принимает даже т. Мадьяр.

После Аурангзеба мы замечаем в Индии развитие «денежного капитала», которое идет по двум путям, как и в Европе: торговля и ростовщичество. Это развитие в значительной степени объясняет революцию 1757 г., которая привела к завоеванию Индии англичанами. Несомненно, что Британская ост-индская компания одержала верх не столько благодаря своему военному преимуществу, сколько благодаря своему положению монополиста торгового капитала, причем индийский капитал выступал в роли компрадоров и т. д.

Последний вопрос, который встает перед нами, это вопрос о том, что ввели англичане в Индии. Чтобы ответить на него, я процитирую Маркса.

Англия же сломала самое основание индусского общества, не обнаружив до сих пор никаких попыток к его преобразованию. Англиям предстоит выполнить в Индии двойную миссию: разрушительную и созидательную: с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой — заложить материальный фундамент западного общественного строя в Азии...

Теперь же дела приняли другой оборот. Промышленная олигархия открыла, что ее жизненные интересы требуют превращения Индии в производящую страну и что для этой цели необходимо прежде всего снабдить ее ирригационными сооружениями и внутренними путями сообщения. Промышленники намерены покрыть Индию сетью железных дорог, и они это сделают. Это должно дать неоценимые результаты.

Раз только вы ввели машину в качестве средства передвижения в страну, обладающую железом и углем, то вы не можете помешать тому, чтобы эта страна сама не стала производить ее...

Железнодорожная система поэтому поистине станет в Индии предвестницей современной индустрии.¹

¹ М а р к с, Письма об Индии, «Летописи марксизма», № 3, стр. 52 — 54.

Это не значит, что англичане были заинтересованы в освобождении производительных сил Индии. В этом вопросе я сделал одну из своих больших ошибок. Маркс пишет:

Но все то, что вынуждена будет сделать английская буржуазия, не сможет ни освободить народной массы, ни существенно улучшить их социальное положение, которое зависит не только от развития производительных сил, но и от присвоения их народом. Что же касается буржуазии, то она создает лишь материальные предпосылки для того и другого. Но разве буржуазия когда-либо делала больше? Разве она когда-либо осуществляла прогресс без того, чтобы покрыть отдельных лиц, как и целые народы, кровью и грязью, нищетой и унижением?

Заключение, к которому я прихожу, что все марксисты должны неуклонно бороться до конца с такими антимарксистскими концепциями, как отрицание феодального развития в Азии, к чему сводится азиатский способ производства. Это дало гандистам сильную поддержку в их теории о том, что Индия имеет свой особый путь развития, который ничего общего с европейским не имеет. Теория, которую они применяют для того, чтобы одурачивать неорганизованные пролетарские массы, и особенно крестьянство. Со всем, что может питать и поддерживать концепцию индийской буржуазии, нужно решительно и до конца бороться. Товарищи, я, как работник вашего института, не могу не воспользоваться случаем, чтобы не сказать несколько слов о своих ошибках в концепции роли британского промышленного капитала в Индии в XIX веке.

В «Англии и Индии» (стр. 12 и многие другие) я писал, что новая Индия родилась к 1860 г. на основе ликвидации феодализма, что освободило до некоторой степени ее производительные силы, и т. д. Такие теории не только неправильны, но и поддерживают теорию деколонизации, несмотря на всю мою борьбу против этой реакционной теории. С этими ошибками надо бороться решительно, что я сейчас и делаю. Подробная критика моих ошибок будет скоро напечатана в январском номере «Аграрных проблем». Я признаю эти вопиющие ошибки и прошу вас помочь мне в борьбе с ними.

Г. Папаян.

Противников азиатского способа производства можно разбить на две категории. Первая категория, отрицающая азиатский способ производства вообще, отрицает, что такая концепция имеется у Маркса, вторая категория, — это товарищи, которые говорят: Маркс признавал эту концепцию, но, тем не менее, это можно объяснить низким уровнем марксовой теории того времени, незнанием Маркса с Востоком.

Итак, одна группа более откровенно говорит то, что другая говорит завуалированно, прибегая к удачным, а иногда и неудачным софизмам. По существу, хотя здесь Йолк и отмежевывается от Годеса, а Годес наверное будет отмежевываться от Йолка, но они представляют нечто единое, их соединяет единая цель — опровергнуть марксову концепцию об азиатском способе производства. Правда, к этой

¹ Ш т у с с е р, стр. 34.

общей цели они идут разными путями, но генеральный план у них один, хотя тактика и разная.

Берем тезисы т. Годеса. Здесь в третьем пункте он пишет (об этом он также и говорил):

бесспорным можно считать то, что по Марксу азиатский способ производства — общественная формация и то, что эта формация занимает определенное место в ряде других.

Годес как будто бы совершенно определенно говорит, что Маркс признавал эту формацию. Чем же т. Годес объясняет ошибку Маркса и что он ставит задачей марксистского востоковедения? Он считает, что марксистское востоковедение должно объяснить, почему Маркс на определенном уровне развития востоковедения, на определенном этапе развития марксистской теории пришел к концепции, которая при ближайшем знакомстве с историей Востока не подтверждается.

По т. Годесу концепция азиатского способа производства появилась в то время, когда марксистская теория была еще недостаточно высоко развита, что на том этапе развития эта теория была на столь низком уровне, что можно сказать, что Маркс еще не был марксистом и допускал ошибки. Это во-первых, а во-вторых — само востоковедение того времени было настолько слабо развито, что Маркс не мог знать конкретного материала в достаточной степени; здесь выявляется еще один грех Маркса, а именно — получается, что Маркс, не зная конкретного материала, выдвигал какие то концепции об общественных формациях. Я не думаю, чтобы Маркс так легкомысленно относился к вопросу об общественных формациях.

Интересно проследить, как у Маркса складывалась его теория об общественных формациях.

Если взять ранние работы Маркса — «Немецкую идеологию», «Наемный труд и капитал», — то там мы видим три общественные формации: античную, феодальную и буржуазную. Стало быть, Маркс в 1847 г., когда писал «Наемный труд и капитал», признавал три формации, о других формациях в то время он не говорил.

Позже, в предисловии и введении «К критике политической экономии» в 1857-59 гг. Маркс говорит о четырех формациях, прибавляя к античному, феодальному и буржуазному обществу восточное общество. В предисловии имеются соответствующие места, которые здесь уже приводились.

Безусловно, Маркс в более поздних работах — на протяжении «Капитала» — и Энгельс в «Анти Дюринге» остаются на точке зрения особого способа производства, который они называют азиатским.

Если стать на точку зрения Годеса, то надо признать, что Маркс деградировал: сначала он стоял на правильной точке зрения и считал, что могут быть только три общественные формации, а потом перешел на неправильную точку зрения и «выдумал» эту четвертую формацию.

Дальше. Знал-ли Маркс что-либо о Востоке или питался случайными сведениями? Если вы возьмете статью Фокса в 13-м номере журнала «Летописи марксизма», то там вы найдете перечень всех книг, которыми Маркс пользовался в эти годы. Если взять эти данные, то ясно, что Маркс усиленно занимался Востоком, в частности Индией. Нам известно также, что и Энгельс занимался Востоком, в частности

персидским языком, был знаком с Ближним Востоком. Таким образом, со стороны материала, т. е. использования материала, как будто бы, все обстоит благополучно. Но может быть материал был такой односторонний и однобокий, что не было выбора?

Например, если взять вопрос о государственной собственности на землю, то надо сказать, что в то время велись большие споры по вопросу о собственности на землю в Индии. Часть источников, как Джонс, Уилкс, Герен стояли на точке зрения существования частной собственности на землю в Индии, но тем не менее Маркс и Энгельс склонялись к теории Бернье, который считал, что в Индии частной собственности не было.

Бернье, — пишет Маркс, — справедливо усматривает основу всех явлений на Востоке в том, что там не существует частной собственности на землю — в этом действительный ключ даже к восточному небу.¹

Отсюда ясно, что Маркс работал над Востоком, и после этого пришел к такой концепции. В 1847-48 гг., когда он Востоком не занимался, этой концепции он не выдвигал, и в 1857-59 г. (с 1853 г. он начал заниматься Востоком) и эту концепцию включил.

Вопрос о низком уровне марксистской науки отпадает, вопрос о том, что Маркс не был знаком с Востоком в достаточной мере, тоже отпадает.

Теперь вторая группа, которую представляет здесь Иолк. Эта группа стоит на точке зрения отрицания того, что Маркс признавал азиатский способ производства. Но так как доказать, что Маркс не написал того, что он написал, достаточно трудно, если честно подходить к вопросу, то Иолк всячески старался тут передергивать. Мы видели, что выступление Иолка состояло сплошь из демагогии и софизмов. Если взять то место из предисловия «К критике политической экономии», где Маркс говорит о четырех формациях, то мы видим, что Иолк даже здесь нашел возможным придраться, заявив, что Маркс говорит не об общественной формации и о способе производства, а о техническом способе производства. Не знаю, но мне кажется, что о буржуазном способе производства, как о техническом способе производства как-будто бы не говорят, так что считать, что Маркс говорил об азиатском способе производства как о техническом, а об остальных — античном, феодальном и буржуазном — как об общественных формациях, конечно, не приходится. Это совершенно ясно. Такое «комментирование» Маркса вряд ли кому нужно и вряд ли оно является допустимым.

Нужно сказать, что Иолк на Марксе остановился очень мало, так как это дело трудное; он старался больше говорить о современном положении, причем аргументы его были примерно такого порядка: вот, мол, Ломинадзе говорил об азиатском способе производства в 1927 г., а затем — прямо этого не говорилось, но это подразумевалось само собой — Ломинадзе возглавил право-левацкий блок. Отсюда ясно, что концепция азиатского способа производства — концепция явно оппортунистического порядка.

Но ведь, товарищи, если стать на такой путь, то можно было бы указать и Иолку, что известный ренегат Рой отрицает азиатский спо-

¹ Письма Маркса и Энгельса.

соб производства примерно такими же аргументами, какие развивались здесь Иолком. Если стать на точку зрения Иолка, то его нужно обвинить в родстве с Роем. Ничего другого не остается.

Еще одно такое же смехотворное утверждение. А именно, Иолк заявлял, что буржуазные ученые хватаются за азиатский способ производства для того, чтобы доказать бесклассовость восточного общества. Если же присмотреться к работам буржуазных ученых, то, наоборот, все они как раз говорят о том, что на Востоке мы имеем феодализм (Голос: не все, а большинство). Да, подавляющее большинство. Они не могут отойти от общей мерки: что было в Европе, то, по их мнению, должно было быть и на Востоке. Так что в этом отношении можно было бы привести не одну и не две цитаты, а гораздо больше почти из любого сочинения буржуазных востоковедов.

Вот те примеры, к которым прибегает Иолк. Мне кажется, что к этим приемам прибегать не стоит, так как кроме внешнего эффекта они ничего дать не могут, да и вообще софизмами и демагогией вряд ли нужно разрешать вопросы методологического характера, вопросы о теории общественных формаций. Тем более нельзя вопросы такого порядка, как методологические, решать огульными обвинениями в скатывании к троцкизму, к богдановщине, к механистической теории и т. д. и приводить тысячу обвинений и эпитетов, которые давал здесь Иолк сторонникам концепции азиатского способа производства. Конечно, это не метод для дискуссии. Этот метод никак нашей дискуссии помочь не может. Дело не в том или другом голословном обвинении, дело не в приписывании того или иного греха, не в навешивании того или иного ярлыка, а в доказательстве, что данная точка зрения неправомерна, и при этом обязательно нужно доказать, в чем ошибка.

Иолк этого здесь не сделал.

Теперь следует остановиться на таком месте.

Здесь некоторые товарищи отрицали, что Ленин признавал азиатский способ производства, как особую общественную формацию. Обратимся к докладу Ленина о Стокгольмском съезде, где, полемизируя с Плехановым, он говорит:

Допустим на минуту, что в московской, донетровской Руси, в XVII веке, существовала действительно национализация земли. Что отсюда следует? По логике Плеханова отсюда следует, что ввести национализацию значит облегчить реставрацию московской Руси. Но такая логика есть именно софизм, а не логика, или игра в слова без анализа экономической основы явлений или экономического содержания понятий. Поскольку в московской Руси была (или: если в московской Руси была) национализация земли, постольку экономической основой ее был азиатский способ производства. Между тем, в России со второй половины XIX в. укрепился и в XX в. стал безусловно преобладающим капиталистический способ производства. Что же остается от довода Плеханова? Национализацию, основанную на азиатском способе производства, он смешал с национализацией, основанной на капиталистическом способе производства. Из-за тождества слов он просмотрел коренное различие экономических, именно производственных отношений.

Находятся товарищи, которые говорят, что это недостаточно ясно, — совершенно ясно, двух мнений быть не может: из-за тождества слов Плеханов просмотрел коренное различие производственных отношений — капиталистических и азиатских.

В этой цитате следовало бы обратить внимание на то, что, во-первых, Ленин признавал этот способ производства, определенно говорил об этом, и во-вторых, что Ленин считал национализацию земель

основной чертой азиатского способа производства, считал основным в этой концепции. То же самое признавал Маркс, когда говорил, что государственная собственность на землю является клещом даже к «восточному небу». Из этих двух цитат ясно вытекает, что Ленин и Маркс придают форме собственности на землю большое, решающее, мне кажется значение. При определении азиатского способа производства они говорят о национализации, как о необходимом признаке.

Как это связывается с тем, что способ производства определяется способом, которым прибавочный продукт выжимается из непосредственного производителя, способом эксплуатации, характером отношения между непосредственным производителем и владельцем средств производства. При наличии государственной собственности на землю форма присвоения прибавочного продукта принимает совершенно новый вид ренты — налога. Этот вид надо признать, как специфический вид эксплуатации, свойственный азиатскому способу производства. Об этом виде эксплуатации Маркс говорит: «если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и суверена, то рента и налог совпадают»: (Голос: есть особая форма ренты.) Да, есть особая форма ренты.

Когда Маркс ставит вопрос о возникновении земельной ренты при капитализме, то он говорит о трех проблемах, которые нужно разрешить: первая проблема — переход от феодального землевладения к другой форме, к категории капиталистической земельной ренты; вторая проблема — как возникает рента в США, где земля первоначально не являлась частной собственностью, и третья — азиатская форма землевладения — продолжает еще существовать. Здесь интересно, что Маркс говорит об азиатской форме земледелия, об азиатской форме ренты, о форме перехода этой специфической ренты в капиталистическую. Мимо этого места проходить не следует. Здесь говорилось о том, что вот национализация земли у Маркса есть, но было ли это на самом деле в истории — неизвестно. Словом, бралась под сомнение принадлежность земли государству. Между тем, примеры этому мы можем найти в истории Индии, в истории Китая, в истории Египта, причем материалы, на которых можно в этом отношении основываться, являются достаточно авторитетными, для того чтобы им можно было доверять. В частности, об этом говорит по Китаю «Ши-цзин», который не подвергается сомнению, об этом говорится в «Чжоу-Ли» и, наконец, по Индии об этом говорится в источнике, не подвергающемся сомнению, — «Арташастра» и, наконец, об этом имеются сказания греческого посла Мегасфена (об Индии), что также не подвергается сомнению. Так что в наличии такой формы землевладения в нескольких азиатских странах и частью в Африке, в Египте, сомневаться не приходится.

Перейду к следующему моменту — к классам. Какие классы существуют в этом государстве в азиатском обществе? Маркс противопоставляет в азиатском государстве класс эксплуатируемых крестьян государству. Так, например, он говорит:

При указанных прежних способах главные владельцы прибавочного продукта — крупные рабовладельцы, феодальные сеньоры, государство.¹

¹ Маркс, Капитал, т. III, ч. 2.

Таким образом, он ставит на одну доску класс рабовладельцев, феодальных сеньоров и государство. Итак, вы видите, что Маркс ставил государство на одну доску с господствующими классами в античном и феодальном обществах.

Далее он говорит:

В деспотических государствах труд верховного надзора и всестороннего вмешательства правительства охватывает обе стороны: и исполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и массой народа.¹

Тут ясно, — Маркс считает, что классовый антагонизм в азиатском обществе есть антагонизм между правительством и крестьянством. Конечно, о социальной равнине здесь нет и речи. Здесь господствующий класс в целом на основе коллективного владения землей, оросительными сооружениями выкачивает прибавочный продукт из крестьян. Здесь специфичность заключается в том, что господствующий класс в целом участвует в управлении страной, получает ренту, которая принимает совершенно новую форму. Здесь господствующий класс это коллектив землевладельцев. Государственная собственность на землю есть не что иное, как коллективное землевладение господствующего класса.

Эта концепция находит подтверждение в истории. Если порыться хорошенько в источниках, то окажется, что мы действительно имеем это, и Маркс пришел к этой концепции на основании изучения современной ему Индии не очень отдаленного времени, как думают некоторые товарищи, а Индии ему современной. Если же взять прошлое Индии, то картина вырисовывается ярче.

Я еще хотел бы остановиться на некоторых выступлениях, в частности на выступлении т. Штейна. Не знаю, почему он так сочувственно отнесся к нам, ко мне и к Кокину, сказав, что он сочувствует нашему трагическому положению, что при Чжоу мы нашли азиатский способ производства, необходимость орошения, тогда как дело, по его мнению, было просто: орошались колодцами, следовательно, никаких больших работ по канализации не требовалось.

Большая ошибка — колодцев, орошающих поля, не было, были каналы. Тут, видимо, т. Штейн впал в заблуждение, между тем, он преподает и его предмет народное хозяйство Китая. Казалось бы, что ему то уж следует знать, что это была не система колодцев. Таким образом, сочувствовать приходится больше ему, чем кому-либо другому.

На фактическом материале т. Штукин старался опровергнуть азиатский способ производства отсутствием необходимости орошения в Китае и т. д. Но если присмотреться к тому материалу, который приводил т. Штукин, вряд ли мы будем считать его удачным. Он говорил, что в таком-то месте такой-то книги сказано, что не могли выгонять коров на пастбище, потому что там была вода, там были болота...

Ну так что же? Мы знаем, что есть места, где при наличии болот необходимо орошение; что же касается наводнения, то они только подтверждают необходимость этих работ (Голос: А дождевая вода?). Пусть дождевая. Ведь земля требует равномерного орошения, лесо-

вая почва требует равномерного питания водою, потому орошение здесь необходимо. Что же касается наводнения, то это нисколько не опровергает мои мысли, ибо раз бывают наводнения, раз река часто выходит из своего русла, то стало быть здесь нужны большие работы.

Теперь остановлюсь на выступлении т. Полякова. Я коснусь одного пункта, где он сделал открытие, что у Маркса во французском переводе, в последнем издании, сказано совсем не то, что думали раньше. А именно, что Маркс говорит о способе производства древней Азии (Голос: Древности — в целом).

Теперь позвольте остановиться на одном выступлении сторонника азиатского способа производства — т. Плотникова.

У Плотникова в вопросе о классообразовании была допущена явная богдановщина. Мне придется отмежеваться от Плотникова в этом вопросе, как и в вопросе о роли географической среды в развитии азиатского хозяйства. Он говорит, что азиатское общество в далекой древности, еще задолго до нашей эры, изживает азиатский способ производства, в результате чего появляется феодализм. По моему, это неверно. Маркс пришел к концепции об азиатском способе производства на основании изучения не какой-то далекой Индии, а современной ему Индии.

Далее, что могло создать этот новый способ производства из азиатского, создать феодализм? По мнению Плотникова, торговля. Между тем, торговля не создает нового способа производства, а в азиатском обществе азиатские формы ростовщичества и торговли могут существовать, не вызывая ничего нового «кроме экономического упадка и политической коррупции», что на истории этих стран и можно видеть.

К сожалению, я не имею возможности в виду ограничения времени более подробно остановиться на выступлении т. Плотникова.

Противники концепции азиатского способа производства ищут феодализм там, где его не было, и этим очень сильно походят на тех английских буржуазных ученых, которые земиндаров превратили в феодалов, — в лэндлордов в Индии, и, по выражению Маркса, хотят этих мирных людей облачить в военные доспехи феодалов; они похожи на тех английских юристов, ищущих в Индии частной земельной собственности, которых высмеивал Энгельс.

Может быть, ошибка этих товарищей не приводит их к ошибке в вопросах современного революционного движения в странах колониальных, в частности в Китае? Этот отказ от азиатского способа производства толкает их на замазывание роли джентри. Сторонники концепции феодализма не могут никак объяснить, что такое джентри, они не видят джентри в китайской деревне. А не видеть джентри значит то же самое, что не видеть в нашей деревне кулака¹. В этой части они объективно берут под защиту джентри — джентри нет, есть помещик и, значит, только с ним надо бороться. Совершенно не случайно, что крестьянское движение, в частности тайпинское движение, главным лозунгом имело «бей джентри» (Поляков с места: Ничего подобного: «Защищай джентри»).

Известно, что у т. Полякова на этот счет имеется оригинальная тео-

¹ Там же.

¹ Кулака я здесь упоминаю очень условно. Конечно, я признаю, что не джентри основная фигура, а основная фигура — помещик.

рия, что тайпинская революция не есть революция, а есть тайпинская контрреволюция.

Если мы не будем считаться с джентри, то мы проглядим фигуру очень существенную для китайской деревни. А джентри без азиатского способа производства понять нельзя. Что это за своеобразная фигура? Это не помещик (Г о л о с: Это помещик). Не помещик.

В вопросе о том, что в современной деревне Китая и Индии мы имеем частично остатки азиатского способа производства, можно сослаться на программу Коминтерна — документ достаточно авторитетный. Там в главе об основных типах революции дается схематическая характеристика отдельных групп стран. В частности следующая:

Колониальные и полуколониальные страны (Китай, Индия и т. д.) и страны зависимые (Аргентина, Бразилия и пр.), с известными зачатками, а иногда и со значительным развитием индустрии, недостаточной однако в большинстве случаев для самостоятельного социалистического строительства, страны с преобладанием феодально-средневековых отношений или отношений «азиатского способа производства» как в экономике страны, так и в ее политической надстройке... центральное значение имеет здесь борьба с феодализмом, докапиталистическими формами эксплуатации и последовательно проводимая аграрная революция крестьянства...

Таким образом, получается, что в программе Коминтерна говорится о преобладании феодальных средневековых отношений, с одной стороны, и здесь центральное значение имеет борьба с феодализмом, а с другой стороны, преобладание отношений азиатского способа производства, и здесь центральное значение имеет борьба с докапиталистическими формами эксплуатации. Как-будто бы ясно, но, взяв под сомнение Маркса, можно взять под сомнение и программу Коммунистического Интернационала. Иолк говорит о том, что азиатский способ производства поставлен здесь в кавычки. Но разве это доказывает то, что в программе Коминтерна он взят условно? Он взят, как термин, в который нельзя вложить понятие, которое касается всей Азии, и только Азии, ибо как термин он может быть применен и к странам вне Азии. В этом значении он и взят в кавычки, а не так, как об этом говорил Иолк.

Я хочу остановиться еще на одном пункте выступления Иолка. Здесь он выступал и потрясал нашей книгой, указывая, что на ней напечатано «ЦИК СССР. Ленинградский Восточный институт», а между тем, мол, в этой книге преподносятся антимарксистские концепции, как например азиатский способ производства. Далее он указывал, что эта книга пойдет за-границу, в Китай, что молодежь, рабочие ждут от СССР указаний и т. д. и т. п. и что, мол, эта книга их дезориентирует.

Ну, прежде всего, нужно сказать, что наш институт все-таки не является уж таким большим авторитетом (Г о л о с: Почему?). Да хотя бы потому, что большим авторитетом пользуется Коммунистическая Академия, выпустившая книгу Мадьяра, признающего азиатский способ производства, притом без всякого предисловия. Кроме того, есть еще учреждение — Институт Маркса и Энгельса, выпустивший «Летописи марксизма», № 13 со статьей Фокса о взглядах Маркса на азиатский способ производства, автор которой стоит на точке зрения признания азиатского способа производства, причем Институт никаких примечаний не сделал. В таких условиях заявлять о нашей

якобы антимарксистской концепции, которую печатать нельзя, является демагогией.

Теперь несколько слов о тех ошибках, которые были нами допущены в книге. Основная ошибка — в вопросе о классовом образовании и об образовании государства.

Здесь мы сделали ту же ошибку, которую сделал т. Плотноков, выведший из общественных функций образование государства. От этой ошибки надо отмежеваться — это неверно. Классы образуются не из выполнения общественных функций. Мне кажется, что классы образуются на захвате необходимых средств производства, в частности, средств орошения, на основании имущественной дифференциации; таким образом, появляется господствующий класс, который объединяется в коллектив и коллективно эксплуатирует крестьянство. Здесь была ошибка, о чем надо говорить прямо.

Дальше, ошибка по вопросу о застойности азиатского способа производства. У нас сказано, что Маркс в этом вопросе несколько ошибся. Мы не поняли Маркса и начали его поправлять. Мы приняли не основное за основное и говорили, что здесь не абсолютная застойность и т. д.

Так как я не останавливался на вопросе о том, куда идет азиатский способ производства, куда развивается, а этот вопрос многими задавался, то мне нужно на него ответить. Азиатский способ производства начинает разлагаться в период развития торговли и ростовщичества. Это разложение тянется целые века, но нового способа производства не создается, — на время восстанавливается снова, затем разрушается и т. д. Появляется частная собственность на землю, появляется помещик. Развитие торговли накладывает свой отпечаток, разлагает общественную фермацию, но нового общества не создает.

Мне кажется, что Маркс стоял на такой точке зрения, когда он говорил, что торговля может в течение долгого времени существовать при азиатском способе производства, не создавая нового способа, а разлагая его, создавая экономический упадок и политическую коррупцию. Он разлагается вплоть до того, когда приходит в столкновение с капитализмом — иначе нельзя понимать высказывания Маркса и программу Коминтерна, где говорится об остатках азиатского способа производства, а не о каких-либо других (Г о д е с: Китай переживает переходный период от азиатского способа производства к капитализму или от феодализма к капитализму?).

В Китае мы имеем остатки азиатского способа производства, как имеем остатки азиатского господствующего класса в лице джентри, но в то же время мы имеем и помещика, который появляется, как я говорил, в результате разложения азиатского способа производства из джентри и занимает основное место по эксплуатации крестьянства. В данное время главный враг революции в китайской деревне — помещик. Против него основной огонь. Но ни в коем случае нельзя забывать и джентри. Я считаю, что ККП дала правильный лозунг: «Долой и помещиков и джентри».

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В нескольких словах — о задачах дискуссии, хотя об этом уже много говорилось. Выступавшие здесь т. Годес и т. Плотников в основном правильно поставили вопрос о том, каковы очередные задачи, которые стоят перед дискуссией. Тов. Иолк же считает, что основная задача дискуссии заключается не в том, чтобы выяснить, действительно ли азиатский способ производства — особая формация или нет. Мне кажется, что т. Иолк был неправ. Товарищи, совсем недавно в «Правде», в связи с десятилетием Института красной профессуры (ибо в феврале был издан декрет об организации Института красной профессуры в Москве и Ленинграде) была напечатана статья М. Н. Покровского, где он приводит текст декрета, подписанного Лениным, в котором говорится о необходимости создания институтов по подготовке преподавателей для ВУЗов, о необходимости преподавания в них теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства. Совершенно очевидно, что история общественных формаций здесь нашла свое отражение, как один из пяти основных вопросов, по которым, по мнению Ленина, должен подготавливаться профессорский состав для нашей высшей школы. Поэтому говорить о том, что вопрос об азиатском способе производства, как об особой формации, является неинтересным, с моей точки зрения, совершенно необосновано.

Еще несколько слов по этому вопросу. Надо признать, что т. Иолк здесь сделал внешне блестящее выступление, но, как известно, не все то золото, что блестит. И мне кажется, что пример Иолка это показывает самым недвусмысленным образом. Что говорил т. Иолк? Он говорил о том, что сторонники теории азиатского способа производства, применяя эту теорию к конкретной действительности, немедленно сползают на правооппортунистические рельсы, или к троцкизму, или к чемунибудь столь же приятному в этом же роде. Я считаю это абсолютно неверным. И то, что доказывал т. Иолк, по моему, осталось недоказанным. Возможно, товарищи, что именно азиатский способ производства привел некоторых товарищей к не совсем верным выводам. В частности, я должен сказать, что, возможно, ошибка, допущенная Ломнадзе в оценке китайской революции, связана с этой теорией. Но с другой стороны стоит отметить и то, что те доказательства, которые Иолк приводил против азиатского способа производства, целиком совпадают с аргументацией Роя. Но, конечно, совершенно очевидно, что на этом основании я не собираюсь обвинять Иолка в том,

что он стоит на точке зрения Роя, как это он позволил себе заявить по адресу т. Варга. Я хочу только показать, что такой метод аргументации абсолютно ничего не доказывает. Еще несколько слов в связи с этим. Товарищи, надо отметить, что Радек, который являлся основным вождем троцкистской оппозиции в отношении китайской революции, отрицал азиатский способ производства. Более того, Радек как и Рой был самым страстным противником этой теории. С другой стороны — Магдьяр, который давно стоит на точке зрения азиатского способа производства, именно в вопросах китайской революции во время дискуссии с троцкистами занимал по отношению к китайской революции правильную позицию.

Одно дело — отрицать феодализм в древнем Китае, другое дело — сейчас. Одно дело — изучение того, существовал ли в Китае азиатский способ производства в тот или другой период его истории, другое дело говорить, что в Китае сейчас нет феодализма, ибо там господствует торговый капитал. Сваливать эти вещи в одну кучу нет оснований.

Тов. Мухарджи и т. Лурье доказывали, что азиатский способ производства есть до-классовая формация, и так как в азиатском обществе она сохранилась дольше, чем в Европе, то Маркс, — считают они, — под азиатским способом производства понимал именно до-классовое общество. Ясно, что это ни на чем не основанная точка зрения; совершенно ясно, что Маркс стоял не на этой точке зрения, что под азиатским способом производства Маркс понимал определенную классовую формацию, а не до-классовое общество.

Относительно формулировок т. Иолка, который указывал, что Маркс понимал под азиатским способом производства не азиатский способ производства, а что то другое. Тов. Иолк заявлял здесь следующее: «С полной ответственностью заявляю, что это место из предисловия «К критике» до сих пор неправильно переводилось...» Неправильно переводилось, а правильный перевод сделал т. Иолк. Здесь, видите ли, сказано «Formazien», т. е. во множественном числе. Во первых, это не меняет сути дела, во вторых, там, где Маркс говорил, что буржуазное общество дошло до понимания восточного общества, когда наступила эпоха самокритики буржуазного общества, там ведь формация стоит в единственном числе!

Утверждения т. Иолка о том, что в «К критике» речь идет о технических способах производства, а не об общественных формациях, может вызвать только удивление. Это что же, буржуазный способ производства — технический способ производства, вроде ремесленного? И феодальный? И античный? Или только азиатский?

А с другой стороны, тот же т. Иолк говорил, что азиатский способ производства рассматривается, как первая ступень антагонистического общества, которое могло быть обществом, основанным на рабстве или на феодально-крепостном способе эксплуатации. Что же это — формация или не формация? Если это формация — как же могут быть там одновременно и отношения феодального порядка и отношения раба — рабовладельца? Если это не формация — зачем говорить, что это первая ступень развития человеческого общества? Здесь т. Иолк концов с концами не свел.

В связи с вопросом об оценке Лениным азиатского способа производства, т. Папаян вновь привел цитату из выступления Ленина против

Плеханова. В этом выступлении Ленин говорит об азиатском способе производства, как об особой формации. Ленин, в том месте, которое приводил Иолк (XVI т.), проводил параллель между крепостническими отношениями, старо-китайскими и т. д. Я не могу сказать, что Ленин отрицал азиатский способ производства — IX том не дает права это сказать, — но также трудно сказать, что Ленин несомненно признавал его.

Я думаю, что этот вопрос стоило бы специально осветить, выяснить, в связи с чем Ленин говорил в докладе о IV съезде, что азиатский способ производства существует; надо выяснить, что хотел сказать Ленин, когда он проводил параллель между крепостничеством и старо-китайской системой. До детального изучения этого вопроса рано заявлять об отношении Ленина к теории азиатского способа производства.

Тов. Иолк сообщил здесь, что в программе Коминтерна термин азиатский способ производства Коминтерном поставлен в кавычки, что вряд ли имело бы место, по его мнению, если бы программа признавала этот способ производства. Он проводил параллель в том смысле, что если кого-нибудь называют марксистом в кавычках, то этим отнюдь не хотят сказать, что данное лицо является действительно марксистом, что здесь это говорится иронически. Это, конечно, понятно. И вот, по мнению т. Иолка, термин «азиатский способ производства» введен в программу Коминтерна лишь иронически, если принимать параллель эту буквально. Думаю, что т. Иолк сказать этого не хотел. Тов. Иолк называет политической мудростью составителей программы Коминтерна то, что они поставили термин азиатского способа производства в кавычки, политической мудростью, которая по Иолку заключается в том, что нам представляется возможность вкладывать различное содержание в эту формулировку.¹ Вот это называется комплимент! Что это за «политическая мудрость составителей программы», которая позволяет вкладывать тот или другой смысл в эту программу? Я хочу — толкую так, а Иолк толкует эдак. Ведь программа должна быть точно сформулирована и не должна давать оснований для различных толкований, поэтому весьма странным комплиментом является такое утверждение т. Иолка. Для нас совершенно несомненно, что этот термин существует, а поставлен он в кавычки по той причине, о которой совершенно правильно говорил т. Папаян, т. е., что этот способ производства относится не ко всей Азии, и не только к Азии.

Вот одна из задач, которая должна стоять перед товарищами, которые должны будут конкретно, на историческом материале, проверить, существует ли эта формация или нет, и не только как мы с Папаяном, работавшие на конкретном материале эпохи Чжоу, а и на конкретном материале Индии, Персии, Мексики, Перу, Египта.

Пару слов — о феодализме. Я целиком согласен с тем, что говорил т. Ковалев относительно «научного» определения феодализма, которое дал т. Иолк,² ибо совершенно несомненно, что определение т. Иолка съедает целиком и без остатка не только азиатский, но и античный способ производства. Я не знаю, какова точка зрения Иолка сейчас, но, насколько мне известно, в прошлом году он выступал и

против античной формации, как особого способа производства. Это совершенно последовательная линия. Понимать феодализм по «научному», в том смысле, как понимает эту «научность» т. Иолк, это значит съесть без остатка античный и азиатский способы производства, это значит оставить только две формации — докапиталистическую и капиталистическую, феодальную и капиталистическую. Это совершенно ясно. Тов. Иолк здесь говорил о том, что большинство понимает феодализм как такую форму, которая связана с рыцарями, замками, трубадурами, прекрасными дамами и прочими атрибутами рассказов для детей старшего возраста, которые издавались Вольфом. Не знаю, но вряд ли уж такой низкий уровень у товарищей, занимающихся феодализмом. Я считаю, что это совершенно не так. Они понимают феодализм конечно не так, как его понимает Иолк, а понимают его так, как понимали Маркс, Энгельс и Ленин. С таким пониманием феодализма это «научное» определение т. Иолка расходится.

Тов. Папаян сказал, что он не может согласиться с тем, что т. Плотноков говорил относительно процесса образования классов и государства в азиатском обществе. В докладе моем об этом много говорилось, и из доклада совершенно очевидно, что я с мыслью т. Плотнокова тоже абсолютно не согласен.

Мы совершили такую же ошибку, когда писали работу, но ошибка эта была в том, что мы дали недостаточно четкие формулировки, которые объективно вели к богдановщине. Что же касается выступления т. Плотнокова, то ясно, что он целиком и полностью подписался под богдановской теорией возникновения классов и отнес эту теорию к восточному обществу.

По отношению к выступлению т. Плотнокова я остановлюсь на том месте, где он объяснял роль географического фактора в истории человеческого общества. Тов. Плотноков сделал целый ряд ценных замечаний, но тем не менее, надо признать, что он в основном исходил все же из переоценки Плехановым роли географического фактора в истории человеческого общества.

В частности, пример относительно Америки. Известно, что Америка открывалась два раза и результаты этих двух открытий были разные. Объясняется это тем, что уровень развития производительных сил был разный. Основную роль играет уровень производительных сил, при которых географический фактор играет различную роль, в зависимости от высоты этого уровня производительных сил.

Два слова о выступлении т. Ковалева. Тов. Ковалев дал определение классов азиатского общества, но мне кажется, что здесь в отдельных местах дана недостаточно четкая формулировка, которая может вызвать те или иные нападки. Я бы предложил эту формулировку в следующем виде: группа, занимающая положение, отличающееся от положения непосредственных производителей тем, что она может на базе коллективной — государственной — собственности на землю и коллективного владения источниками и всей системой орошения, без которого невозможно земледелие, эксплуатировать непосредственных производителей, объединенных в общины, в пределах которых неразрывно связано земледелие с домашней промышленностью, причем непосредственные производители не ведут самостоятельного хозяйства.

Теперь тот вопрос, который был поставлен мне в докладе т. Годеса —

¹ Это место при правке стенограммы т. Иолком опущено. М. К.

² Тов. Иолк, редактируя стенограмму, радикально изменил то «определение» феодализма, которое было им дано в выступлении. Еся же полемика с ним основана на прежней формулировке выступления. М. К.

куда растет азиатский способ производства. Несомненно, товарищи, что мы можем сказать следующее: единственный способ производства, который непосредственно, неизбежно, с необходимостью растет в следующую формацию — это капитализм; капиталистический способ производства с необходимостью перерастает в социализм через социальную революцию. В недрах капиталистического общества создаются все предпосылки для создания социалистического общества. Можно ли это сказать по отношению к феодализму? В конкретных условиях Европы феодализм приводит к капитализму, но сказать, что феодализм всюду имманентно перерастает в капитализм, пока нельзя. Я бы не решился так категорически это утверждать. Если взять античный способ производства, то надо сказать, что в античном способе производства — по Марксу и Энгельсу — не заложены силы для перехода в высшую форму. Но в конкретных условиях Европы, на развалинах античного общества, мы имеем феодализм.

Вот, примерно, такая картина существовала и при азиатском способе производства. Азиатский способ производства, как и античный, — непосредственно, с необходимостью — в иной способ производства не перерастает, но в конкретных условиях, в частности Китая, я считаю, что на определенном, довольно длительном и чрезвычайно тяжелом этапе разложения азиатского общества складываются феодальные отношения, в которых несомненно сохраняются и пережитки азиатского способа производства. Товарищи, Маркс говорил об этом и говорил неоднократно, что даже в капиталистическом обществе мы имеем пережитки до-капиталистических формаций, но они находятся в «снятом», в подчиненном капиталистическим отношениям, виде. То же самое нужно сказать, по моему, если подойти к тому, что мы находим в Китае. Там, я считаю, основными господствующими отношениями являются отношения феодальные, но пережитки азиатского способа производства мы находим там в снятом, подчиненном феодальным отношениям, виде. Я могу повторить, что джентри — фигура феодальная, но понять джентри органически, во всем процессе его развития, мы можем только исходя из теории азиатского способа производства. Я считаю, что джентри — пережиток азиатской формации, подчиненный господствующим отношениям феодализма. Вот ответ на этот вопрос. Но несомненно, что для того чтобы дать ответ полностью на этот вопрос, надо выявить закон движения азиатской формации. Всем известно, что у нас в настоящее время, к сожалению, еще нет законов движения всех формаций, намеченных Марксом, что это задача будущего. Нам придется ею еще заняться. И я должен сказать, — я думаю, что этого никто оспаривать не будет, — что у нас пока существует только политическая экономия в узком смысле этого слова, но совершенно несомненно, что — по Марксу, по Энгельсу, как мы понимаем этот термин, — политическая экономия есть наука не только о капиталистическом обществе, но и вообще о человеческом обществе. Для того чтобы эту политическую экономию создать, а создать ее необходимо, нужно заниматься конкретным изучением всех докапиталистических формаций для того, чтобы выяснить, нащупать, открыть законы движения, законы развития этих формаций. Только тогда можно совершенно определенно, на основании большого фактического материала показать процесс развития человеческого общества.

В. М. Штейн заявил здесь, что при изучении азиатского способа производства необходимо рассматривать общину не только с точки зрения связи земледелия с домашней промышленностью, ибо последняя характерна не только для азиатского способа производства. Об этом я достаточно много говорил в своем докладе и считаю такую шаблонизацию безусловно вредной. В этом отношении т. Плотноков правильно подчеркнул вчера различие форм общины, откуда вытекает различие процессов классового образования, о чем я также говорил в своем докладе.

Далее, когда т. Штейн заявляет о том, что мы рисуем азиатское общество, как некую социальную равнину, то спрашивается, какая же это социальная равнина, если есть классы? Или В. М. Штейн считает, что в Азии существует особое государство, где нет классов? Ведь социальная равнина может быть только там, где нет классов!

Далее, т. Штейн ставит на одну доску централизацию, в условиях которой живет и развивается восточное общество, и централизацию эпохи развития торгового капитала. Такие вещи путать нельзя. Также и т. Годес проводил параллель между азиатской деспотией и монархией Людовика XIV. Хотя и там, и здесь мы видим централизованное государство, но нельзя же, в конце концов, из за тождества слов просмотреть совершенно различные отношения, которые имеются в этих централизованных государствах, отношения, которые эту централизацию вызывают.

Далее, т. Штейн, в конце выступления, заявляет: «теория феодализма подлежит дальнейшей разработке для того, чтобы она могла вместить те формы феодального порядка, которые были в Азии». Нужно создать такую формулу феодализма, которая бы могла вместить те формы, которые существуют в Азии. Значит существовавшие в Азии формы — пока — в понятие феодализма не укладываются? Значит задача сейчас заключается в том, чтобы создать такую формулу феодализма, которая бы сокрушила без остатка этот самый азиатский способ производства? Это очень ценное признание.

Мне кажется, что выступление т. Штейна лишено достаточной четкости и поэтому довольно трудно возражать ему по существу его взглядов на азиатский способ производства.

Я остановлюсь еще на выступлениях тт. Полякова, Штукина и Осипова. Выступлений тт. Струве и Лурье я касаться не буду, т. к. недостаточно компетентен в истории Египта, а следовать примеру Полякова не считаю возможным. Тов. Поляков говорит: о Китае я знаю, и буду говорить, Египет хуже знаю, но говорить о нем буду, Индию знаю еще хуже, но говорить буду и о ней. Правда, «документально доказать» то положение, что феодализм являлся господствующим способом производства на протяжении всей истории Египта, Вавилона, Индии и Китая т. Поляков собирается «в другом месте». Пусть в «другом месте» и «доказывает». Верить же ему на слово было бы несколько легкомысленно.

Я Египет знаю плохо, то, что я знаю, что изучил вместе с Папаяном, это изложено в нашей книжке. Но мне кажется, — и до сих пор нет достаточных оснований для того, чтобы пересмотреть это утверждение, — что в древнем Египте мы имеем довольно чистый тип азиатской формации.

Тов. Шгукин собирался обвинить меня и Папаяна в том, что чуть ли не мы сыграли роковую роль по отношению к Ван-Ману, который жил на грани нашей эры, соблазнив его провести в жизнь азиатский способ производства в Китае. Ни я, ни Папаян в этом деле не повинны. И лишним доказательством того, что не мной, не Папаяном, не Мадьяром «выдуман» азиатский способ производства, служит то, что этот способ производства имеет весьма конкретные формы в истории Китая. Это, по моему, неплохо показал тот же т. Шгукин, который собирался доказать иное, но привел довольно интересные материалы в нашу пользу. Насчет его трактовки ряда цитат ему ответил Папаян, повторять не буду. В дополнение можно сослаться на «Чжэу-Ли», но говорят, что эта книга поддельна. Ну, а «Арташастра»? Она существует, насколько мне известно, не подвергается сомнениям, и то, что в ней изложено, настолько похоже на содержание «Чжэу-Ли», что приходится удивляться, почему Индия и Китай, абсолютно не связанные между собой в тот период, создали две, почти одинаковые, системы. Здесь мы найдем ответ в том, что в Индии и Китае способ производства был один и тот же, что и придавало большее сходство их идеологическим построениям.

Тов. Поляков говорил о том, что азиатского способа производства не было не в древнем Китае, что утверждали мы, а говорил о том, что этого способа производства не было при манчжурах. Но это все равно, как доказывать, что в Италии в древний период ее истории не было античного способа производства, так как... сейчас там его нет. В Китае не было азиатского способа производства потому, что при манчжурах его не было, не было в 1911 г., не было и в XVIII веке! Но ведь речь идет о периоде Чжоу, который относится к совсем другому времени, который отстоит на пару десятков веков от манчжур! И здесь нельзя аргументировать тем, что в XVIII в. не было азиатского способа производства.

Тов. Поляков считает, что теория азиатского способа производства мешает «нашей плодотворной работе».

Поляков здесь заявил: «Маркс и Энгельс не отмечали особых производственных отношений (для стран Востока. — М. К.), они отмечали лишь (это «лишь» прямо замечательно! — М. К.) специфичность их «имущественных отношений», отношений земельной собственности». Как видно, Полякову неизвестно, что Маркс определял имущественные отношения, как переведенные на юридический язык производственные отношения. Как видно, т. Поляков считает «отношения земельной собственности» ничего общего с производственными отношениями не имеющими.

Вот такое «понимание» Маркса, действительно, мешает плодотворной работе!

По Полякову, при Цинах мы имели «классический (?) образец помещичье-феодального государства». Таким образом, та самая специфичность, которую подчеркивал Годес, здесь выветрилась без остатка. Но раз «классический» феодализм, то ему, конечно, должен предшествовать и античный способ производства. И Поляков, действительно, очень уверенно утверждает, что — по Марксу (!) — в древней Азии существовал античный способ производства.

Как т. Поляков знает, понимает и комментирует Маркса — мы

слышали. Никакие переводы — ни с французского, ни с какого угодно другого языка — здесь вывезти его не смогут.

У т. Лурье тоже получается очень занимательная картина: «Сельская община — читаем мы в стенограмме — переходная форма от доклассового общества к классовому обществу, — очевидно и есть та форма, которую Маркс называл азиатским способом производства».

Итак, азиатский способ производства — это переходная форма от доклассового общества к классовому, которую Маркс считал формацией, ибо, говоря о прогрессивных эпохах развития человеческого общества, ставил ее наряду с феодальной, античной и капиталистической формациями. Переходный период от доклассового общества к классовому — особая формация? Весьма интересное открытие, т. Лурье!

Теперь пару слов о выступлении т. Осипова. Конечно, отвечать на такие выпады Осипова, как — «Кокин и Папаян вслед за Мын-цзы говорят о том, что Чжоуское правительство существовало для благополучия всего народа», или на заявление Калемина — «по Кокину азиатский способ производства в Китае дождался до проникновения в Китай капитализма» — я не собираюсь. Но на некоторых утверждениях т. Осипова я считаю не лишним остановиться. Тов. Осипов считает, с одной стороны, что «до эпохи Чжоу вероятно производились работы против наводнений», но «к эпохе Чжоу, когда расселение расширялось... по китайской равнине, то эти работы уже не имели особого значения», с другой, что орошения вообще не было. По мнению Осипова в «Ши-цзине» нет упоминаний об искусственном орошении, но «Мын-цзы», говоря о колодезной системе, основывается... на «Ши-цзине»! Где логика — одному Осипову известно.

Откуда почерпнуты т. Осиповым его аргументы против наших приложений? Оказывается, не более и не менее, как из работы современного буржуазного ученого профессора Ху-Ши. Все его рассуждения о причинах, заставивших Мын-цзы защищать колодезную систему, все его ссылки на факты, доказывающие частную собственность на землю, все аргументы против «Чжоу-ли» целиком списаны из Ху-Ши (см. том II его сочинений, стр. 267 — 268, 278, а также нашу работу, стр. 33 и др.). Приведу несколько примеров.

Осипов: «До Мын-цзы никто ни слова не упоминает о книге «Чжоу-Ли».

Ху-Ши: До Чжань-го (эпоха Мын-цзы) «никто не упоминает о системе «цзин-тянь» (стр. 249).

Осипов: «Мын-цзы очень туманно представлял себе реальную действительность Чжоу, т. е. Мын-цзы не знал, какая система была при Чжоу».

Ху-Ши: «Мын-цзы действительно не знал, какая система была при Чжоу..., поэтому только и мог говорить о ней путанно и туманно». (стр. 269 — 270).

Количество таких «параллелей» можно увеличить. Но и этого довольно. Совершенно очевидно, что устами Осипова здесь говорил проф. Ху-Ши.

Два слова о том, что — по Осипову — значит «подходить к источникам критически, а не тенденциозно». Приведу текст стихотворения «Цию» из «Ши-цзина», т. Осипов комментирует: здесь, мол, говорится о том, что «как можно прожить без платья» — это доказывает «бедность

крестьянина, эксплуатируемого крупными феодалами». Довольно указания на платё, чтобы наш историк нашел достаточно оснований для утверждения об эксплуатации крестьян не какими-нибудь, а крупными феодалами! Приведа место о том, что в таком-то месяце едят «сливы и вишни», в таком-то «сбивают жужубы», а в таком-то «делают вино», т. Осипов заявляет: это все идет помещикам, хотя в том же стихотворении ясно сказано, что это служит «для прокормления наших землепашцев» (см. «Ши-цзин», т. I, стр. 230 — 231). Или в другом месте т. Осипов переводит «Ши-цзин» следующим образом:

«Ай, наши земледельцы, когда приберут хлеба, поднимаются держать *дворцовые*, домовые работы», а в тексте мы читаем:

«О, наши пахари, наша жатва собрана, пойдем в селение и будем работать дома» (т. I, стр. 232).

Маленькая разница, не правда ли? Вот вам пример «критического, а не тенденциозного» отношения к источникам. Зато т. Осипов не сомневается в том, что «в начале Чжоу было 1800 (точность — то какова!) государств, а потом осталось десять с лишним».

Наконец, о тех резолюциях, которыми собирался нас «угробить» т. Осипов. Первая гласит: то утверждение, что Китай в настоящее время перерастает из азиатского способа производства в капитализм, ошибочно, т. к. оно противоречит действительности Китая. Ну, и что же? Разве не это же я говорил в докладе? Осипов далее утверждает, что джентри — это то же, что помещик. Если это так, то какой смысл был в лозунге «долгой помещика и джентри»? В лозунге, под которым борются массы в китайской революции? Или, быть может, т. Осипов считает этот лозунг ошибочным?

Членораздельно доказать, что азиатский способ производства «выдуман» кем угодно, но не Марксом, ни Иолку, ни другим товарищам не удалось. С другой стороны, попытки доказать, что Маркс в этом вопросе ошибся, что теория эта противоречит всему учению Маркса, Энгельса и Ленина — окончились тоже весьма безуспешно. Доказать, наконец, на конкретном материале отсутствие этой формации тоже не слишком удалось нашим оппонентам. Не ясно ли, что, абстрагируясь от исторического, конкретного материала, этой проблемы — на достигнутом нами этапе — не разрешить? Тем из наших товарищей, которые будут работать над изучением истории тех стран Востока, где — по Марксу — существовал азиатский способ производства, только и удастся, правильно применяя марксистский метод, ответить на занимающий нас вопрос.

Мое время истекло, и я вынужден на этом закончить. Части вопросов, которых я не успел затронуть, коснется т. Годес, с которым я, в отношении оценки ряда положений, выставленных здесь гг. Ковалевым и Плотниковым, совершенно согласен.

М. Годес.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В значительной части моя задача облегчена моим главным противником, т. Кокиным, который в своем содокладе признал, что их (его и Папаяна) концепция восточного государства действительно ведет к Богданову (она не столько ведет к Богданову, сколько идет от него), что с вопросом классовобразования у них тоже обстоит неблагоприятно, что и с движущими силами исторического процесса на Востоке у них тоже получается не ладно. Все это Кокин признал. Я большего почти и не требую. Если я все же собираюсь занять ваше внимание, то потому, что в процессе самой дискуссии мы имели ряд выступлений в защиту той концепции, от которой Кокин, правда недостаточно решительно и последовательно, здесь отказывался. И надо признать, что защита теории азиатского способа производства в имевших в нашей дискуссии место выступлениях гг. Ковалева и Плотникова была во многом более интересной и серьезной, чем у Кокина и Папаяна.

Мне придется высказаться по основным спорным вопросам нашей дискуссии: 1) о толковании высказываний классиков марксизма по интересующему нас предмету; 2) об оценке продукции, которую дала школа Мадьяра; 3) о сущности феодализма, как общественной формации; 4) о ходе исторического процесса в целом; 5) о политическом значении дискуссии. При этом должен предупредить, что не полемики ради я вынужден буду в отношении некоторых выступлений поставить вопрос с достаточной резкостью, ибо меньше всего терпимы влияния в коренных вопросах методологии истории, имеющих политическое значение.

Не всем товарищам, выступавшим в прениях, я смогу ответить, для этого пришлось бы слишком затянуть мое слово. Некоторым товарищам трудно ответить. Например, т. Калемину, который стал под знамя Плотникова и Ковалева. Но ведь эти товарищи дали наиболее развернутую защиту теории азиатского способа производства, и как т. Калемин ухитрился, солидаризируясь с Плотниковым, всю свою речь посвятить критике его теории, мне непонятно.

Начну с того узла разногласий, который, с моей точки зрения, не является центральным в нашей дискуссии. Я согласен с Папаяном, что споры, которые идут у меня с т. Иолком, — споры внутренние, что, говоря словами Папаяна, у нас одна генеральная линия. Основной вопрос не в том, — считал ли Маркс азиатский способ производства особой формацией или нет, а в том, существует ли или существовала ли эта формация в исторической действительности и правильно ли по-

ступают те товарищи, которые теорию азиатского способа производства используют как ключ к пониманию исторического процесса на Востоке.

Стремясь доказать, что Маркс никогда не говорил об азиатском способе производства как общественной формации, т. Иолк пошел по стопам Дубровского. Тот пытался обойти совершенно недвусмысленное положение из предисловия «К критике» таким образом, что толковал перечисленные Марксом формации как способы производства в широком смысле этого слова. Тов. Иолк предлагает нам толковать их как способы производства в узком смысле этого слова. Однако, «широкий смысл» Дубровского и «узкий смысл» Иолка имеют один смысл — затенить ясное положение Маркса, подогнать его под свои построения. По Иолку

в предисловии вероятнее всего речь идет именно о способах производства не в его широком смысле... при чем я предполагаю, что, например, под феодальными способами производства Маркс имел в виду мелко-крестьянский и ремесленный, — под античным — мелко-крестьянский и способ производства, основанный на рабском труде, под азиатскими — общинный способ производства и мелко-крестьянский и т. д.

Это спасительное «и т. д.» избавило т. Иолка от необходимости разъяснить, что вкладывал Маркс в понятие буржуазный способ производства, данное в предисловии, но дело не в этом. Вся эта конструкция, которая, по сути дела, отражает нежелание понять, что в предисловии речь идет именно об общественных формациях, и что перечисление всех возможных способов производства в узком смысле этого слова было бы в этом контексте полнейшей бессмыслицей, — построена на излишних мудрствованиях с переводом. Тов. Иолк подробно рассказывал нам об исследованиях, которые он производил в вопросе о переводе этого места из предисловия, он нам сообщил, что все переводы, сделанные до сих пор, неверны, что нужно переводить — не азиатский, античный и т. д., а азиатские, античные и т. д. способы производства, и что о своем открытии он сообщил в Институт Маркса и Энгельса. Вслед за ним т. Кокин поделился с нами результатом своих исследований в этой области. Он, оказывается, обращался за консультацией к людям, для которых немецкий язык является родным, и выяснил, что речь все же идет о формациях.

Иолку и Кокину следовало бы сказать: дорогие товарищи, не тратьте напрасных трудов, не вдавайтесь в сложные исследования там, где вопрос достаточно исследован. Правда ли, что до Иолка и Кокина никто не потрудился сделать правильный перевод этого замечания Маркса? Позвольте усомниться в этом:

«Рассматриваемые в общих чертах азиатские, античные, феодальные и новейшие буржуазные производственные порядки могут быть рассматриваемы как прогрессивные эпохи в истории экономических формаций общества».¹

Этот перевод сделан т. Лениным за 37 лет до изысканий Иолка и Кокина, которым мы и можем рекомендовать внимательнее прочесть «Что такое «друзья народа». Иолк тогда убедится в том, что Ленину факт множественности не помешал рассматривать эти перечисленные порядки как эпохи в истории общества, а Кокину, признавшему свое родство с

¹ Ленин, Соч., 2-е изд., т. I, стр. 60.

Богдановым, вдвойне полезно будет вчитаться в это произведение Ленина. Может быть, оно поможет ему изжить богдановщину.

На одну уступку т. Иолк идет. Он признает, что по Марксу азиатский способ производства был первой ступенью антагонистического общества. Казалось бы, после этого т. Иолку остается сделать только один шаг к правильному пониманию вопроса, но вместо этого снова начинается мудрствование относительно того, что это только первая грубая форма антагонистического общества, как будто первая форма антагонистического общества не является все же общественной формой. Совсем как анекдотическая девица, настаивающая на своей невинности на том основании, что ребеночек ее совсем малюсенький. Ясно, что всякая попытка приписать Марксу не то, что он сказал, ведет к необходимости натянутых толкований. И Маркс в вопросе об азиатском способе производства, как его толкует Иолк, есть уже не Маркс, а иолкизированный Маркс.

Подобную попытку мы имели и в выступлении т. Мухарджи, который в азиатском способе производства видит общинный строй, т. е. доклассовое общество. Между тем у Маркса деспотия — типичный признак восточного общества. Значит, азиатский способ производства — общинный строй с государственной надстройкой? Нехорошо получается, т. Мухарджи!

С другой стороны, товарищи, формально правильно толкующие замечание Маркса об азиатском способе производства, упорно цепляются за каждую букву текста, забывая порой о его содержании. Тут т. Папаян и др. не поспешили на обвинения в ревизии марксизма. Позвольте напомнить вам, как т. Сталин высмеивал на VII пленуме ИККИ людей, цепляющихся за букву в ущерб содержанию марксистской теории в целом. Это было как раз в связи с борьбой против троцкистской оппозиции, пытавшейся опереться на Энгельса против генеральной линии партии в вопросе о построении социализма в одной стране. Тов. Сталин напомнил анекдот, который ходил в кулуарах объединительного съезда партии по поводу Крымского комитета меньшевиков. К Крымскому комитету обратились революционные матросы и сообщили, что ими все подготовлено к восстанию, что дело за руководством и помощью. Что же делают члены комитета? Они заглядывают в первый том «Капитала» и ищут слова: Севастополь, Крым. Не находят. Берут второй том «Капитала», но и здесь нет ни Севастополя, ни Крыма. Обращаются к третьему тому. Оказывается, в трех томах «Капитала» ни разу не упоминается ни Крым, ни Севастополь, и поэтому меньшевистский комитет не мог дать руководства революционным матросам. (Смех.) Вот т. Папаян и рискует впасть в такое же отношение к трудам Маркса, как и анекдотический Крымский комитет.

Еще одно возражение я должен сделать т. Иолку, после чего перейду к основным вопросам нашей дискуссии, по которым у нас с ним существенных разногласий нет. Тов. Иолк считал мою позицию нелогичной на том основании, что если, мол, Маркс ошибся, а Мадьяр и мадьярята правильно излагают его ошибочные взгляды, то я не должен был с ними полемизировать. Это замечание Иолка, разумеется, в корне неправильно, ибо оно страдает «избытком» логики. Надо понять, что если позиция Мадьяра ошибочна и вредна, то она тем вреднее, поскольку он имеет возможность прикрываться буквой, вычитан-

ной у Маркса. Совершенно очевидно, что если бы у Маркса не было азиатского способа производства, если бы он был выдуман Мадьяром, то и наша дискуссия, как и все споры по этому вопросу, не носили бы такого затяжного, такого упорного характера.

Тут пытались навязать мне взгляд, будто я свожу все к недостаточному знакомству Маркса с Востоком. В этом вопросе к моим оппонентам присоединился и т. Мухарджи. Но не скажет ли он, кому принадлежит такое положение:

Если бы Марксу были известны не только книги Мюллера и других прислужников капитала, которые в то время работали над вопросами истории Индии, а были бы известны более поздние работы, в частности опубликованные в начале XX в., он, без сомнения, значительно изменил бы свою точку зрения.¹

Пересолив в дискуссии по докладу т. Дубровского, т. Мухарджи сейчас думает обойтись совсем без соли.

Я уже говорил в докладе, что Маркс стоял на самом высоком уровне современного ему востоковедения, я говорил лишь об уровне этого востоковедения, о том, что взгляды Маркса на Восток были обусловлены общим уровнем исторической науки его времени. Конечно, товарищи, остается еще много поработать над критикой источников Маркса. В этой области еще ничего не сделано серьезного. Статья Фокса в «Летописях марксизма» ничего не прибавляет к нашим знаниям. Папаян только из статьи Фокса узнал, что читал Маркс по Востоку, между тем это и до сих пор было известно по ссылкам самого Маркса в его работах. Между тем эта работа ждет еще исследователя. Мы знаем, какую роль сыграла работа Бернье в формировании взглядов Маркса и Энгельса на отсутствие земельной собственности на Востоке. Из работы Савина «Век Людовика XIV» мы узнаем, что Бернье не был беспристрастным мемуаристом, он принадлежал к оппозиции режиму Людовика XIV. И его мемуары об империи Моголов должны были каким-то образом отразить его политические настроения, короче говоря, его тенденциозность не могла не повредить его объективности.

Нужно совершенно отменить методы Папаяна, пытавшегося изобразить дело таким образом, будто Маркса 1859 г. я рассматриваю как не марксиста, будто он деградировал от 1845 к 1859 гг. Папаян даже говорил о каком-то низком уровне марксизма, пытаясь кому-то приписать свои собственные дикие фантазии. Нельзя же, в конце концов, думать, что Маркс, написав в 1844—1845 гг. «Немецкую идеологию», дал тем самым ответ на все конкретные вопросы исторического процесса, политической экономики, естествознания и т. д. В чем сам Маркс видел преимущество своего метода обращения с материалом?

Ланге пренаивно говорит, что в эмпирическом материале я «двигаюсь с самой редкой свободой». Ему в голову не приходило, что «свободное движение в материале» есть не что иное, как парафраза известного метода изучения материала, именно диалектического метода.²

Марксу понадобилось 25 лет работы над капиталистическим обществом для того, чтобы дать законченное учение о законах его развития.

¹ Выступление Мухарджи по докладу т. Дубровского. «Историк-Марксист», № 16, стр. 111.

² Маркс. Письмо к Кугельману от 27/VI 1870 г. Цит. по «Диалектике природы», стр. XXXI.

Маркс обладал достаточным материалом по классической истории и истории средневековья, чтобы дать гениальную наметку политической экономики и этих формаций, но эмпирический материал, который был в распоряжении Маркса по истории Востока, не оказался достаточным для решения вопроса о сущности системы общественных отношений на Востоке. Еще в «Что такое «друзья народа» Ленин очень зло бил Михайловского за то, что тот, как это свойственно было эпигонам народничества, считал, что для марксистов обязательно исповедание абстрактных схем, будто они верят в то, что Маркс дал готовые ответы на все вопросы. Ленин приводит фразу из сочинения Плеханова «Наши разногласия» и замечает:

«Мы ни в каком случае не хотим прикрывать свою программу авторитетом великого имени» (фраза из «Наши разногласия». М. Г.) (т. е. авторитетом Маркса). Понимаете вы русский язык, г. Михайловский? Понимаете вы разницу между исповеданием абстрактных схем и отрицанием всякого авторитета Маркса в судении о русских делах?

Тот, кто при конкретном изучении истории Востока будет исходить не из метода марксизма, а из богдановских концепций, ничего не поймет в истории народов Востока и ее только извратит, что и случилось с вами, гг. Кокин и Папаян, причем вам, как видите, не помогло и формальное использование отдельных цитат из Маркса. Ленин считал, что в русских делах гораздо важнее уметь пользоваться методом Маркса в применении к русской действительности, в то время как отдельные замечания Маркса о России могли и не быть вполне адекватными действительности. Например, сейчас изображение русской дореформенной деревни XIX в. как экономически изолированного микрокосма едва ли может считаться точным.

Тут многими подчеркивалось, что Маркс дал только политическую экономию капиталистического общества. Это верно, и поэтому нам теперь приходится трудновато с изучением докапиталистических формаций, но мы знаем, что Маркс дал совершенно точную характеристику классовой структуры этих формаций. Возьмем «Коммунистический манифест». Маркс и Энгельс вносили поправки в некоторые положения, сформулированные в Манифесте. Одна поправка была внесена в результате опыта Парижской коммуны и касалась необходимости ломки старой государственной машины при пролетарской революции, а вторая — поправка Энгельса в связи с уточнением взглядов о родовом обществе. Если поверить Папаяну, что Маркс и Энгельс имели четкие представления об азиатском обществе, то, что стоило им в том месте, где они пишут о рабах и рабовладельцах, патрициях и плебеях, баронах и крепостных, цеховых мастерах и подмастерьях, приписать — водочерпий и водопользователь (смех), — тогда классовая структура азиатского способа производства в ее идилической форме была бы нам ясна не только по Мадьяру и Папаяну, но и по Марксу.

Кстати, некоторую вольность позволяют себе Кокин и Папаян, когда пишут:

Надо сказать, что Маркс считал азиатское общество застойным, постоянно воспроизводимым в одних и тех же формах. Объясняется это тем, что история Востока в те времена была еще мало исследована. (Вами ли это написано, гг. Кокин и Папаян?). На самом же деле ни Египет, ни Индия на одном месте не топтались. Они шли вперед, развивались, правда, очень медленно. Мы видим развитие торговли, медленный, но все же прогресс — земледелия, появление города, возник-

новение ремесла, цехов, даже мануфактуры. Таким образом нельзя говорить о застойности. (Итак, гг. Кокин и Папаян, и вы себе позволяете маленькую «ревизию» марксизма!). Можно говорить о черепашем темпе развития, об относительной застойности азиатского общества. Тем не менее, несмотря на известную переоценку этого момента, Маркс делает из него ряд выводов, которые несомненно правильны.¹

Выходит, что и Маркс мог «переоценивать» некоторые моменты и при этом все же делал правильные выводы.

Почему же Кокин позволил себе иронизировать над тем местом в моем докладе, где я говорил что марксовы высказывания по отдельным вопросам истории Востока остаются для нас методологически направляющими, несмотря на то, что концепция или вернее гипотеза об азиатском способе производства не подтвердилась.

Теперь относительно Ленина. Я в докладе доказывал, что у Ленина мы не находим теории азиатского способа производства, но, оказывается, Папаян нашел. Как это случилось? Этим открытием мы обязаны методу и стилю, которые характеризуют работу Папаяна. Этот метод и этот стиль никуда не годятся. Этот метод и этот стиль восходят к Мадьяру, который в предисловии к работе «Экономика сельского хозяйства в Китае», приводя цитату из Ленина, начинающуюся словами «поскольку в Московской Руси была (или: если в Московской Руси была) национализация земли» и т.д., пишет:

Кстати, мы должны констатировать, что это заявление Ленина решает с полной ясностью, не оставляющей никаких сомнений, и схоластические и ненужные споры о том, «признал» ли Ленин азиатский способ производства. Эти слова Ленина с полной ясностью и неопровержимостью доказывают, что Ленин в полном согласии с Марксом «признал» азиатский способ производства.²

В сноске к цитате из Ленина Мадьяр относит ее к заключительному слову на Стокгольмском съезде, между тем это было сказано не на Стокгольмском съезде, а на докладе о съезде в Петербурге. Папаян, имевший здесь печальное мужество отсылать меня к этому положению Ленина, сам, смею это заявить, контекста не знает, ибо и он делает ту же ссылку на Стокгольмский съезд, значит, он цитирует Ленина из вторых рук, именно по Мадьяру.³ Между тем, если бы наши авторы обратились непосредственно к Ленину, они могли бы себе уяснить смысл спора с Плехановым и не наговорили бы того, что они сказали. Приведем на этот раз интересующее нас место полностью:

В самом деле, взгляните сначала на эту «национализацию в московской до-петровской Руси». Не будем уже говорить о том, что исторические воззрения Плеханова состоят в утрировке либерально-народнического взгляда на московскую Русь. Говорить с национализацией земли в до-петровской России серьезно не доводится, — сошлемся хотя бы на Ключевского, Ефименко и др. Но оставим эти исторические изыскания. Допустим на минуту, что в московской, до-петровской Руси, в XVII веке, существовала действительно национализация земли. Что отсюда следует? По логике Плеханова отсюда следует, что ввести национализацию, значит облегчить реставрацию московской Руси. Но такая логика есть именно софизм, а не логика, или игра в слова, без анализа экономической основы явлений или экономического содержания понятий. Поскольку в московской Руси была (или: если в московской Руси была) национализация земли, постольку экономической основой ее был азиатский способ производства... Национализацию, основанную

на азиатском способе производства, он смешал с национализацией, основанной на капиталистическом способе производства... Из посылок его аргументации вытекает реставрация московской Руси, т. е. реставрация азиатского способа производства, т. е. чистейшая бессмыслица в эпоху капитализма.¹

Кроме того, не мешает вспомнить, что Ленин никогда не забывал, что национализация земли возможна лишь в капиталистическом обществе:

Теоретическое понятие о национализации неразрывно связано с теорией ренты, именно капиталистической ренты, как особого вида дохода особого класса (землевладельческого), в капиталистическом обществе.²

Можете ли вы после этого утверждать, что Ленин термин азиатский способ производства применяет в смысле специфической общественной формации? Или, по Ленину, может быть, Московская Русь не была феодальной? Не ясно ли, что самый термин Лениным допущен постольку, поскольку он «на минуту» допустил существование национализации земли в Московской Руси.

Не хочу нагромождать цитаты из Плеханова. Товарищам, берущим на себя труд толковать высказывания Ленина против Плеханова в духе теории азиатского способа производства, не лишне было бы ознакомиться с речами и статьями Плеханова по вопросу об аграрной программе. Плеханов вслед за Костомаровым утверждал, что:

население страны (Московской Руси) разделилось на государственных сирот (крестьяне и вообще тяглые люди), государевых холопов (служилые люди) и государственных богомольцев (духовенство).³

Землей распоряжался царь в целях удовлетворения интересов государства. Государство Московской Руси, по Плеханову, само по себе, господствует над всеми сословиями, закрепощенными государству. Против этих извращающих марксизм идей и боролся Ленин, и мы целиком следуем ему, когда ведем борьбу против школы Мадьяра, протаскивающей те же идейки, да еще в ухудшенном напечатанном «богдановскими красками» издании.

Можно было отослать всех интересующихся этим вопросом еще и к четвертой главе только что цитированной работы Ленина, где он, продолжая полемику против Плеханова, утверждающего, что национализация ведет к реставрации азиатских отношений, пишет:

Итак, реставрация «легче будет» восстановить эту, т. е. полуазиатскую, национализацию, ибо Ленин (и крестьянство) теперь требуют национализации. Что это? Историко-материалистический анализ или чисто-рационалистическая «игра словами»? Слово ли «национализация» облегчает восстановление полуазиатских порядков или известные экономические изменения? Если бы Плеханов полумал над этим, то он увидел бы, что муниципализация и раздел уничтожают одну основу азиатчины, помещичье средневековое землевладение, но оставляют другую: наделное средневековое землевладение. Следовательно, по существу дела, по экономическому существу переворота (а не по обозначению его тем или иным термином) именно национализация устраняет экономические основы азиатчины гораздо радикальнее. «Фокус» Плеханова состоит в том, что он назвал «своеобразной национализацией» средневековое, зависимое, тягловое служилое землевладение, перепрыгнув через два вида этого землевладения: наделное и помещичье. Благодаря этому

¹ Кокин и Папаян, стр. 86.

² Там же. Предисловие, стр. LVIII.

³ При вторичной правке стенограммы т. Папаян, наконец, выправил эту цитату непосредственно по Ленину.

¹ Ленин, Соч., 2 изд., т. IX, стр. 187. Доклад об Объединительном съезде. (Курсив мой. — М. Г.).

² Ленин, Соч., т. XI, стр. 393.

³ Плеханов, Соч., т. XV, стр. 33.

передергиванию слов, оказался смятым реальный исторический вопрос: какие виды средневекового землевладения уничтожает та или иная аграрная мера. Незамысловаты же приемы плехановского фейерверка!¹

Интересно, что, обвиняя наших товарищей в том, что они находят национализацию земли там, где существовали феодальные отношения, мы в сущности повторяем обвинения Ленина против Плеханова. Не могу отказать себе в удовольствии привести еще одно замечание Ленина из этой же работы:

Землевладение государственных крестьян (до 80-х годов) или бывших государственных (после 80-х годов) должно было бы, если бы реальна была плехановская боязнь возврата к азиатчине, оказаться самым чистым типом «государственного феодализма».²

Если вам не ясно после этого, что государственную собственность на землю Ленин рассматривал не как азиатский способ производства, а как «государственный феодализм», то вы, естественно, не можете понять, почему мы предпочитаем говорить о своеобразном феодализме на Востоке, а не об азиатском способе производства.

Свой тезис о том, что у Ленина вы не найдете ни одного указания на реальное существование азиатского способа производства, что в его формулировках, относящихся к смене общественных форм, точно также нет признания азиатского производства, я считаю непоколебленным.

Несколько слов в связи с нашими спорами об оценке отдельных положений, выдвигаемых школой Мадьяра.

Какое обвинение я выдвинул против этой школы? Прежде всего, что монистическим взглядом на понимание факторов, формирующих общественную формацию, эта школа не обладает, при чем, как в этом можно было убедиться на примере нашей дискуссии, дело иногда доходит до курьезов.

Т. Кокин и Папаян, ведь вы почти один человек (с м е х), и даже у вас нет единства в понимании основы азиатского способа производства! В своем содокладе т. Кокин нашел возможным к тем факторам, которые у них фигурировали раньше, прибавить новый. Он выдвинул концепцию довольно остроумную, или правильнее сказать, она была бы очень остроумна, если бы не была лишена здравого смысла (с м е х). Я говорю о его иероглифической теории. В Азии азиатский способ производства имел-де еще место и потому, что класс литератов, господствовавший там, держался еще тем, что иероглифическая система письма затрудняла доступ в этот класс новых элементов. Любопытно, что за двести лет до Кокина Вико писал о иероглифической теории, но писал, я бы сказал, в более материалистическом духе, чем Кокин, ибо по Вико иероглифическая система была следствием особых условий существования человечества на определенной стадии. В погоне за курьезными теориями не отстает от Кокина его учитель Плотников. Характеризуя особенности азиатского способа производства, Плотников опирается на Прескотта:

В Мексике, — говорит Прескотт, — вся крестьянская земледельческая молодежь, достигшая определенного возраста, должна была вступать в брак в опреде-

¹ Ленин, Соч., т. XI, стр. 420. Аграрная программа с.-д. в первой русской революции.

² Там же, стр. 421.

ленный день. В книге Гране я нахожу то же самое. В Китае фиксировался определенный день, день урожая, когда юноши должны были ухаживать за девушками и заключать браки.

Плотникову можно было напомнить о «пережитке азиатского способа производства», даже в СССР — обычае, сохранившемся в нашей деревне (конечно, коллективизированная деревня быстро забудет его вместе с другими старыми обычаями), заключать браки в Петров день, только у нас юноши разделяют всю процедуру на две части: ухаживают весной, а женятся летом, а в Китае все совершается в один день. Почувствовав шаткость своих рассуждений, Плотников переходит к более серьезным доводам:

Мы находим такое указание на большую роль, которую играли общественные склады, служившие для поступающих с населения натуральных поборов, обеспечивавших выполнение общественных работ. Это действительно основа азиатского способа производства, она связана с определенными географическими условиями.¹

Оставляем в стороне вопрос о том, что теория складов столь же серьезна, как иероглифическая и брачная, — нас здесь занимает сама методология Плотникова, его подход. В одной фразе Плотников сделал столько ошибок, что их придется рассмотреть особо. Я не буду спорить по вопросу об общине, потому что я в докладе привел решающие высказывания Маркса по этому вопросу, высказывания, совершенно обойденные в дискуссии моими оппонентами. Я не буду также говорить по вопросу о государстве. Тов. Кокин и, не так решительно, т. Папаян признали здесь, что их концепция государства на Востоке ведет к Богданову. Все это верно, надо только быть смелее и признать, что эта теория не ведет к Богданову, а отправляется от его теории. Менее удовлетворительны признания Кокина и Папаяна по вопросу о классовом образовании на Востоке. Одно надо приветствовать — что Кокин и Папаян стали на путь отказа от некоторых своих ошибок. пожелаем им завершить этот путь ускоренным темпом.

Но т. Плотников выступил с развернутой защитой всех ошибочных положений, выдвигаемых школой Мадьяра. В лице т. Плотникова механистическая концепция в применении к изучению исторического процесса на Востоке получила наиболее последовательного защитника. Мы все уважаем Плотникова, как большого эрудита, но эрудиция сама по себе никогда не была гарантией от крупнейших ошибок, здесь мы могли в этом убедиться еще один раз.

Тут Папаян настаивал на том, что споры об азиатском способе производства есть чисто научные споры, и не к чему сюда приплетать политику. А борьба с механистическими тенденциями и теориями, с открыткой богдановщины, спрошу я Папаяна, является сегодня задачей политической или чисто научной? С каких это пор мы стали так отделять наши политические и научные задачи одни от других?

Плотников целиком повторяет ошибочные взгляды школы Мадьяра по вопросу о классах и государстве на Востоке. Он дает чисто механистическую теорию роли торгового капитала в историческом процессе на Востоке и наконец фактически становится на позиции географического материализма. По Плотникову азиатский, античный и феодальный

¹ При правке стенограммы т. Плотников заменил слова «основа азиатского способа производства» словами: «это характерно для азиатского способа производства». М. Г.

способы производства вырастают на основе определенного географического комплекса, и даже возникновение капитализма он выводит из географического фактора. Все, конечно, помнят, как Плотников иллюстрировал свою мысль на примере античного способа производства, который по его мнению своим стержнем, основой имел торговые пути средиземноморья, в свою очередь базировавшиеся на определенных географических условиях. Все свои рассуждения т. Плотников облек в тогу защиты значения географического фактора против тех, кто, якобы, совершенно отрицает роль природных условий в истории человечества. Если он этим хотел сказать, что человек живет не в безвоздушном пространстве, если он хотел убедить нас в том, что негры центральной Африки не охотятся на тюленей, а эскимосам неудобно ходить нагишом, то его старания безусловно увенчаются успехом. Но в действительности Плотникова занимает другое. Позвольте вам напомнить одну мысль, высказанную им вчера:

Именно основная марксистская мысль заключается не в том, что географическая среда не оказывает влияния на ход исторического развития. Это коренным образом неверно. Марксистская мысль гласит, что непосредственного, прямого влияния географическая среда на «дух народов», как говорили в начале XIX столетия, не имеет, а есть влияние через посредство процесса производства.

Против кого борется здесь Плотников? Против тех, кто утверждает, что «дух народов» определяется географическими условиями. Но мы ведь спорим не на духовные темы, и нечего прикрываться критикой явно нелепых положений. Все рассуждения Плотникова являются результатом того, что он воспринял плехановскую переоценку географического фактора и обогатил ее рядом своих собственных ошибок. В самом деле, обратимся к одному из решающих высказываний Плеханова по этому вопросу:

Нас спросят, может быть, не существует ли связи между указанными выше природными, географическими условиями человеческого развития и теми условиями его, которые бессознательно создаются людьми в процессе производства продуктов? Связь эта несомненно существует. Под влиянием географических условий совершается экономическое развитие человечества. Оно происходит с большею или меньшею быстротою, принимает то или другое направление именно благодаря тому или другому характеру географической среды, окружающей данное общество. В Китае и в Аттике, в равнинах северной Америки и на берегах Нила формы общественных отношений на первых ступенях развития были совершенно одинаковы, можно сказать тождественны. Наука о первобытных учреждениях повсюду находит например родовой быт. Человечество, очевидно, имеет одну точку отправления. Но природные условия борьбы за существование различны, и потому формы человеческого общежития с течением времени принимают различный характер. Одинаковый повсюду родовой быт уступает место самым различным общественным отношениям. Строй афинского общества не похож на строй Китая, ход экономического развития Запада вообще не похож на ход экономического развития Востока. Конечно, много зависит тут и от влияния окружающей данное общество исторической среды, но «географическая подкладка» человеческого развития все-таки несомненно и очень сильно дает себя чувствовать.¹

Совершенно ясен эклектический характер этой установки, ничего общего не имеющей с марксистско-ленинским учением о законах развития общественных форм. Плотников, какими бы оговорками ни обставлял свои формулировки, сколько бы он ни раскланивался по адресу социального фактора, стоит на позициях географического материализма. Охотно согласимся, что его географический материализм более

рафинированный, чем у материалистов конца XVIII в. или начала XIX в., так как он «духа народов» непосредственно из природных условий не выводит.

Но что лежит в основе развития человеческого общества по Плотникову?

В основе развития человеческого общества лежит трудовая борьба человека с природой.

Общественная структура возникает на основе определенной формы борьбы человека с природой. Это или пустая фраза или доподлинный географический материализм. Нельзя же марксисту с такой формулой подходить к объяснению основ исторического процесса. Эта формула, может быть, имеет смысл, поскольку вы ее применяете к доклассовому обществу или бесклассовому, она не верна, когда вы даете ее в качестве ключа к антагонистическим формациям.

В своем эклектизме т. Плотников кроме Плеханова имеет еще одного видного предшественника.

Форма хозяйства зависит от тех условий развития, в которые ее ставит географическая обстановка жизни данного народа, и от той социальной организации, которая исторически развивается в этой своеобразной обстановке.²

Географический материализм Плотникова смыкается с другими его ошибочными взглядами, таюже типично механистическими.

Утверждая, что открытие Америки обусловило победу капиталистической формации в Европе, Плотников все-таки почувствовал себя неловко и решил подкрепить географию социальным моментом. «Капитализм появляется в Европе дважды и оба раза в связи с торговлей». Кто же станет спорить против громадной роли торгового капитала в победе капитализма, но у Плотникова торговый капитал выступает отнюдь не в той роли, какую ему приписывал Маркс. По Плотникову, он подлинный демиург истории. Капитализм создан торговым капиталом; абсолютная монархия создана торговым капиталом; на Востоке торговый капитал разложил азиатский способ производства и породил феодализм.

Маркс между тем не придавал такого универсального значения торговле:

В какой степени она (торговля) влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства.³

Как видите, грех имеет свою логику. Погрешивши против марксизма в одном, вы неизбежно покатались по греховной стезе дальше и дошли, т. Плотников, до того, что Кокин и Папаян от вас спешат отмежеваться, вы для них явились тем зеркалом, которое отразило их собственную кривую... теорию. А с вашей стороны, тг. Кокин и Папаян, немножко нечестно пенять на зеркало.

По Плотникову, азиатский способ производства в Азии существовал только в эпоху Чжоу. А вдруг окажется правильной точка зрения, которую развивал Осипов? Что, если Чжоу-Ли действительно продукт

¹ Плеханов, Чернышевский, стр. 37.

² К у н о в, Всеобщая история хозяйства, стр. 14.

³ М а р к с, Капитал, т. III, ч. 1, стр. 256.

Ханьской эпохи? Куда поместит тогда Плотников азиатский способ производства? Он стал на скользкий путь, он подрывает свою собственную концепцию.

На чем все это держится? На том, что Кокин и Папаян поверили в Чжоу-Ли, а есть люди, в частности Иолк, написавший хорошую статью об этом, которые считают Чжоу-Ли фальсификацией. Конечно, дело не в этом, но в том, что Плотников не дает решения вопроса о движущих силах или дает решение, но по-богдановски.

Тт. Кокин и Папаян пренебрежительно отзывались о работе т. Сафарова. На его примере, по их мнению, можно проверить, как концепция феодализма в применении к истории востока приводит к непониманию исторического процесса. Можно и даже должно спорить об отдельных положениях, выдвигаемых т. Сафаровым, но мне представляется бесспорным, что его труд «Классы и классовая борьба в истории Китая» есть первый, выдержанный в духе марксизма опыт объяснения движущих сил китайской истории. Не помнящие родства тт. Кокин и Папаян забывают заявление своего вождя т. Мадьяра, напечатанное в предисловии к их же книге:

Мы считаем своим долгом заявить, что через работы т. Сафарова мы лично пошли до, на наш взгляд, правильного понимания марксовской концепции о восточном обществе.¹

Я коренным образом не согласен с С. И. Ковалевым, но должен отметить, что он первый из сторонников теории азиатского способа производства попытался, не прибегая к богдановским рецептам, дать характеристику классовой структуры азиатского общества. Выдержал ли он это методологически до конца — вопрос другой. Об этом будем говорить потом.

Теперь о феодализме, как об общественной формации в связи с учением о формациях. Начну с С. И. Ковалева, с его определения азиатского способа производства. Что у него получается? Группа привилегированных лиц, владеющая средствами производства, эксплуатирует тоже коллективного производителя — общину. Я обвиняю С. И. Ковалева в том, что в данном случае он бесспорно допустил ошибку формалистического порядка. Что его интересует? Как организован господствующий класс, как организован класс угнетенных, а далее, — связь общественная, как осуществляется диалектическое единство двух противоположных классов — его уже не занимает. Для того, чтобы показать это единство, мало сказать, что класс собственников эксплуатирует класс производителей. Не в самом факте эксплуатации дело, а в *способе* эксплуатации.

Весь спор с Сергеем Ивановичем сводится к тому, может ли он обосновывать новый, иной специфический способ эксплуатации тем, что класс эксплуататоров объединен в коллектив, а угнетенный класс коллективно производит. Само существование такого общества еще дискуссионно. Но во всяком случае этого мало для определения специфической формации.

Здесь Сергей Иванович повел себя, можно сказать, совершенно неожиданным для меня образом. Почему он обошел то, что Маркс называет самой глубокой тайной, сокровенной основой классового общества?

По Марксу, самая глубокая тайна — способ высасывания прибавочного продукта. А вы говорите, что господствующий класс коллективно владеет средствами производства, а другой класс коллективно производит. И все.

Вы называете данное Иолком определение феодализма веберовским. Я не могу считать определение Иолка законченным. В том виде, как оно было им дано, конечно, остается почва для тех сомнений, которые вы высказывали. По существу же оно не веберовское, а марксистское. Когда вы шли сюда, т. Ковалев, вы еще не могли знать, как выступит Иолк. Значит цитаты из Вебера вы, повидимому, запасли против меня, поэтому отвечать на это мне и придется.

Как основу феодализма, основу, отличающую ее от всех других формаций, вы выдвигаете расчлененность собственности. Что эта за расчлененность? Если речь идет о расчлененности, при которой господствующий класс владеет средствами производства не коллективно, а в индивидуальном порядке, то об этой расчлененности не стоило бы и говорить, — она существует и при рабовладельческом строе и при капитализме. Значит, речь идет о иерархии, или о расчлененности в обычном смысле этого слова. Действительно Маркс подчеркнул в «Немецкой идеологии» значение иерархии для феодализма. Тов. Ковалев приводил здесь соответствующее место, где Маркс говорит о иерархической собственности феодального общества и связанной с ней системой вооруженных дружин. Является ли это моментом, вводящим нас в «сокровенную основу» феодального общества? Нет, товарищи! Обратимся к той же «Немецкой идеологии», только не к части, относящейся к Фейербаху, а к «Святому Максусу»:

Что касается действительной иерархии средних веков, то мы здесь замечаем только то, что она не существовала для народа, для масс. Для массы существовал только феодализм, а иерархия настолько, насколько она сама являлась феодализмом.¹

Иерархия не существует для массы. Если вам это ничего не доказывает, то потому, что вы упорно не желаете стать на точку зрения маркса понимания общественной формации. Вам это ничего не доказывает? Потому не доказывает, что вы не признаете способа высасывания прибавочного продукта основным моментом в определении общественной формации. Для массы нет иерархии, есть только феодализм, т. е. такая система, при которой из непосредственного производителя выжимается прибавочный продукт определенным способом.

Плотников поступил гораздо проще. Он объявил, что по Годесу способ высасывания прибавочного продукта является основой для различения одной общественной формации от другой. По Годесу? Не много ли чести для меня? И не следует ли из этого вашего замечания, что вы не поняли у Маркса очень существенной черты его теории?

С большим интересом я выслушал выступление т. Струве. Отмечу только, что термин «государственный капитализм» неправильно применять к тому материалу, которым он оперирует, даже в сугубо условной форме. Вся речь т. Струве была в защиту теории азиатского способа производства. Побольше таких защитников пожелал бы я этой теории. Весь интересный фактический материал, который был здесь

¹ Кокин и Папаян, Предисловие, стр. LXII.

¹ Маркс, Святой Макс, стр. 150.

приведен, говорит, по моему, именно о феодальной системе эксплуатации. Мне кажется, что т. Струве, поскольку он не является «злостным азиатчиком», имеет все данные быстро вернуться на правильные позиции.

Один частный вопрос. Плотников указывает, что я абсолютную монархию Людовика XIV не отличаю от восточной деспотии. Придется напомнить, что я говорил в докладе. Я сказал, что обязанность каждого исследователя-марксиста, занимающегося вопросом о централизации монархии при феодализме, заключается в том, чтобы в первую очередь выяснить, какую роль в этой централизации сыграла классовая борьба, ибо история человеческого общества есть борьба классов. Когда вы хотите изучить историю централизованной монархии при феодализме, то должны выяснить не только как были построены склады, как поставлено орошение, существовали ли иероглифы и т. д., а должны проследить, как классовая борьба создавала ту или иную форму политического господства. Вот что я хотел сказать, проводя параллель между Людовиком XIV — можно взять и Генриха IV, не в этом дело, — и восточной деспотией. Почему это не нравится Плотникову? Потому что это действительно сводит работу историка на ту базу, которая должна быть обязательной для историка, обладающего историческим чутьем, марксистским чутьем. Исторического чутья не марксистского не бывает. Историческое чутье — это прежде всего марксистское чутье. Выходить на трибуну и, не задумываясь, отбрасывать точку зрения, которая в классовой борьбе ищет объяснения формы государства, отбрасывать ее путем словесной гимнастики — не годится.

Я, тт. Кокин и Папаян, приветствую от всей души ваш отход от Плотникова. Если заглянуть немного в историю, то ведь, когда ребенок еще лежал в яслях, — я имею в виду, конечно, не самих Кокина или Папаяна, а их произведение, — мы видели наклонившимися над яслями трех волхвов: т. Плотникова, академика Алексева и т. Воробьева. Академик Алексева признавал концепцию Кокина и Папаяна совершенно правильной на том основании, что, раз Китай находится в Азии, значит это азиатский способ производства. А Плотников выступил с большой речью, в которой он взял под свою защиту всю их концепцию.

Теперь Кокин и Папаян отходят от Плотникова, — но как отходят? Они отказываются от богдановской схемы государства, но сохраняют по существу многое из этой теории, — из богдановской схемы происхождения классов. Нельзя отходить, товарищи, цепляясь руками за фалды Плотникова и Богданова.

Переходим к вопросу о ходе исторического процесса. Кокин, а за ним Плотников утверждали, что теория азиатского способа производства составляет неотъемлемую часть в марксистском учении о формациях, что отказ от этой теории влечет ревизию всего учения. Плотников аргументировал даже тем, что, если мы откажемся от азиатского способа производства, у нас останутся только две капиталистических формации. Подумаешь, какой скандал, не три, а две. Что за любовь к священным числам! Вопрос о числе докапиталистических формаций — вопрос реальной исторической действительности. Плотников много декламировал на тему об отсутствии исторического чутья у тех, кто отрицает третью формацию. Почему только он не посмел отнести это к Энгельсу и Ленину, у которых (см. «Анти-Дюринг», «Происхождение

семьи», «Лекцию о государстве») только две, а не три докапиталистических формации? Бедные Энгельс и Ленин не предвидели обвинения Плотникова в отсутствии исторического чутья. Я этим не хочу здесь противопоставить Энгельса и Ленина — Марксу, я вовсе не думал утверждать, что в этом вопросе Энгельсу или Ленину пришлось пересмотреть какую-нибудь существенную часть в работах самого Маркса. В самом деле, если вы обратитесь непосредственно к Марксу, вы увидите, что, поскольку у него речь идет о системах эксплуатации, мы имеем дело лишь с тремя системами: одной — капиталистической и двумя — докапиталистическими. В сущности, вся история классового общества есть история изменения формы угнетения одних классов другими или проще говоря (видите, т. Плотников, я не боюсь ваших обвинений в упрощенстве) изменения форм рабства. Только в отношении докапиталистических формаций рабство выступает в откровенном виде, а для того, чтобы открыть систему угнетения, свойственную капиталистическому обществу, потребовались десятилетия работы самого гениального из людей. Маркс сорвал вуаль товарного фетишизма и показал систему эксплуатации капиталистического строя в неприкрытой наготы.

И Ковалев и Плотников «дружески» подбивали меня отказаться и от античного способа производства, потому что это, якобы, следует из моей позиции. По Плотникову, поскольку капиталистическое общество высасывает из непосредственного производителя прибавочную стоимость, а все докапиталистические — прибавочный продукт, всякий, кто признает систему эксплуатации основным критерием при различении одной формации от другой, должен логически притти к признанию одной докапиталистической формации. Я напомнил эту мысль Плотникова не потому, что здесь можно против него серьезно полемизировать, я хотел лишь обратить ваше внимание на яркий образчик словесной эквилибристики. Как будто Плотников не понимает, что нас занимает именно способ высасывания прибавочного продукта, а не самый факт эксплуатации. Иронизируя над Грациадеи, Плотников старался обрисовать нашу позицию так, как будто она не отличается от позиции этого ревизиониста.

Когда Плотников говорил о том, что историк должен побольше мудрить, мне невольно пришло на память другое выступление Плотникова, правда не устное, а печатное, имевшее место семь лет тому назад. В своем введении к изданной им хрестоматии по «Теории ценности» Плотников и Маркса обвинял в том, что он недостаточно мудрит, что у него в обосновании теории ценности логика недостаточно тонка, что вообще эта теория обоснована еще Адамом Смитом, а Маркс лишь догматически развивал ее, так как ему нужно было обосновать социализм.

Здесь С. И. Ковалев и В. В. Струве начинали с личных справок. Они рассказывали, как несколько лет тому назад они выступали моими соратниками. Два года — это, конечно, достаточный срок, чтобы повернуть на все 180. Придется и мне привести одну справку. Сергей Иванович в прошлой нашей дискуссии, возражая против концепции азиатского способа производства, выдвинул мотив о том, что признание этой теории ведет к Гегелю. Теперь Сергей Иванович пришел к признанию этой теории и, действительно, пришел к Гегелю. По отношению к самому себе он, таким образом, оказался пророком.

Тов. Ковалев говорил об однолинейности и прямолинейности исто-

рического процесса. Он утверждал, что исторический процесс развивался по линии афроевразийского узла, он пытался эти взгляды приписать Марксу, но, как нетрудно убедиться, это было переложением Гегеля. Можно ли сказать, что марксизм отрицает однолинейность исторического процесса? Нет! Ограничусь лишь напоминанием того места из лекции Ленина о государстве, где он говорит о том, что все человечество прошло в основном один путь развития. Через рабство прошло, по мнению Ленина, почти без изъятия, все человечество: там, где рабство сменилось более прогрессивной общественной структурой, ею был феодализм; последний в свою очередь сменяется капитализмом и т. д. История человеческого общества есть история движения к социализму. И если в Европе этот путь был пройден наиболее быстрым темпом, это вовсе не значит, что история других народов не лежала в этом направлении. Но когда выступают с теорией афроевразийского узла, с толкованием однолинейности исторического процесса в том смысле, что он вообще ограничен рамками этого географического комплекса, то это не что иное, как слабая перелицовка Гегеля. Прекрасно известно, что в понятие афроевразийского узла не включаются великие восточные культуры, как Индия и Китай. Афроевразийский узел — это стык трех материков или средиземноморский бассейн. Теория афроевразийского узла ведет к признанию исключительной, мессианской роли Европы. Только здесь шел полноценный исторический процесс, история же остальных народов не представляет никакой ценности. Эта теория неизбежно возрождает старое гегелевское деление на исторические и неисторические народы. По Гегелю движение абсолютного духа началось с Китая, но там не началось его самопознание, точно также не коснулся он глубоко и Индии. Лишь в Персии началось самопознание абсолютного духа. Гегель сравнивает Персию и Китай — розу и непроходимые горы: непроходимые горы имеют преимущество перед розами, но он предпочитает розы. Китайская империя тысячелетия стояла неподвижно, как непроходимая гора, персидская империя быстро увяла, но как роза, увядая, оставляет запах, так и персидская империя была розой, запах которой почувствовал античный мир. Вы знаете, товарищи, что дальнейшее шествие абсолютного духа успешно продолжалось в античном мире, отсюда прошло через европейское средневековье, и, наконец, он воплотился в своем совершенном творении — в прусской абсолютной монархии...

Защита теории азиатского способа производства т. Ковалевым есть защита гегелевских представлений об историческом процессе, хотя и здесь т. Ковалев не совсем одинок. Мадьяр в своем предисловии к книге Кокина и Папаяна тоже рассказывает, как Маркс поставил на ноги гегелевскую схему исторического процесса. Если поверить Ковалеву и Мадьяру, вся работа Маркса заключалась в том, что он переставил с головы на ноги все схемы Гегеля. Незамысловаты же приемы и достижения марксистской теории.

В непроходимые дебри противоречий попадает т. Ковалев, когда начинает толковать о прямолинейности исторического процесса. Каждая общественная формация — необходимое звено в этом процессе. Но, ведь, азиатский способ производства, по-вашему, никуда не ведет, точно так же, как и античный способ производства. Как это

примирить с положением о том, что они составляют необходимые ступени в развитии человеческого общества? Каждая общественная формация является необходимой ступенью в истории человечества, или потому что в недрах ее созревают новые прогрессивные формы, или же по каким-то другим причинам? Чем, действительно, замечателен с этой точки зрения античный способ производства? Тем ли, что от него остались такие бесспорные ценности, как философия Демокрита, Гераклита, Венера Милосская, наконец Гомеровский эпос (Ковалев с места: Еще крупная земельная собственность!). Сергей Иванович, хорошо, что вы это сказали. Давайте разберемся. Аристотель и Демокрит представляют большой интерес, но Аристотелем в Европе после крушения античного мира не интересовались до тех пор, пока средневековые схоласты не занялись его популяризацией. Маркс и Энгельс очень внимательно отнеслись к философии Демокрита и Эпикура. Что это, дело вкуса? Да, но вкуса обусловленного. Только тогда, когда в Европе возникли социальные условия, толкавшие мысль в том или ином направлении, возобновлялся интерес к тем или иным забытым античным духовным ценностям.

Остается крупная собственность. Но крупную собственность создает рабство и без той гипертрофированной формы, которую оно приняло в античном мире. Поэтому марксистская теория в лице ее основоположников и таких продолжателей, как Ленин, всегда подчеркивала значение рабства, как необходимой ступени в развитии человеческого общества. В этом смысле Энгельс говорил, что без античного рабства не было бы современного социализма:

Рабство было найдено. Оно скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, переросших старый общинный быт, и послужило в заключение главной причиной их распада... Мы не должны забывать, что все наше экономическое, политическое и умственное развитие вытекло из такого предварительного состояния, при котором рабство было постольку же необходимо, как и общепризнано. В этом смысле мы имеем право сказать, что без античного рабства не было бы и современного социализма.¹

Понятие рабство, конечно, не всегда совпадает с понятием античный способ производства в том специфическом смысле, в каком мы понимаем общественную структуру классических Рима и Греции. В том случае, когда рабство подчиняет себе все производство, общество неизбежно обречено на крушение, и тогда этот способ производства сам по себе никуда не ведет, но рабство всегда — первая форма классового деления общества.

Нет сомнения в том, что и феодализм является необходимой ступенью в развитии человеческого общества к социализму. Только при феодализме, оставляющем в отличие от рабства место для заинтересованности непосредственного производителя в производственном процессе, становится возможным, в известных условиях неизбежным, распад общества на город и деревню, т. е. создается важнейшее условие прогресса. Без такого разделения труда не было бы и современного капитализма, как без последнего мы бы не занимались сегодня на одной шестой земного шара успешным строительством социализма.

Теперь я в праве спросить, где, кто и когда обосновал необходимость азиатского способа производства, как неизбежной ступени в развитии

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 167, 1931.

человечества? История классового общества есть история изменения форм рабства, но каждая форма рабства была, по сравнению с предыдущей, прогрессивной формой. Рабство, феодализм и капитализм суть три ступени в истории антагонистических формаций.

По Марксу каждому способу высасывания прибавочного продукта из непосредственного производителя присуща особая форма политического господства и подчинения. Энгельс дает этому конкретную иллюстрацию:

Так как государство возникло из потребности сдерживать классовые противоречия, но вместе с тем порождено в разгаре столкновения этих классов, то по общему правилу оно является государством наиболее сильного, экономически господствующего класса, который при посредстве его становится также господствующим политически, таким образом приобретает новые средства, чтобы держать в подчинении и эксплуатировать угнетенный класс. Так, античное государство было преимущественно государством рабовладельцев для подчинения рабов, как феодальное государство являлось органом дворянства для подчинения и обуздания крепостных и зависимых крестьян, а современное представительное государство играет роль орудия эксплуатации наемного труда капиталом.¹

Со стороны Энгельса было непростительно «забыть» восточную деспотию, как государство специфической азиатской формации. Но Кокин и Папаян не дремлют, и ошибка Энгельса исправляется.

Только сегодня я наткнулся в книге Гоникмана «Исторический материализм» на одно любопытное место. Излагая марксову схему из предисловия «К критике», Гоникман производит маленькую перестановку: он ставит на первое место античный, а за ним азиатский способ производства. Таким фокусом спасается рабство, как первая антагонистическая форма, и, к удовольствию Мадьяра и его дружины, сохраняется азиатский способ производства.

Последний вопрос — о политическом значении дискуссии. На том, что наши споры не имеют актуального политического значения, особенно настаивали Плотников и Папаян, но именно они в своих выступлениях допустили немаловажные политические ошибки, тем самым сделав понятным, почему им выгодно было скрыть политическое содержание наших споров.

С моей точки зрения, — говорит Плотников, — современное положение в Китае характеризуется тем, что основные борющиеся классы там — пролетариат и буржуазия, но в той или иной степени в зависимости от районов, в зависимости от условий исторического развития, сохранились еще остатки феодализма.

Не ясно ли, что эта установка ничего общего не имеет с линией Коммунистического Интернационала и Китайской коммунистической партии. После этого пусть Плотников попробует отстаивать положение о полной изолированности наших споров от политики.

Кокин и Плотников прятались в эпоху Чжоу. Лишь один т. Папаян открыто выступил с признанием значения теории азиатского способа производства, как ключа не только к Китаю конфуцианских времен, но и Китаю сегодняшнего дня. По мнению Папаяна, тот, кто не признает остатков азиатского способа производства в современном Китае, не поймет социальной сущности джентри, а не видеть и не понимать джентри в Китае — то же, что не видеть кулака в нашей деревне. Но кулак ведь является внутри страны основным нашим

классовым врагом. По логике Папаяна джентри — остаток азиатского способа производства — основной враг китайской революции. Папаян снисходил, правда в нечленораздельных выражениях, и до признания феодализма, но, когда я ему в упор поставил вопрос: переходный от какого общественного строя к какому переживает современный Китай — от азиатского ли способа производства к капитализму или от феодализма к капитализму, что ответил Папаян? Во первых, он не считал нужным и возможным дать прямой ответ, во вторых то, что он сказал, может быть истолковано только в первом смысле. Вот почему в выступлении т. Иолка была совершенно правильно подчеркнута связь ваших теорий с ошибками в вопросах китайской революции, и если т. Папаян квалифицировал выступление т. Иолка как демагогическое, то это можно объяснить только как попытку опорочить четкую политическую постановку вопроса.¹

Всякий, кто мало-мальски следил за решениями Коминтерна по китайскому вопросу, знает, что во всех решениях современный этап китайской революции характеризуется как буржуазно-демократический, антифеодальный. Ни в одном решении джентри не рассматривается как представитель особого азиатского способа производства, зато во всех случаях, когда речь идет о нем или о бюрократической надстройке в целом, она рассматривается как часть феодальной верхушки китайского общества. Ограничусь одним свидетельством:

Пережитки феодализма в китайской деревне и вся милитаристско-бюрократическая надстройка над этими пережитками является той базой, на основе которой возникла и развертывается нынешняя аграрная революция. Империализм со всей его финансовой и военной мощью в Китае есть та сила, которая поддерживает, вдохновляет, культивирует и консервирует феодальные пережитки со всей их бюрократической милитаристской надстройкой. (Сталин).

Подобно Энгельсу т. Сталин «забыл» сказать об азиатском способе производства. Но пробел, допущенный Сталиным и Коминтерном, не остался не восполненным. Ведь есть т. Папаян!

Остается ссылка Кокина и Папаяна на программу Коминтерна. Для них условный смысл этого термина в программе — книга за семью печатями. Они не поняли, что в программе речь идет не о специфической формации, а подчеркнуто своеобразие восточного феодализма. «Страны с преобладанием феодально-средневековых отношений или² отношений «азиатского способа производства» как в экономике страны,

¹ В сноске, сделанной т. Папаяном после обстрела, которому подверглась его позиция, в вопросе о джентри, и со стороны президиума и в заключительном слове, он пишет: «Не джентри основная фигура, а помещик». Но эта «уступка» партийным позициям звучит весьма фальшиво, поскольку т. Папаян не отказывается от основного своего положения, сводящегося к тому, что помещик существует лишь в той мере, в какой разлагается азиатский способ производства. В стенограмме заключительный абзац выступления т. Папаяна сформулирован так: «В Китае мы имеем остатки азиатского способа производства, как имеем остатки азиатского господствующего класса в лице джентри, но, в то же время, мы имеем и помещика, который появляется в результате разложения азиатского способа производства». Ясно, что формулировки Папаяна в выправленной стенограмме являются лишь дипломатическим отступлением. В основном вопросе о характере социально-экономического уклада современного Китая, как переходного от феодализма к капитализму, т. Папаян явно отходит от партийных позиций. И чем скорее он поймет свою ошибку, тем лучше. — М. Г.

² Курсив мой. — М. Г.

¹ Энгельс, Происхождение семьи, 1923, стр. 155 — 156.

так и в политической надстройке» (Программа Коминтерна). Может быть вы потрудитесь, товарищи Кокин и Папаян, назвать страну, к которой Коминтерн применял понятие азиатский способ производства в смысле специфической общественной формации? Не Бразилия ли это? Или, быть может, Аргентина? Обе эти страны упоминаются в этом абзаце программы.

Если поверить Папаяну, что программа имеет в виду Китай, то как согласовать это со всеми решениями Коминтерна о характере китайской революции, как это согласовать со всеми решениями ККП и ВКП(б) и со всеми высказываниями т. Сталина. Может быть решения Коминтерна расходятся с его программой. Но неуважением к аудитории было бы доказывать несостоятельность такого предположения.

Не ясно ли, что взятый в кавычки термин «азиатский способ производства» имеет в программе цель предостеречь секции Коминтерна от недоучета своеобразия социально-экономического уклада и политического строя колониальных и полуколониальных стран Востока?

Мы были здесь свидетелями маленькой перепалки по вопросу об истине. Тов. Иолк высказался в том смысле, что нас занимает не истина сама по себе, а те выводы, которые из нее вытекают для нашей революционной борьбы. Тт. Кокин и Поляков обиделись за истину. Они упустили, что для нас, как класса до конца революционного, истина всегда совпадает с интересами революции, и нам не приходится выбирать между теориями выгодными или невыгодными.

С той вышки, которую мы сейчас занимаем, вышки мировой пролетарской революции, хорошо видно не только настоящее человечества, но становится гораздо более ясным прошлое человеческого общества и отчетливее вырисовываются контуры будущего.

При современном уровне наших знаний мы должны отбросить теорию азиатского способа производства, как несоответствующую исторической действительности. Естественно, что мы ее отбрасываем еще и потому, что, как теория объективно неправильная, она не вооружает нас в борьбе за колониальную революцию.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТР.
Доклад М. Годеса. Итоги дискуссии об азиатском способе производства . .	5
Содоклад М. Кокина. В защиту теории азиатского способа производства .	35
Прения	55
А. Штуккин	55
Е. Иолк	59
С. Ковалев	74
В. Штейн	82
А. Поляков	87
В. Струве	93
И. Лурье	99
П. Осипов (Чжу-у-Шан)	103
И. Плотников	111
Н. Калемин	125
А. Мухарджи	137
Г. Папаян	145
Заключительное слово М. Кокина	154
Заключительное слово М. Годеса	163

Настоящее издание представляет собой стенограмму дискуссии, происходившей в Ленинграде в феврале 1931 г. и организованной Обществом марксистов-востоковедов и Ленинградским восточным институтом им. А. С. Енукидзе. В описанной Марксом системе развития общества, проходящего последовательные общественно-экономические формации, нашлось место и так называемому «азиатскому способу производства», существовавшему в странах Древнего Востока. При этом способе государство, выступая в том числе в качестве земельного собственника, противостоит непосредственным производителям, находящимся в зависимости от него. Маркс выделил четыре способа производства — азиатский, античный (рабовладельческий), феодальный и буржуазный — и соответствующие им формации. Но позже, в трудах последователей Маркса, в качестве первой общественной формации указывалась рабовладельческая. Для окончательного прояснения вопроса о том, существовал ли азиатский способ производства как особая эпоха исторического развития общества, была организована дискуссия, материалы которой представлены в данной книге.

Размышляя о Марксе

Наше издательство предлагает следующие книги:

6145 ID 77141

9 785397 003346 >

Тел./факс: 7 (499) 135-42-11

Тел./факс: 7 (499) 135-42-11

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете

<http://URSS.ru>

интернет-магазин

OZON.ru

26956117

Любые отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

Дискуссия об азиатском способе производства

По докладу
М. С. Годеса

Размышляя
о марксизме

URSS